

А. ХОДОРОВ
М. ПАВЛОВИЧ

31

國獨立爭鬭運動

霍得洛夫

包洛維什 著

КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Б159076

08.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кодич. пред. выдач.

159 076

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

А. Е. ХОДОРОВ, М. П. ПАВЛОВИЧ

КИТАИ
В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ПРИ Ц. И. К. С. С. С. Р.

МОСКВА — 1925.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

9(51)

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

Главлит 28.327.

Тираж 5.000

Отпечатано в Типо-хромолитографии „Искра Революции“ Мосполиграф.
Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вступительная часть предлагаемой вниманию читателей книги состоит из четырех статей М. П. Павловича, охватывающих историю национально-революционного движения в Китае в период с 1908 по 1922 гг.

Работа т. А. Е. Ходорова состоит из ряда очерков, набрасывающих контуры политического положения, складывавшегося в борьбе народных масс Китая за национальное раскрепощение страны. Работа эта охватывает период от боксерского восстания 1900—1901 г. до наших дней и распадается по материалу на три части, отмечающие взаимоотношения Китая с мировым капитализмом, с СССР и борьбу внутри Китая за власть.

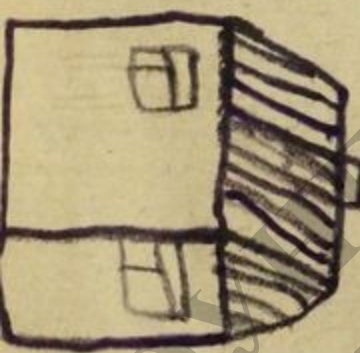
Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

М. П. ПАВЛОВИЧ.

ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ В КИТАЕ.

СОУНБ им. В. И. Белинского
<http://book.uraic.ru>

СОХРАНИТЕ ИМ. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

Накануне свержения манчжурской династии.

(Революционное движение и политические партии в современном Китае (1898—1910) *).

I.

КАН-Ю-ВЕЙ, ЭПОХА СТА ДНЕЙ.

Китай представляет собой своеобразное зрелище во всемирной истории. Это страна, где сохранилась наиболее древняя из известных нам цивилизаций в тех же первобытных формах, какие существовали в сказочные времена ее возникновения. Более 4000 лет прошло с той поры, как династия Нзия основала империю. Современные этой эпохе цивилизации, халдейская и сузианская, исчезли десятки веков тому назад, но китайская существует до сих пор. Она подчинила себе народы и религии, которые пытались стать над ней; ее жизнеспособность ничуть не ослабела, наоборот, все удары только укрепили ее, она имела на своей стороне силу традиции, силу терпения, силу численности. Ни одна страна не пережила столько конвульсий, ни одна не выходила столь закаленной и как бы не тронутой после ряда бурь и катастроф.

Но теперь эта цивилизация стоит накануне грандиозного внутреннего перелома, великой революции, которая в течение нескольких десятилетий покончит со старым Китаем.

За последние годы, особенно со времени русско-японской войны, в европейской литературе появилось очень много журнальных статей и книг по вопросу о «возрождении» Китая. Европейская печать с особым вниманием следит за военными преобразованиями и реформами в Китае и придает им громадное значение. Не говоря уже о множестве сенсационных газетных и журнальных статей, существует целый ряд серьезных трудов, где с особой силой подчеркивается эта

*) Предлагаемая статья была напечатана в 1911 г. в немецком марксистском журнале „Die Neue Zeit“ (Новое Время) и одновременно в социалистических журналах во Франции и Америке. В России она была напечатана в журнале „Возрождение“ в апреле 1910 г. („Возрождение“ № 6. Москва, 14 апреля 1910 г.).

сторона вопроса. В действительности оказывается, что и бесчисленные доклады официальных представителей европейских государств и, якобы, внимательные и беспристрастные отчеты многих любознательных путешественников и наблюдателей о необычайном росте военных сил Китая представляют собой плод предвзятой мысли и поверхностного знакомства с предметом. Как явствует из официального доклада, представленного китайским военным министром принцу-регенту за месяц до недавнего столкновения между Китаем и Японией из-за Мукден-Анхунской дороги, все военные реформы, о которых столько писалось в китайской и европейской литературе, в действительности существуют лишь на бумаге. Из 36 числящихся на бумаге же дивизий, которые должны были составить основу преобразованной китайской армии, на самом деле существует пока, как явствует из доклада самого военного министра, всего пять дивизий; еще более жалкое зрелище представляет китайский флот, о минимуме усилении которого тоже немало писалось и в Европе, и в Китае. И все это вполне естественно. Не может старый Китай с его давно ожившим свое время азиатским режимом создать себе европейскую армию и флот, как это удалось Японии *). И потому во всех этих рассказах о все возрастающем военном могуществе Китая столько же правды, сколько имеется ее в уверениях некоторых французских и английских журналистов насчет громадного прогресса, который, якобы, наблюдается в области усиления и усовершенствования русской армии со времени последней неудачной войны.

Если же, что писалось до сих пор в европейской печати о лихорадочной, почти революционной деятельности, которую, якобы, проявило и проявляет китайское правительство в области административных реформ и переорганизации армии, представляет собой в значительной мере плод фантазии, продукт воображения, испуганного порой призраком желтой опасности, зато совершенно иначе приходится оценить то, что пишется и рассказывается о росте революционного движения в Китае, о пробуждении народных масс. Именно в этой области значительная часть европейской печати с той же недальновидностью, близорукостью и скептицизмом, какие она проявила при анализе персидского и младотурецкого освободительного движения, по крайней мере, до взятия Тегерана бахтиярами и свержения Абдул-Гамида, недооценивает всей глубины и важности того великого духовного процесса, какой переживает население 400-миллионной страны.

В течение последнего десятилетия в Китае выдвинулись две оппозиционные партии: реформистская и революционная.

*) Как и можно было предполагать заранее, первоначальные сообщения о вступлении в Тибет 25-тысячной китайской армии, организованной по европейски и вооруженной всеми последними усовершенствованиями военной техники, оказались значительно преувеличенными. На самом деле, эта армия состояла всего из 2.000 человек и имела в своем распоряжении аппараты беспроволочного телеграфа, пулеметов и т. п., как об этом сообщалось в первых телеграммах.

Реформистское движение было исключительно продуктом деятельности китайских интеллигентов, с горечью наблюдавших процесс развала Китая, возмущенных в своем патриотическом чувстве бесцеремонными действиями европейских миссионеров, купцов и солдат над населением беззащитной страны. Для реформистов не составляли тайны планы европейских государств насчет раздела Китая. Японо-китайская война и особенно последующие события: захват Цзяо-чжоу немцами, Порт-Артура — русскими, Вейхайвэй — англичанами, Гуань-чжоу-вань — французами, ряд этих тяжелых для китайских патриотов ударов открыли глаза передовым представителям китайской интеллигенции на будущие судьбы Срединной империи: если только последняя не сорвет с себя пут, мешающих ее обновлению и свободному внутреннему развитию. Китайские интеллигенты взволновались. Чтобы спасти отечество, нужно преобразовать его самым радикальным образом и притом на европейский лад. В этот-то именно момент (1898 г.) на фоне китайской действительности выделяется интересная фигура знаменитого отныне в истории Срединной империи вождя реформистской партии Кан-Ю-вэй. Он отправляет молодому императору следующее письмо, которое производит глубокое впечатление и на государя, и на всю китайскую интеллигенцию:

«Ваш покорный слуга Кан-Ю-вэй, припадая к вашим стопам, умоляет ваше величество бросить благосклонный взгляд на этот доклад, который показывает, что нашей стране грозит опасность, и что настал момент выработать план реформ и изменить государственный режим... Со времени японо-китайского договора 1894 г. я несколько раз отправлялся во дворец, чтобы указать на всю серьезность опасности, угрожающей империи, и энергично настаивать на необходимости реформ, но, увы, меня не хотели выслушать. Тогда я вернулся к себе и горько стонал. Я закрыл свою дверь и проливал кровавые слезы. Затем я перешел моря и проехал тысячи и тысячи километров... Среди поработанных наций есть такие, которые постепенно потеряли свое могущество и подверглись расчленению и разделу, как Польша. Другие также лишились независимости, сохранив лишь имя отдельной страны, как, например, Аннам; третьи сохраняют пока известное могущество, но скоро будут расчленены, как, например, Турция и Египет; некоторые, наконец, совершенно исчезли с лица земли, как, например, Бирмания. Мы не имеем ни солдат, ни офицеров, ни судов, ни армии, ни организации. Хотя наша страна номинально независима, мы вынуждены повиноваться нашим врагам: железные дороги, торговля, банки — все принадлежит им. Лишь кажется, будто мы существуем, в действительности же нас нет. Это так ужасно, что нет слов описать подобное положение вещей.

«Нужно, чтобы мы немедленно осуществляли реформы, и тогда мы станем могущественными. Желать сохранения старины это значит желать собственной смерти.

«Ваше императорское величество поняло, что консервативные нации исчезают, что прогрессивные благоденствуют, что те, которые идут по пути реформ, могущественны; те же, что стоят на месте, слабеют и подвергаются разграблению».

16 июня 1898 г. император Гуан-сюй дал официальную аудиенцию Кан-Ю-вею. Но еще до того молодой император имел несколько свиданий с Кан-Ю-веем. Так начался знаменитый в китайской истории период «100 дней», продолжавшийся ровно 110 дней, в течение которых Кан-Ю-вей и его приверженцы фактически стояли у власти, у кормила правления и пытались путем императорских декретов изменить судьбы Китая.

Был издан целый ряд указов о полной реорганизации армии и финансов, о реформе образования и основании новых школ, о сооружении железных дорог, эксплуатации копей и т. п. Была предоставлена свобода каждому обращаться с жалобами и заявлениями к трону. Было оказано материальное содействие некоторым нарождающимся органам либеральной печати. Очень характерно отношение правительства 100 дней к вопросу о создании прессы и свободе печати. «Распространение газет, — говорится в указе от 26 июня, — дает возможность населению понять, в чем заключаются интересы империи, а властям — в чем заключаются желания и потребности населения. Для скорейшего достижения этого результата необходимо, чтобы мандарины давали пример, как следует редактировать газету... Главное назначение газет должно заключаться в том, чтобы изобличать злоупотребления, указывать на полезные мероприятия, которые должны быть проведены в жизнь, и содействовать распространению знаний... Пусть газеты не боятся касаться некоторых вопросов, которые до сих пор не затрагивались в печати из боязни». В декрете от 12 сентября император заявляет: «Мы приказываем префекту столицы и всем цензорам поощрять всеми силами знатных лиц, купцов и простых людей к созданию газет». С особым вниманием относился новое правительство к созданию школ. Оно отдает приказ высшим провинциальным властям открыть повсюду школы для преподавания европейских и китайских наук и повелевает превратить все пагоды, не занесенные в официальный реестр, в здания для школ. В указах о реорганизации армии подчеркивается необходимость отбросить старые методы и приняться за изучение и усвоение европейской системы комплектования и обучения войск. 5 сентября издается декрет о создании территориальной армии по образцу европейских армий.

Если бы все указы и декреты, которые были изданы за период 100 дней, могли быть тогда же проведены в жизнь, неподвижный до того Китай с волшебной быстротой двинулся бы вперед.

Понятно, что все эти прогрессивные начинания пришлись не по вкусу приверженцам китайской старины. 21 сентября вдовствующая императрица Цзы-си.

опираясь на сочувствие всей реакционной клики и тайную поддержку России, действовавшей в противовес Англии и Японии, поддерживавшим партию реформистов, произвела государственный переворот, фактически свергла императора с трона и, предварительно наградив своего сына несколькими пощечинами, заточила его в один из уединенных уголков дворца, в домик, выстроенный на небольшом островке, лежащем посредине дворцового озера, куда не проникал ни один звук извне, и где несчастный император скончался в 1908 г., оставив после себя завещание, в котором убеждал будущего правителя Китая дать конституцию дорогой родине. «Только в таком случае», — этими словами заканчивалось завещание, — «моя душа получит некоторое удовлетворение на том свете».

После государственного переворота китайским реформаторам пришлось очень круто. Некоторые из них были казнены, другие подверглись пыткам и были брошены в тюрьмы. Многие бежали в Японию и Америку. Сам Кан-Ю-вей проживает ныне в Мексике, где старается основать какой-то банк.

Партия реформистов периода 100 дней была заранее осуждена на гибель. Это была маленькая кучка интеллигентов, стремившихся повлиять на дворец и высших представителей бюрократии, убежденная в возможности таким путем изменить судьбы Китая. Неизбежный развал и гибель Китая, как отдельного государства, при сохранении старых порядков казались им слишком очевидными, и потому они верили в возможность «горячим словом убеждения» внушить свои взгляды всем представителям власти и заставить последних стать во главе прогресса. Наивные оптимисты, они не понимали, что для многих вершителей судеб Китая принцип «после нас хоть потоп» был руководящим правилом жизни, что взяточники и правители совсем не интересуются тем, что станет с Китаем через 50 лет; китайские реформисты не знали, что такое противоположность классовых и групповых интересов, и вот почему они так усердно стучались в ворота императорского дворца, чтобы убедить обитателей последнего в необходимости скорейшего введения реформ в стране. Когда же их бесцеремонно выпроваживали вон, они, как это сделал Кан-Ю-вей, отправлялись домой, запирались на замок, горько стонали и проливали «кровавые» слезы о людской тупости.

Находясь временно у власти, пользуясь поддержкой могущественного императора, реформисты оказались такими же беспомощными, какими были до того, ибо они не сумели связаться с живыми силами страны. Мечом бумажных декретов надеялись они перерубить железные заржавленные цепи, крепко опутавшие их страну, не дававшие ей двинуться вперед. Но все их мольбы и заклинания не могли ни тронуть, ни утешить старого китайского дракона. И даже когда они стояли у подножия трона и действовали именем безграничного, казалось, в своем могуществе богдыхана, их мало боялись, и их декреты и воззвания оставались гласом вопиющего в пустыне. «Хотя мы послали

целый ряд важных декретов, — прозиг император в указе от 26 августа. — всем высшим провинциальным властям, последние с умыслом ничего не делают и лишь обзавываются друг на друга, не предпринимая никаких мер. Пусть они не думают, что все эти дела — одни лишь пустяки, и немедленно исполнят нашу волю, иначе ответственность ляжет на них, и они будут наказаны».

Конечно, китайские губернаторы и все прочие столичные и провинциальные власти не относились к указам императора, как к пустякам. Наоборот, они видели во всех этих новшествах смертоносное оружие, направленное против кастовых привилегий, против взяточничества, против вековых устоев святой, но приобильной, для мандаринов старины. Они понимали, что для приведения в исполнение своих планов императору нужно было бы иметь в своих руках крепкую «петровскую дубинку», а на своей стороне дисциплинированную армию или организованную народную силу. Ни того, ни другого не было у императора, и не удивительно, что ему в своих декретах и указах приходилось вызывать к доброму сердцу и патриотизму своих мандаринов, чтобы убедить их во вреде взяточничества, необходимости европейских реформ, народного образования и т. п. Но эта проповедь оказалась бесплодной.

После сентябрьского переворота уцелевшие реформисты, находясь в изгнании в Америке или в Японии или скрываясь где-нибудь в пределах Средней империи, продолжали старую политику подачи челобитных о необходимости введения новых порядков в государстве. Попрежнему писали они горячие статьи, в которых самыми вескими и неопровержимыми аргументами убеждали правителей понять свои собственные интересы и интересы родины, попрежнему навивно звали к патриотизму и здравому смыслу хищников. Так, партии реформистов продолжала жить своей собственной жизнью, получая поддержку со стороны некоторых богатых кушцов, но будучи отрезанной от народных масс и не пускаая корней на родной почве.

Между тем развитие экономических отношений, рост торговли и индустрии, оживление городской жизни в различных частях империи, особенно в южных провинциях, постепенно вели к изменению в психике и мирозерцании широких слоев населения. В то же время целый ряд внешних осложнений и ударов, вечная опасность и угроза неприятельского нашествия, с одной стороны, с другой — внутренние неурядицы и дворцовые перевороты, мимолетное правление юного императора, возбуждавшее какие-то неопределенные надежды в значительных слоях населения, затем неожиданный эпизод периода 100 дней, вокруг которых стала уже создаваться и разукрашиваться различными дополнениями и вариациями народная легенда об императоре-узнике и его тяжелой судьбе — все это поддерживало возбужденное состояние в различных кругах населения и усиливало революционное брожение. Чувствуя приближение катастрофы, правительство

императрицы, следуя тактике всех реакционных правительств, решается прибегнуть к старому, испытанному средству: дать выход народному недовольству, направив его против иноземцев. Правительственные агенты ведут агитацию, особенно в северных провинциях империи, доставляют оружие различным тайным организациям, проповедают войну против христиан. Создаются различные организации с девизом «защита династии, истребление иностранцев». Так вспыхивает знаменитое боксерское восстание 1900 г., эта война китайских «черных сотен» одновременно и против европейских держав и против иноверцев и в особенности против каких бы то ни было новшеств и реформ. Главным вдохновителем и организатором боксерских шайк был один из наиболее видных представителей дворцовой партии. В то же время он был ярким руссофилом и старался направить боксерское движение исключительно против Великобритании, Японии и Соединенных Штатов, государств, поддерживавших освободительное движение в Китае. «Против России мы ничего не имеем, — неоднократно говорил он, — а при ее поддержке мы могли бы бросить вызов всему миру».

Разгром боксерских шайк европейскими войсками, взятие последними Пекина, бегство императрицы с императором и всем двором внутрь страны, война со всеми ее ужасами, насилиями победителей над мирным китайским населением, неповиновение в зверствах боксеров, все это усиливало работу мысли в народных массах, обостряло чувство беспокойства за близкое будущее и укрепляло сознание ненормальности сложившегося порядка вещей.

В то же время кратковременное царствование партии реформистов, возбудившее столько надежд в сердцах многих китайских энтузиастов, ее неожиданное поражение и быстрый разгром, все это не прошло бесследно для многих представителей китайского общества и прежде всего для учащейся молодежи. Образовалась новая революционная партия, молодая, энергичная, ринувшаяся в бой именно против тех, кого реформисты желали иметь своими союзниками. Как это бывало повсюду, новая партия вначале сконцентрировала вокруг себя наиболее чужких представителей учащейся молодежи, той самой, которая шла под знаменем реформистов, затем к партии примкнули широкие слои населения, группировавшиеся в различные тайные общества, столь многочисленные особенно в южных провинциях империи, наконец, многие элементы, недавно индифферентные к общественным вопросам.

II.

СУН-ЯТ-СЕН.

Основателем и духовным вождем китайской революционной партии является доктор Сун-Ят-сен, изложивший свои взгляды в брошюре «Истинное разрешение китайского вопроса», опубликованной в 1904 г., и затем в речи, произнесенной 16 января 1907 г. на митинге, организованном китайскими студентами, и напечатанной в газете Минь-Бао («Народная Газета»), в годовщину основания которой и был созван упомянутый митинг, на котором собралось более пяти тысяч китайцев, частью проживавших в Токио, частью специально приехавших в Японию, чтобы

Сун-Ят-сен.

присутствовать на собрании. Речь доктора Сун-Ят-сена, которую можно рассматривать, как манифест китайской революционной партии, произвела такое впечатление и наделала столько шуму в империи, что китайское правительство с особой энергией и настойчивостью потребовало и добилось в конце-концов изгнания д-ра Сун-Ят-сена из Японии. Ознакомление с содержанием этой речи является необходимым для всякого, кто желает понять характер современного революционного движения в Китае.

«В течение минувшего года, — начал Сун-Ят-сен свою речь, — газета Минь-Бао развивала перед вами три великих принципа: принцип борьбы рас

в Китае (Минь-тоо), принцип народного суверенитета (Минь-кипан), принцип социализма (Минь-шентг)». Всю свою речь автор посвящает защите и обоснованию этих трех принципов, на которых покоится программа китайских революционеров. Первый принцип, принцип борьбы рас, — говорит оратор, — ясен всякому. Более 260 лет манчжуры господствуют над Китаем и угнетают его. Даже маленький ребенок знает это. Однако, не следует ошибаться: борьба рас не обозначает ненависти к иноплеменникам. Этот принцип покоится на том положении, что никакой народ не может позволить, чтобы представители другой расы уничтожили его политическую независимость. «Если правительство находится в руках иноплеменников, значит, мы не имеем отечества. Мы рабы, потерявшие свою отчизну. Мы желаем свергнуть власть манчжуров и восстановить нашу национальную независимость, но мы не питаем ненависти к манчжурам, как к таковым; мы ненавидим лишь тех, кто вредит Китаю. Если манчжуры будут упорствовать в своем желании господствовать над китайцами, революция неизбежна».

«Принцип народного суверенитета, — продолжал оратор, переходя ко 2-му пункту своей программы, — требует свержения абсолютной монархии. Но чтобы уничтожить деспотическую власть, недостаточно быть воодушевленным одним лишь чувством национального патриотизма. Если император будет даже китайцем, все-таки необходимо произвести революцию и ввести в стране республиканский режим. Некогда все политические революции имели целью заменить одного императора другим. Если мы, революционеры, будем стремиться к тому же, Китай погибнет. Мы желаем иметь сильное правительство, правительство народное, т. е. республику».

Переходя к социальному вопросу, оратор оговаривается, что это очень сложный вопрос, требующий основательного изучения. «Социализм — это целая наука», говорит он. Он анализирует перед затаившей дыхание аудиторией экономическое положение Европы и Америки, упоминает о различных социалистических теориях и доказывает, что в Европе и Америке социальная революция неизбежна в самом близком будущем. «Хотя производительные силы в этих странах поднимаются настолько по сравнению со стариной, что один человек в состоянии прокормить своей работой тысячу, все-таки нищета в Европе и Америке растет... Над всем властвует капитал». Констатируя наличие глубокого социального антагонизма в европейских странах, рост нищеты и рабства на одном полюсе, богатства — на другом, оратор переходит к рассмотрению мер, которые могли бы помешать развитию и обострению социального антагонизма в Китае.

Подобно русским народникам, современным индусским социалистам *) и в то же время совершенно независимо от тех и других, оратор доказывает, в при-

*) См. нашу статью „Пробуждение Индии“, „Современный Мир“, 1909 г., № 9, сентябрь.

менении к своей стране, что капитализм еще не укрепился в Китае, и что поэтому социалистический строй может быть скорее и легче введен в Китае, чем в цивилизованной стране *).

Сун-Ят-сен гордо заявляет: «То, что мы сделаем, не будет подражанием чему-либо существующему в других странах. Наоборот, мы дадим пример всему миру». Указав, что единственным средством для предотвращения социальной революции в Китае является правильное разрешение аграрного вопроса путем замены всех государственных налогов и податей единственным налогом на всевозрастающую ценность земли, при чем Сун-Ят-сен, не упоминая имени Г. Дзюрджа, кладет, очевидно, в основу своих положений его пресловутую теорию национализации земли, оратор снова возвращается к вопросу о необходимости введения республиканского режима в Китае и энергично настаивает на этом пункте.

В заключение он резюмирует содержание своей длинной речи в следующих словах: «Мы хотим революции расовой, ибо мы не желаем, чтобы кучка манчжуров монополизировала в своих руках все блага; мы хотим революции политической, потому что мы не желаем, чтобы один человек монополизировал в своих руках всю власть; мы хотим революции социальной, ибо мы не желаем, чтобы кучка капиталистов захватила все богатства страны. Если одна из этих целей окажется недостигнутой, всей нашей концепции будет нанесен удар... В реализации принципа национальности, т.-е. в предоставлении китайцам возможности самоуправления, в установлении демократического режима, в введении социалистического строя — вот где лежит основа благоденствия 400 миллионов китайцев. Я надеюсь, господа, что вы возьмете на себя ответственность за проведение в жизнь этой программы».

Ясно, что между программой и тактикой реформистов и революционеров лежала целая пропасть. В то время, как первые стремятся прежде всего к политическим преобразованиям, которые надеются завоевать мирным путем, именно, воздействием на совесть и рассудок правящих групп, сторонники Сун-Ят-сена объявляют династии и бюрократии беспощадную войну и, поставив своей целью осуществление социального переворота, ищут для себя опоры исключительно в революционной энергии народных масс. Не удивительно, что с каждым годом вражда между обоими партиями все более и более обостряется. Когда в прошлом году реформисты устроили в Японии целый ряд собраний, на которых доказывали, что с господством манчжуров можно будет примириться с того момента, как только

*) Знаменитый испанский революционер Франческо Феррер, убийство которого испанскими палачами вызвало демонстрации во всех крупных городах Европы, держался аналогичных взглядов на будущие судьбы Испании. «Испания ближе к социальной революции, чем какая бы то ни было другая европейская страна» — часто говорил он. «Все это марксистские чепухи», — возражал Феррер по поводу замечаний о неизбежности капитализма, как переходной стадии к грядущему строю. «Чем более отстала в промышленном отношении страна, тем более революционна она, тем энергичнее ее население и мужественнее ее дети».

правительство даст стране обещанную конституцию, революционеры горячо протестовали против такого компромисса и, являясь во множестве на эти митинги, успешно срывали последние.

Вскоре после январского митинга, на котором д-р Сун-Ят-сен прочел свой манифест, революционеры перешли от слов к делу. Ряд агитаторов и пропагандистов начали усиленную работу в южных провинциях Китая и подняли здесь весной 1907 г., пользуясь брожением в народных массах, восстание, которое одновременно охватило шесть провинций. Оружие революционерам доставили некоторые богатые купцы и эмиссары д-ра Сун-Ят-сена, который уже держал себя, как президент будущей республики, и издавал прокламации по адресу «генерала» Сяо, главнокомандующего войсками Го-минь-дана. В одной только провинции Гуан-дун образовалась громадная 60-тысячная армия, которая дала целый ряд сражений императорским войскам. Но д-р Сун-Ят-сен совершенно напрасно возложил слишком много надежд на успех восстания именно в провинции Гуан-дун, куда он и направил почти всех своих эмиссаров и главную массу оружия, ибо центр революционного восстания неожиданно оказался севернее, в области больших озер, у берегов Ян-цзы-цзяна, где энергичное промышленное население провинций Цзян-су, Цзян-си, Хунани и др. с особым энтузиазмом бросилось в бой. Таким образом, как это бывало повсюду, не крестьянство, которое д-р надеялся поднять своей аграрной программой, а именно торговое и промышленное население крупных городов дало наибольшее количество бойцов революционной армии. В то время как последняя то там, то здесь, в одном месте наступая, в другом отступая, давала сражения императорским войскам, революционеры наряду с коллективными методами борьбы, стали применять и индивидуальные.

Необычайное впечатление на все китайское общество и правительство произвел террористический акт 6 ноября 1907 г. В этот день губернатор одной провинции посетил со своей свитой школу полицейских в столице. Директор школы Си-лин, сказав своим ученикам: «Действуйте всегда солидарно и единодушно», подошел к губернатору и, отдав ему честь по военному, выстрелил в него, воскликнув: «имею честь принадлежать к революционной партии». Собрав затем своих учеников, директор заперся вместе с ними в цейхгаузе. Окруженный со всех сторон прибывшими войсками, он оказал им сопротивление и сдался со своей маленькой армией только тогда, когда все патроны были израсходованы. На суде обвиняемый заявил следующее: «Я имел в виду убить губернатора лишь позже, но так как он слишком усердствовал в желании разыскать революционеров и дал мне приказ арестовать главаря партии Го-минь-дан, я решил ускорить осуществление своего плана. Я предполагал, что когда губернатор будет убит, остальные мандарины подчинятся мне, и я сделаю провинцию центром революционного

восстания». Как оказалось, Си-линь занял пост в полиции именно для того, чтобы скорее и легче привести в исполнение свои революционные планы и планы широкой организации, к которой, как выяснилось из бумаг, захваченных при обыске, директор принадлежал. Он был казнен, затем последовал ряд жестоких репрессий, много лиц было казнено, в том числе много молодых китайских девушек *).

Революционные восстания 1907 года не увенчались желанным успехом. Революционной армии не удалось разбить императорские войска. В конце концов революционная армия отступила, рассеялась на отдельные отряды, которые скоро как-будто совершенно растаяли, причем оружие и аммуниция были спрятаны в надежных местах.

В начале 1908 года Сун-Ят-сен снова начал агитацию в провинциях Ян-цзы-цзяна и южнее. Он составил прокламацию, которую его дейтенанты распространили по всему Китаю в сотнях тысяч экземпляров. В этой прокламации, написанной очень популярным языком, говорится между прочим: «Наша цель: 1) изгнать манчжуров; 2) учредить республику; 3) сделать Китай свободным; 4) уравнять ценность на землю... Это первый шаг к осуществлению социалистического строя, всякая семья, всякий гражданин будет обеспечен в материальном отношении. Отныне не будет бедных в Китае».

В настоящее время революционное движение в Китае разрастается. Стычки между революционными войсками и правительственной армией не прекращаются. Во многих местах, как, например, в провинциях, прилегающих к Индо-Китаю, революционные войска фактически держат целые области в своих руках **), владеют крепостями, отнятыми у правительства.

Но в последнее время среди китайских революционеров назревает мысль о необходимости более решительных методов борьбы. Все эти успехи и победы в отдаленных провинциях империи не оказывают никакого влияния на общий ход событий в государстве. В виду этого революционеры начинают направлять всю свою энергию к центру империи, Пекину, твердые бюрократии. События персидской и турецкой революций, успешное взятие Тегерана бахтиярами, Константино-

*) Недавний террористический акт в Китае, покушение на жизнь принца-регента 14 декабря 1909 г., является первым в истории Китая покушением на жизнь членов царствующей династии. Как известно, принц-регент отделался легкой раной в живот.

**) Путешественники, проезжающие по этим областям, запасаются „паспортом“ от революционных войск. Один иностранец получил следующую бумагу от революционных властей города Окэу: „Податель сего, господин Н., отправляется по железной дороге из Окэу в Монгтце. Оказать ему всевозможное содействие, чтобы он мог продолжать свой путь в полной безопасности.“ Подписал главнокомандующий революционными войсками 6 мая 1909 года.

поля салоникискими войсками поддерживают многих китайских энтузиастов в этих планах. Если судить по некоторым симптомам и верить некоторым частным заявлениям,—в недалеком будущем можно ждать какого-нибудь решительного шага в этом направлении *).

*) Это предсказание, сделанное нами в апреле 1910 г., скоро оправдалось. В течение 1911 г. революционное движение, все более развиваясь, приняло столь внушительные и грозные для правительства размеры, что привело к падению монархии и провозглашению республики в Китае (см. об этом следующую статью).

Великая китайская революция 1911 г. *).

(Падение Манчжурской династии и провозглашение Китайской республики).

§ 1. МАНЧЖУРСКАЯ ДИНАСТИЯ И РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Каких-нибудь полтора года тому назад (в середине 1910 г.) известный французский писатель Жан Род, по поручению Географического Общества, а затем в качестве корреспондента «Тан» изъездивший вдоль и поперек приморские и центральные области Китая, уверял в одном из своих писем, будто, за исключением ничтожной кучки «молодо-китайцев», остальная масса 400 милл. населения Средней империи совершенно не интересуется политическими вопросами и проявляет в этом отношении полнейшую индифферентность. Для иллюстрации своей мысли Жан Род повторил старый, избитый анекдот, который он заметствовал у священника Гука и который относится к 1851 г., к моменту смерти богдыхана, Дао-Гуана. По словам Гука, когда пришли известия о кончине императора, он находился в своей гостинице и пил чай в компании с несколькими купцами. Гук заговорил о полученном известии и стал строить различные гипотезы по поводу вступления на трон нового императора, китайские купцы лишь покачивали головой и продолжали безмолвно пить чай. Наконец, один из китайцев поднялся и, дружески положив священнику руку на плечо, сказал: «Зачем ты попусту волнуешь свое сердце и утомляешь свой ум. Послушай меня, ведь, это обязанность мандаринев заботиться государственными делами; они за это получают жалованье. Пусть же они зарабатывают свои деньги. С какой стати нам беспокоиться по поводу того, что нас не касается. Мы были бы безумцами, если бы занимались политикой, не получая за это никакого жалованья». «Вот это поистине мудрые слова», заметили остальные слушатели. Но уверенно корреспондента «Тан», современная китайская буржуазия, и тем более вся остальная масса населения, недалеко ушла по своему политическому развитию от купечества 1851 г., и совершенно не интересуется государственными делами.

*) „Современник“ 1911 г., кн. XI.

Читая подобные статьи и капитальные работы о Китае Colquhoun'a, Смита, Вильямса и т. д., невольно вспоминаешь, что за десять месяцев до 14 июля 1789 г. Артур Юнг писал: «Франция находится накануне великой революции... Вряд ли правительство просуществует более пятидесяти лет, разве только у власти станут необыкновенно талантливые люди». Прогноз революционных событий, тем более в азиатской стране, дело совершенно невозможное для представителя современной буржуазной европейской прессы, которая относится с крайним недоверием и страхом к пробуждению Востока, справедливо опасаясь, что новая Азия не пожелает быть рабом старой Европы. Несомненно, если в Китае утвердятся конституционные правительство, последнему, прежде всего, придется бороться с недоброжелательством конституционных европейских правительств, которые отнеслись с такой неприязнью даже к маленькой Португальской республике и тем более не примирятся с мыслью о республиканском режиме в 400 милл. Китае. Можно заранее предсказать, что те самые консервативные и либеральные органы европейской печати, которые защищали или замалчивали все преступления Абдул-Гамида и старого китайского правительства, будут писать о несостоятельности китайского конституционного режима, будут доказывать, что китайская конституция представляет собой один «блэфф», и, чем энергичнее новый Китай будет защищаться против натиска хищнических международных финансовых компаний, тем более ожесточенным нападкам и критике будут подвергаться китайская конституция на столбцах многих органов европейской прессы.

Уже более 15 лет со времени китайско-японской войны 1894—95 г. Средняя империя находится в состоянии непрерывного политического брожения. Особенно сильный толчок китайскому освободительному движению дала, подобно тому, как это произошло также в Персии и Турции, русско-японская война и русская революция 1905 г. То обстоятельство, что маленький японский народ мог победить гигантскую Россию, этого страшного дотоле врага всех азиатских народов, произвел необычайное впечатление на все население Китая. Маленькие японцы побеждают самую сильную державу Европы. Каким образом они достигают этого? Они брали уроки у самой Европы и заимствовали европейские учреждения. Стало быть, спасение в конституции и парламенте. Еще большее впечатление произвела на население Китая русская революция 1905 года, которая сыграла такую же грандиозную роль в жизни азиатских народов, какую некогда в жизни европейских народов сыграла великая французская революция.

Все конституционное и революционное движение в Китае, подобно турецкому и персидскому, тесно связано с национальным движением, с стремлением спасти страну от насилия и хищничества европейских правительств и стоящих за их спиной международных капиталистов и с глубокой непримиримой ненавистью к маньчжурской династии, продававшей страну с молотка европейцам и стремившейся невероятными репрессиями помешать возрождению Средней империи и

ее спасению от иностранного гнета. Трудно представить себе, с какой заносчивостью, с каким высокомерием представители европейских правительств и европейского капитала держат себя в самом Китае по отношению к населению страны. Как известно, в результате 40 договоров, заключенных с 1843 г. между правительством богдыхана и европейскими державами, иностранцы имеют право селиться и вести торговлю в определенных пунктах Китайской империи, причем в очень многих европейцы владеют так называемыми «территориальными концессиями», т. е. более или менее обширными участками, где административная и т. п. власть находится в руках европейцев. Эти «территориальные концессии» имеются в Шанхае, Ханькоу, Тяньцзинь, Кантоне, Нинбо и т. д. И вот в районе этих концессий китайцы могут всею видеть, к каким последствиям для них повело бы распадение Средней империи и захват ее «белыми дьяволами». В Ханькоу китайцам запрещено прогуливаться по одной аллее, излюбленному месту гуляния ханькоуских европейцев и их дам. В Шанхае строго запрещен вход китайцам в городской сад. Повсюду в европейских концессиях на вывесках: «собакам и китайцам вход не дозволен». Можно себе представить, как все эти факты, о которых так часто упоминает китайская пресса, действуют на настроение населения. Прибавим к этому русские интриги в Монголии, неприкрытые посяательства японских и русских империалистов окончательно захватить Манчжурию, агрессивные действия французов на границах Индо-Китая, в Юнь-нань, англичан в Бирмазии, немцев в их «сфере влияния» и т. д. — и мы поймем, почему костер освободительного движения ни на минуту не потухает в Китае. Каждый день в стране возникают новые общества для защиты страны против внешнего насилия: «Общество единого и нераздельного Китая», «Общество развития национальной промышленности и торговли», «Общество развития национального железнодорожного строительства в Китае», «Общество защиты верховных прав Китая в Манчжурии и в европейских концессиях» и т. д.

Нижеследующая песнь, которая часто поется в Средней империи, как нельзя лучше рисует отчаяние, которое овладевает душой китайского патриота при виде того кладбища, в которое превращена несчастная страна по воле манчжурской династии и европейских угнетателей. Песнь эта носит характерное название: «Соны мертвого царства»:

Ветер дует с запада, увы, какое горе.

У, у, у, Средняя империя не более, как царство мертвых.

Темная ночь, вдруг врываются татары на своих лошадях.

Увы, они так многочисленны,

Что вся страна кажется покрытой ими, как пылью.

Солнце едва поднялось, а нас уже заставили переменить даже наши платья.

Настал вечер, и нас хотят превратить в послушных солдат на службе у манчжуров.

О, горе, комета, появившаяся на северном небосклоне,
Предвещает падение небесной колонны.
Все покрыто мраком. Нет кому сказать слово.
С горных вершин разносятся жалобные стоны и плач.
Со всех сторон видишь только побелевшие кости в страшном беспорядке.
Увы, какое горе. Да, мы не более, как царство мертвых.
Ветер дует с запада. Увы, какое горе.
Кто поднялся, чтобы взять оружие в руки. Увы, белые знамена.
Говорят о подчинении, порабощении страны.
Темная ночь: из Европы врываются солдаты.
Приникни ухом, слышишь, как в императорском дворце
Раздаются шаги того, кто с распростертыми объятиями
Принимает иностранцев и соединяется с ними.
Более того, европейские концессии пробивают себе двери повсюду.
Увы, вот кто насыщается нашей кровью и срывает перья с нашего тела!
Их вожди проводят время, наслаждаясь музыкой и пьянством.
Увы, кто поймет наше горе, кто услышит наши крики отчаяния.
У, у, у! Какая печаль. Да, мы только царство мертвых.

Этой песне патристического отчаяния как бы отвечает другая песнь, которая указывает на путь спасения страны и призывает к борьбе за новую жизнь. Она приведена в сборнике песен Кантона и называется «Гимн свободе». Популярная песня является теперь марсельезой победоносных революционных войск.

«О, свобода, величайший дар небес,
В союзе с миром ты создашь на этой земле
Десять тысяч новых чудес.
Серьезная, как разум, громадная, как гигант, который своей головой касается неба,
Сидя на колеснице из облаков, влекомых, вместо коней, быстрым ветром.
Приди, приди немедленно править нашей землей.
Из жалости к черному аду нашего рабства,
Приди осветить нас лучом солнца.
О, белая Европа, действительно, избалованная дочь неба.
Хлеба, вина, ты всего имеешь вдоволь...
Я люблю свободу, как мою дорогую супругу,
Как день моих мыслей, как вечер моих почей.
Я вижу все несчастья моей родины,
Но непостоянная свобода не дается мне в руки.
Увы, мои братья — рабы.
Ветер так приятен, роса так блестит,
Цветы так пахнут;

Все люди становятся королями.

Однако, не забудем, что народ страдает.

В Пекине нужно склонять свою голову

Перед волком, нашим императором.

Увы, свобода мертва.

Великая Азия представляет собой неизмеримую пустыню.

В двадцатом веке все должны стремиться открыть новую эру.

Пусть все мужественные люди единодушно требуют реформы неба и земли.

Пусть голос народа вознесется до вершины Куанг-Лу.

Наполеон, Вашингтон, вы — сыны свободы,

Придите воплотиться в нас.

Гин-Юн, наш предок, веди нас.

Гений свободы, спеши взять нас под свое покровительство.

Быстрый рост республиканских идей среди миллионов китайцев объясняется отчасти влиянием Соединенных Штатов, где обучались сотни китайских студентов, откуда ежегодно возвращались на родину тысячи желтых рабочих, рассказывавших своим соотечественникам о необычайном могуществе и богатстве заатлантической республики. Далее — ненавистью к манчжурам, невозможностью в то же время, даже при желании, найти среди китайской аристократии какой-нибудь род, который занимал бы по своему происхождению, влиянию и т. п. особое положение в населении и пользовался особым престижем. Династия Минг давно исчезла, не сохранив никаких отпрысков, и, хотя некоторые полутемные китайцы до сих пор верят, что династия манчжуров будет заменена истинно национальной династией Мингов, однако, многие, даже наиболее консервативные, китайцы, примкнувшие к революционному движению, как, например, богатые куницы, мандарины и т. д., полагают, что республиканский режим представляет собой, при данных условиях, самую естественную форму правления для Средней империи. Нужны были бы какие-нибудь исключительные условия, напр., победоносная война, чтобы создать китайского претендента на трон богдыхана. Пока же, в случае свержения манчжурской династии, так же трудно представить себе китайскую монархию, как трудно было бы представить себе еврейскую монархию в случае образования сионистского государства в Палестине.

Уже 15 лет тому назад Сун-Ят-сен в беседе с французским социалистом Самба уверял, что значительная часть китайского населения подготовлена к республике, и оказался прорексом, предсказав, что в Китае республика будет введена задолго до того, как во Франции наступит социалистический строй. В ту пору такое предсказание казалось Самба химерой. В течение последних лет даже население областей, наиболее верных династии и императору — «Сыну неба», стало колебаться в своих верноподданнических чувствах и заражаться ядом республиканских идей. Падению престижа династии много способствовала ее скандаль-

ная хроника последних лет. Императрица Цзы-си, китайская Мессалина, окружившая себя мужским гаремом мнимых евнухов, красавец и красавцу, приглашавшая на свои оргии пекинских студентов, которые, попав во дворец, затем куда-то исчезали бесследно, постигаемые странной, скоростной смертью — давала своим разнузданным поведением обильную пищу для чудовищных рассказов, которые циркулировали в столице среди оппозиционной части населения. В последние годы своего царствования, с 1906 по 1908 г., императрица, — эта сильная физически женщина, которая еще недавно, когда ей было 74 года, забавлялась при приеме европейских дам из посольства тем, что старалась утомить их, бегая по саду и перепрыгивая через кусты, — заболела параличом лица и стала обнаруживать признаки полного умственного расстройства. Тогда началась эпоха небывалых интриг, войны между представителями камарильи в императорском дворце. Сегодня императрица, выслушав одного мандарина, подписывала какой-нибудь указ, на завтра кто-нибудь другой, путем подкупа евнухов, удостоивался высочайшей аудиенции, и императрица, ознакомившись с новым докладом, восклицала: «Так вот как ведутся дела империи. Прямо можно прийти в отчаяние. Если бы мы не узнали этого, государство погибло бы». А послезавтра начиналось что-нибудь новое. Императрица соглашалась со всяким, кто говорил с ней последний, и поддакивала каждому новому докладчику. Полусумасшедшая старуха, — вчера только крепкая и сильная, как дуб, — сидела теперь на троне, как развалина, с опущенной губой, выдвинув вперед руки с необычайно длинными ногтями, украшенными золотыми наперстками, вся разодетая в роскошные платья, покрытая бриллиантами, и высшие представители империи обращались к ней, стоя, согласно ритуалу, на коленях... То был живой символ умирающей династии, прошлого, которое вместе с ней навсегда уходило в могилу. Несчастный племянник этой развратной и жестокой старухи, «император-фантом» Гуан-Сюй, который когда-то увлекался мечтами о возрождении Китая, со времени переворота 21 сентября 1898 года — награжденный от тетки несколькими пощечинами, — заточенный в уединенный домик, выстроенный на небольшом острове, лежащем посредине дворцового озера, — своим видом, всей своей жизнью и образом действий также символизировал разложение сильной когда-то духом и телом династии. Этот потомок воинственных татар, который в 38-летнем возрасте казался недоразвившимся 16-летним мальчиком, был при своих хороших душевных качествах, необычайной доброте и мягкости полным дегенератом. Как описывает д-р Дете в своем секретном докладе, проникшем в печать, малейший шум пугал императора, зато, наоборот, каждый удар гонга вызывал в нем сладостные ощущения. Отрезанный от внешнего мира, окруженный в своем дворце всеми приманками чувственности, в дьявольском расчете на то, что подобная жизнь окончательно его ослабит. Гуан-Сюй, в конце-концов, превратился в живой труп. При торжественных приемах во дворце он сидел рядом с императрицей, причем последняя и ее приближен-

ные на глазах у всех третиrowали императора свысока, проходившие слуги бесцеремонно толкали его. В конце концов император, который сначала привлек к себе симпатии населения, сделался предметом посмешища, и образованные китайцы, говоря о нем, не находили слов, чтобы выразить свое презрение этому «императору-фантому», «трусливой бабе», и т. д., что, впрочем, не мешало ему оставаться в глазах более умеренных элементов «святым императором». Хаос, который воцарился в бюрократии, в результате полного ослабления умственных способностей императрицы, в конце концов стал тягостен даже и для придворных кругов. 14 ноября 1908 г. скончался император-фантом, а на другой день не стало вдовствующей императрицы. Когда некоторые дипломаты, пораженные этим страшным соединением, обращались за разъяснениями к придворным, одни отмалчивались, другие отвечали: «так было нужно, чтобы она умерла».

§ 2. «ТАТАРСКОЕ ИГО».

При поверхностном взгляде события, происходящие теперь в Средней империи, кажутся, прежде всего, расовой войной, борьбой между завоевателями манчжурами и поработченными ими китайцами. С этой точки зрения, при известной натяжке, можно уподобить сражения революционных китайских войск с армиями, находящимися под начальством татарских маршалов, войне древней Руси с полчищем Мамай. Современный Китай дает ныне своего рода Куликовскую битву татарским ордам и свергает монгольское иго, как это сделала Россия в XIV веке. Нельзя оспаривать, что главный теоретик китайского революционного движения доктор Сун-Ят-сен своими многочисленными речами в Японии, С. Штатах, своими брошюрами и статьями немало содействовал укоренению взгляда, резко противопоставляющего манчжур и китайцев, как два враждебных лагеря в одном и том же государстве, как две расы, которые не могут примириться друг с другом. На самом же деле, пятидесятилетнее манчжурское население Китая не представляет собой чего-то однородного. И уже при первых же сражениях между революционными армиями и оставшимися верными династии войсками многие манчжуры переходили на сторону восставшего народа. Как констатировал революционный генерал Ли-Хан-шин в своем письме адмиралу Са, убеждая последнего перейти на сторону революции, во время битвы в Ханькоу манчжурские женщины и дети выходили из своих домов и подносили чай и другие напитки восставшим китайцам.

Что представляло собой это «татарское иго», о котором говорят в своей прокламации к правительствам иностранных держав «Китайские граждане», объявляя, что они идут на Пекин, чтобы прогнать манчжурскую династию, свергнуть татарское иго, учредить республику, установить самые тесные сношения с дружескими нациями, упрочить международный мир и содействовать счастью всего человечества?

Как рассказывают некоторые историки, в 1644 году один китайский генерал, которому поручено было воевать с манчжурами, вздумал обратиться к своим врагам с предложением помочь ему низвергнуть самозванца, который провозгласил себя императором и овладел тронном богдыхана. Татарские наездники прибыли в Пекин, были приняты населением, как освободители, низвергли самозванца и посадили на трон своего представителя. Подобно варягам в древней Руси, они пришли по приглашению и стали княжить и владеть китайской землей. Они оставили китайских чиновников на своих местах, но из высших ступеней бюрократической лестницы присоединили к каждому чиновнику одного манчжура. Во главе всей администрации был поставлен Верховный Совет, состоявший из двух китайцев и двух манчжур под председательством императора. Каждому китайскому губернатору был дан для охраны порядка в его области татарский отряд, находившийся под начальством татарского же генерала, в руках которого в сущности и находилась вся власть. Китайцам была открыта дорога ко всем гражданским должностям, но военная профессия была закрыта для них. Наоборот, манчжурам было запрещено занимать гражданские должности, прежде чем они не добились определенного военного чина. Таким образом, татары должны были остаться прежде всего военным сословием, которое силой оружия сумело бы охранять свою власть над 200 миллионов подчиненных китайцев. Китай, в качестве татарского владения, представлял собой тип колонии, как ее понимали и умели организовать воинственные кочевники.

Императорская гвардия набиралась до недавнего времени исключительно из манчжуров, равным образом в важнейших городах милиция, на которой лежала обязанность защищать в случае опасности центральную власть, тоже набиралась исключительно из манчжур. В центре каждого города, внутри первой укрепленной черной и обвалившейся стены с пушками XV—XVI века, можно видеть вторую стену. Это манчжурская цитадель, готовая, при первом сигнале, бросить свой гарнизон в атаку против первой стены. За башнями этой цитадели живут манчжурские солдаты, которым до последнего времени было запрещено заниматься другим ремеслом, кроме военного.

В принципе все манчжуры принадлежат к «знаменным войскам», на обязанности которых лежит защита династии. Манчжуры не имеют права заниматься никакой профессией и обрабатывать землю; с своей стороны правительство обязано уплачивать им регулярное жалование, давать квартиру и пищу. Но достаточно принять во внимание, что манчжуров в настоящее время числится 5.000.000 душ, что из них сформирована только одна дивизия, что им запрещено вступать в брак с китайцами и т. д., что, в виду невозможного финансового положения империи, правительству имело возможность выплатить установленное жалование только самой ничтожной горсти «татар», чтобы понять, что подавляющая масса манчжур имела все основания быть по-

добно китайцам, недовольный существующим порядком вещей. Декрет 27 сентября 1907 г., распустивший «знаменные войска», уничтоживший барьер, отделявший манчжур от китайцев, разрешавший первым заниматься торговлей, земледелием, не улучшил положения манчжуров. Наоборот, многие знаменные солдаты, которые раньше получали мизерное жалованье, очутились без всяких средств к существованию. Многие из них под влиянием отчаяния и в виде протеста стали прибегать к самоубийству, другие грозили восстанием. В конце-концов число недовольных увеличилось сотнями тысяч. Но, понятно, на верхах социальной лестницы потомки генералов и офицеров, командовавших армией завоевателей, сохранили в своих руках высшие посты при дворе в «Княжеском приказе» (Цзюнь-жень-фу), в Государственном Совете (Цзюнь-цзичу), в министерствах (Вай-у-бу, Ли-бу и т. д.), на должностях губернаторов, наместников, маршалов и т. д. Кроме того, манчжурская знать сохранила и даже усилила в течение последнего пятидесятилетия свое значение в качестве помещичьей аристократии. Династия раздавала высшим манчжурским чиновникам в награду за различные заслуги колоссальные участки земли, а крестьяне, оборванные, вытнанные с родных пашен, умирая с голоду, побирались милостыней или попадали в руки всякого рода темных агентов, которые вывозили их толпами в южную Африку, в Америку, в Австралию и т. д., где они, в невероятных тяжелых условиях, работали в рудниках, копах и т. д. Во многих областях Китая манчжурские помещики царили до последнего времени, как средневековые феодалы. И еще больше в некоторых глухих уголках империи, порой обширных, как целая губерния, сохранилась, как, например, в провинции Юнь-нань, настоящая феодальная аристократия, с которой ничего не могут поделать представители центральной власти. Позади этих феодалов стоят, как в Албании, могучие кланы, готовые подняться по первому знаку своего князя.

Итак, «татарская орда», завоевавшая Китай, давным давно расслоилась на две резко противоположные группы: владетельных князей, богатейших помещиков, обладающих несбозрными территориями, и на бездомных пролетариев, на угнетателей и угнетенных. Чисто китайское же население никогда не представляло однородного целого. На верхах бюрократической лестницы мы видим тысячи мандаринов чистой китайской крови, во главе государства мы видим в каждый данный момент природных китайцев, например: в конце минувшего столетия—всемогущего вершителя судеб Средней империи, бесконтрольного руководителя ее внутренней и внешней политики, пресловутого Ли-Хун-чжана, этого китайского Бисмарка, а ныне целый ряд других китайских же влиятельных бюрократов, как, например: Цень-Чунь-сюяна, Чжан-Джи-дуя и т. д., не говоря уже о пресловутом Юань-Ши-кае, достойном ученике Ли-Хун-чжана. Юань-Ши-кай, этот замечательнейший государственный человек последнего периода китайской истории, знаменитый организатор преобразованной китайской армии, министр финансов и

путей сообщения, сыграл особенно роковую роль в развитии своей страны, предав несчастного императора Гуан-сюя реакционерам и выдав планы реформаторов ядовитую императрице Цзы-си. И целый ряд других мандаринов, в которых текла чистая китайская кровь, с восторгом встретили переворот 21 сент. 1898 г., заточение императора-реформатора и начало правления реакционной императрицы, казнившей одних реформаторов, подвергнувшей пыткам других и восстановившей в империи старые порядки.

Понятно, все это хорошо известно было д-ру Сун-Ят-сену. «Принцип борьбы рас», выдвинутый д-ром в его программе, имел целью только облегчить народным массам усвоение идеи республики, как единственной формы правления, которая могла бы прийти на смену манчжурскому абсолютизму. И нужно прибавить, что этот клич «долгой манчжуров», встреченный довольно спокойно во многих городах, где сами жители и революционные войска принимали всяческие меры, чтобы не было нанесено какой-либо обиды мирным манчжурам, повел в китайских деревнях к тому, что возмущившиеся крестьяне первым делом избивали манчжур, как представителей крупной поземельной аристократии, как помещиков, захвативших в свои руки все земельные богатства. Проект экспроприации всей помещичьей земли и раздела ее между арендующими ее общинами был принят с энтузиазмом всем земледельческим классом и немало содействовал успеху революции в деревне.

§ 3. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ. ЮАНЬ-ШИ-КАЙ.

Русско-японская война 1904—1905 г.г. с ее неожиданными результатами — разгромом гигантской, но отсталой России и блестящими победами конституционной Японии — произвела сильное впечатление в правящих кругах Средней империи. На верхах бюрократии, вокруг трона, тогда определились три правительственные партии: манчжурская реакционная партия, во главе которой стоял принц Цин, самый старший по летам представитель царствующей династии; сюда вошли все мразьбесы, министры, бывшие тайными вождями пресловутого боксерского восстания, все влиятельные китайские черносотенцы и т. д.; манчжурская прогрессивная партия, куда вошли принц Су, вице-король Дуань-фан, герцог Цай-це и многие другие влиятельные манчжуры. Эта группа защищала идею уничтожения всяких перегородок между манчжурами и китайцами, настаивала на неотложном проведении других реформ, но указывала на необходимость известной постепенности в этом вопросе, предлагая начать дело реформ, прежде всего, с преобразования одной провинции, именно Манчжурии. Наконец, правительственная партия китайских реформистов как бы продолжала дело Кан-Ю-веля, так трагически прерванное в 1898 г. Главными представителями этой группы были вице-король двух «Х» (Ху-бей и Ху-нань), Чжан-Чжи-дун, вице-король

двух Гуанов, Цэнь-Чунь-сюань и многие другие бюрократы чистой китайской крови. Оставаясь верными династии, эти чиновники указывали на необходимость введения реформ во всей империи, главным образом в области образования, защищали идею всеобщей грамотности, введения всеобщей воинской повинности и т. д.

Чжан-Чжи-дун сыграл выдающуюся роль в деле народного образования в Китае. Это очень интересная фигура. В 1898 г. он написал брошюру «Призыв к учению», которая так понравилась императору, что тот разослал по одному экземпляру ее всем губернаторам, с советом перепечатать и распространить среди населения. Но Чжан-Чжи-дун не удовлетворился одной литературной деятельностью. У себя в столице, в У-чане, главном административном центре Хунаньского генерал-губернаторства, охватывающего две провинции, Хубей и Хунань, он, по ту сторону грязного старого города, за холмом, выстроил совершенно новый оригинальный город, состоящий исключительно из всякого рода училищ. На вершине холма он выстроил школу для маленьких детей; у подножия — школу правоведения, где учились 200 юношей; далее академию языков, где взрослые юноши в возрасте от 20 до 30 лет, изучившие предварительно русский, японский, английский и другие языки, заканчивали образование под руководством иностранных профессоров, затем шли в ряд, или друг против друга, военная академия, горная школа, железнодорожное училище, — где читали лекции и преподавали американцы, — школа полицейских, школа химическая, школа искусств и ремесел, агрономический институт, женская школа, геологическая школа и т. д. Чжан-Чжи-дун проводил ту идею, что из десяти существующих храмов семь должны быть превращены в школы, а 0,7 расходов, идущих на содержание монахов, обращены на школьное образование, доказывая, что иначе Китай погибнет под напором внешних врагов. В религиозном отношении Чжан-Чжи-дун был свободомыслящим: он полагал, что китайские религии — буддизм и даосизм — не продержатся долго и уступят место христианской религии. Со смертью Чжан-Чжи-дуна в октябре 1909 г., из рядов маньчжуро-китайской бюрократии ушел неогранный деятель-преобразователь, маленький Петр Великий, необыкновенно современный и к стати пришедшийся китайцам.

Стремление к образованию является основной чертой китайского общества последнего десятилетия. Нигде престиж грамотного человека, не стоит так высоко, как в темном Китае. В 1904 г. в японских школах училось 591 китаец, в 1905 г. их было уже 2.406, в 1906 — 8.620, а в 1907 г. уже насчитывалось более 10.000 китайских студентов в Японии. Стремление к образованию получило за последнее время прямо стихийный характер, и частная инициатива в этом отношении шла далеко впереди правительственной. Во время «чужной конференции» немецкие врачи говорили: «Китай за какие-нибудь три-четыре года сделал в интеллектуальном отношении такой шаг вперед, какой другие нации сделали-бы в несколько десятков лет».

Итак, три правительственные группы путем придворных интриг боролись между собой, стараясь направить государственный корабль каждая по своему пути. Среди государственных деятелей Китая один сумел сделаться необходимым для этих партий, склоняясь сегодня на одну сторону, завтра на другую, то выступая в роли энергичного реформатора, то защищая старину и интересы реакционной клики. То был Юань-Ши-кай. Этот толстый, с трудом движущийся человек, небольшого роста, с отвислыми щеками, с широкими жирными плечами, которому, казалось, всякое движение причиняло боль, и в котором лишь умные, пронизательные глаза обнаруживали энергию и железную волю, был своего рода китайским Витте. Буржуазия Срединной империи, несмотря на все его измены и предательства, долгое время доверяла ему, считая его своим человеком, только потому, что знала, как маньчжурская черносотенная партия ненавидит и боится Юань-Ши-кай. Блестящая карьера Юань-Ши-кай началась, собственно, в 1898 г., когда он изменнически выдал вождю маньчжурской реакционной партии Юн-лу планы императора, которого он же взялся арестовать, и, таким образом, способствовал дворцовому перевороту 21 сентября и последовавшему правительственному террору. Императрица возвысила Юань-Ши-кай, в награду за его роль в государственном перевороте, до положения самого могущественного и влиятельного сановника в государстве. После японских побед 1904—1905 г.г., когда сознание необходимости реформ с особой силой стало развиваться даже в правящих кругах Срединной империи, бюрократия устремила свои взоры на Юань-Ши-кай, как на единственного государственного человека, который мог бы осуществить великое дело преобразования империи, не посягая на привилегии мандаринов и всей господствующей клики. Юань-Ши-кай был не только вице-королем важнейшей провинции, — ему было поручено командование шестью дивизиями преобразованной северной армии и управление министерством финансов и путей сообщения. Именно в 1905 г. Юань-Ши-кай руководил первыми большими военными маневрами в Китае, на которых были приглашены иностранные военные атташе, и о которых было напечатано много статей и даже отдельных брошюр в Европе и Америке. Эти маневры произвели большое впечатление в Китае, так боявшемся внешних врагов, и немало содействовали подъему престижа Юань-Ши-кай даже в тех кругах, которые ненавидели его за участие в перевороте 1898 г. После этих маневров и блестящих отзывов о них европейских атташе, влияние Юань-Ши-кай при дворе подымается до необычайной степени. Вместе с тем начинается кратковременная эпоха реформ сверху. Прежде всего правительство отправляет в Европу и С. Штаты две чрезвычайные миссии для ознакомления с государственным строем различных государств, конституционными законами, организацией народного образования, армии и т. д. Объявляется указ об отмене пыток при судебном следствии. Далее объявлен указ о реформе военных училищ, о введении европейской формы в войсках, открыты в различных частях империи новые

школы. Приняты меры для борьбы с употреблением опиума. Впервые слово «конституция» стало открыто упоминаться в китайской прессе в 1905 г., а первый императорский декрет, говоривший о скором введении конституции, был объявлен в сентябре 1906 г. Между тем народное недовольство в стране обострялось, повсюду вспыхивали более или менее серьезные волнения. Различные классы населения не желали удовлетворяться правительственными полумерами и требовали немедленного провозглашения конституции. Наконец, весной 1907 г. в шести южных провинциях вспыхнуло грандиозное восстание. В одной только провинции Гуан-дун образовалась громадная 60-тысячная армия, которая дала целый ряд сражений императорским войскам. Восстание было подавлено; однако, революционерам удалось, несмотря на поражение, спрятать оружие и аммуницию в надежных местах. Это восстание вызвало сильное смутение в правительственных кругах и обострило борьбу между придворной партией реакционеров и группой чиновников «прогрессистов». Террористический акт 6 ноября 1907 года, убийство одного генерал-губернатора директором школы полицейских, китайцем Си-лином, вооруженное сопротивление будущих полицейских военной силе, признание директора школы, что он принадлежал к революционной партии и занял пост в полиции именно для того, чтобы скорее и легче осуществить свои революционные планы, все это произвело необычайное впечатление на все китайское общество и вызвало беспримерную панику в высших кругах. Императрица в страхе немедленно призвала в дворец Юань-Ши-кая. Снова началась комедия реформ. Было объявлено особым декретом об образовании нового бюрократического учреждения «Высшей Палаты», «Административного и конституционного контроля», которое должно было выработать конституционные законы, была отправлена новая большая миссия за границу для изучения иностранных конституций, наконец, во всех губерниях были организованы «Провинциальные Сеймы». Но при подкупе, взяточничестве, свирепствующих среди китайских мандаринов, всякая новая реформа лишь служила для чиновников средством новых вымогательств. Как известно, в Китае до сих пор сохранилась, правда, в замаскированной форме, система откуса должностей. Плата огромные суммы за свои должности, высшие китайские чиновники в то же время получают самое ничтожное жалование. Достаточно указать, например, что ген.-губернатор двух Гуанов, области, которая, по своим размерам и по численности населения, превосходит Францию, получал в качестве официального жалованья 600 рублей в год. Понятно, эти воеводы на кормлении пользуются всяким удобным поводом, чтобы обложить население новыми поборами в свою пользу. Под предлогом больших расходов, вызываемых новыми военными и административными реформами, они облагают все продукты первой необходимости: чай, сахар, табак, рис — налогами. В некоторых областях, губернатор установил такую высокую таксу на всевозмож-

ные предметы, в том числе на мясо, топливо и т. д., что население не вытерпело и восстало. В некоторых местах население уничтожало даже правительственные школы, так как их содержание служило поводом к чудовищным поборам.

Таким образом, правительственные нововведения, не принося никакой существенной пользы народу, в то же время увеличивали налоговое бремя, и без того тяжкое для обнищавшего населения. Вместе с тем реформы пугали крайних реакционеров. Манчжурская консервативная партия не могла успокоиться и готовилась к решительным действиям. 2 января 1909 г. Юань-Ши-кай покинул императорский дворец в особенно хорошем настроении. Принц-регент в этот день отнесся к великому государственному деятелю с необычайным вниманием и осыпал его знаками своей милости, говоря о бессмертных заслугах своего министра перед отечеством, об его значении для страны и т. д. А когда Юань-Ши-кай прибыл к себе на дом, ему подали императорский декрет, в котором было сказано, что, так как Юань-Ши-кай страдает ревматизмом, и у него сильно болит нога, он, в знак особой к нему высочайшей милости, освобождается от всех обязанностей с приказом немедленно вернуться на место родины, чтобы там полениться. Так, в январе 1909 г. китайский Витте был отстранен от руководства государственными делами и заменен представителем манчжурского объединенного дворянства, ставленником придворной каюариллы—чистокровным манчжуром.

§ 4. ПЕТИЦИОННАЯ КАМПАНИЯ.

Между тем народное брожение не прекращалось ни на минуту. Вся страна, начиная с крестьян, городских рабочих и студенчества и кончая высшими представителями именитого купечества, равно как многими членами самой бюрократии, волновалась, как кипящий котел. Это настроение с особой силой обнаружилось в знаменитой петиционной кампании. В январе 1910 г. провинциальные сеймы, избранные на основе крайне ограниченной цензовой системы, и в которые могли проникнуть поэтому лишь очень состоятельные граждане, решили представить трону петицию о необходимости ускорить созыв парламента и введение конституционного строя. В начале 1910 года в Пекин прибыло 45 делегатов от 12 провинциальных сеймов для представления петиции императорскому правительству. Население Пекина встретило провинциальных делегатов с необычайным торжеством. Были устроены многочисленные митинги, на которых значительная часть публики, как это часто бывает в Китае в подобных случаях, горько плакала по поводу печального положения страны. Регент отказался принять делегацию. Однако, последняя передала ему первую петицию о созыве парламента не позже, чем через год. 30 января был опубликован декрет, которым объявлялось, что, во исполнение воли

почивших государей и чтобы подготовить страну к новому государственному режиму, конституция будет введена через 9 лет, т.-е. в начале 1919 г. А так как этот промежуток был обозначен в декрете, опубликованном в конце 1908 года, введение конституции, предназначавшееся на конец 1917 года, оказывалось отсроченным еще на год. Декрет 30 января 1910 года был принят, как насмешка и оскорбление. Делегаты вернулись по домам. Снова во всей стране началась усиленная агитация. Секретные общества заволновались. В июне 1910 г. была представлена новая петиция, в которой было сказано, что ссылка на неподготовленность страны к конституционному режиму является лишь предлогом, чтобы дать возможность мандаринам еще 9 лет заниматься взяточничеством и хищениями... «Чем дальше и усерднее мандарины будут готовиться к конституции, тем скорее будет разорена окончательно страна». В ответ на эту дерзкую петицию регент выпустил новый декрет, в котором объявлялась его неотменная воля ввести конституцию не раньше, чем через 9 лет, и строго запрещалось подавать и принимать подобные петиции под угрозой суровых наказаний. Этот ответ никого не напугал, а вызвал лишь сильное возбуждение во всей стране. Делегаты провинциальных сеймов решили подать третью петицию и снова прибыли в столицу в декабре того же 1910 г. На этот раз к ним, между прочим, присоединилось 2.000 студентов, прибывших специально для этой цели из Манчжурии и Тянь-цзиня. Громадная толпа народа подошла к дворцу и подала регенту 3-ю и последнюю петицию, написанную кровью. С этой целью один студент отрубил себе палец, другой проткнул себе ладонь, третий хотел распороть себе живот и умереть, лишь бы его кровью была написана эта петиция. Ему помешали привести это в исполнение, но он все же успел нанести себе рану в предплечье и отдать часть своей крови на народное дело. Затем громадная толпа народа устроила демонстрацию перед дворцом. Напуганный регент пошел на уступки и объявил, что петиция будет передана в так называемый «Временный (Предварительный) Сенат» для надлежащего рассмотрения. Но скоро регент забил отбой. Он сделал строжайший выговор министру внутренних дел и пекинскому генерал-губернатору и приказал им выслать делегатов из столицы... Известный организатор и вдохновитель петиционной кампании, президент тайного общества Тонгхе был арестован и сослан в отдаленные места империи, в Китайский Туркестан. Между тем «Временный Сенат» начал свою работу. Этот сенат, составленный наполовину из членов, назначенных самим регентом, из мандаринов китайской и манчжурской крови, из принцев императорской фамилии, из 10 крупнейших богачей и других знатных лиц, наполовину из членов, избранных провинциальными советами и одобренных вице-королем и губернатором, должен был, в представлении реакционной партии, стать оплотом правительства. Однако, к удивлению регента и придворной камариллы, сенат одобрил петицию, поданную делегатами провинциальных собраний, и постановил с своей стороны ходатайствовать за

сокращение срока созыва парламента на 4 года. Разгневанный регент приказал распустить сенат немедленно после окончания трехмесячной сессии, установленной для него законом. Сенат разошелся, но объявил об учреждении им особой «постоянной комиссии», которая должна была оставаться в Пекине, чтобы продолжать в промежутке между сессиями дело борьбы за реорганизацию страны. Таким образом, стало ясно, что даже консервативные элементы страны, в лице многих представителей манчжурской знати и крупной буржуазии, напуганные призраком надвигающейся революции и опасностью извне, не желали примириться со старым самодержавным режимом и требовали уступок духу времени. Даже все вице-короли, за исключением генерал-губернатора области Шаньси и двух Цзяньов, подали рапорты о необходимости введения конституции в интересах сохранения порядка в стране и спасения государства от окончательной гибели. Сам брат регента, молодой принц Тзай-Тао, недавно прибывший из-за границы, высказался в пользу конституции. Напуганная всеми этими фактами придворная камарилья изменила свою тактику. 5 ноября 1910 года принц-регент отказался от своего предыдущего декрета и всемилостивейше, именем малютки-государя, объявил, что конституция будет введена через три года.

§ 5. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦИЮ.

Но это обещание не могло уже никого удовлетворить. Да и ждать было некогда. Русско-японское сближение, которое рассматривалось всеми сознательными китайцами как явно-враждебный акт, направленный против Срединной империи, русско-японская политика в Манчжурии, русско-китайский конфликт, чуть было не завершившийся войной — все это усиливало тревогу в населении и говорило о неотложности решительных мер. Китайская пресса печатает тревожные статьи о наводнении Манчжурии русскими и японскими войсками, о самовольном стратегическом переустройстве японцами Андунь-Мукденской железной дороги, что облегчает японским армиям вторжение в центр Срединной империи, о захвате русскими 64 китайских деревень на берегу Амура, близ Айгуни, о самовольном переводе правительством микадо 40.000 китайцев в японское подданство. Вся страна, вплоть до самых глухих деревушек, наводняется прокламациями всякого рода тайных обществ: «Небесного Дракона», «Красной лампы», «Поднебесной вооруженной дружины», «Объединенного Китая», прокламациями, говорящими о внешней опасности, о народной нищете, о неудаче петиционной кампании, показавшей даже всем слепым, что манчжурская династия не пойдет навстречу народным требованиям, что ее цель лишь усыпить и обмануть китайцев, и что необходимо взять оружие в руки, чтобы перебить изменников народа, продающих страну иностранцам, питающимся китайской кровью и т. д. Все тайные общества начинают объединяться, вместе с тем за-

вязывается усиленная переписка с революционными китайскими организациями, так сказать, группами содействия, в С.-Франциско, Лондоне, Париже и т. д. В первых числах апреля 1911 г. китайский посланник в Вашингтоне доносит, что несколько выдающихся китайских революционеров выехали недавно из Америки в Пекин. В этом же месяце в Кантоне, вслед за убийством татарского генерала Фуки революционером Уэн-сингом, преждевременно вспыхивает восстание, которое распространяется на все прилегающие области, захватывая громадный район, и принимает характер настоящей революции. Правительственная армия, под командой генерала Ли, подавляет восстание, причем сотни революционеров беспощадно расстреливаются. Но неудачи апрельского восстания, организованного местной революционной группой, не обескуражили населения. Весь Южный Китай начинает готовиться к решительному бою. В центральных областях и в самом Пекине усиливается пропаганда в войсках. Всем солдатам, офицерам и генералам отправляются письма и прокламации, вызывающие к их патриотическому чувству, говорящие о неизбежности всенародного восстания, выражающие уверенность, что китайская армия поможет народу свергнуть манчжурскую династию и истребить всех ее сторонников.

В июле 1911 г., в связи с отправкой немецкого судна в Агадир и газетными статьями об обострении англо-германских и франко-германских отношений, в китайских колониях за границей, в революционных кругах на родине и во всей прессе Срединной империи начинаются толки о возможности и даже о неизбежности международной войны. Многие китайцы спешно покидают Нью-Йорк, С.-Франциско, Лондон и т. д. и отправляются на родину. В начале октября 1911 г. все китайские газеты печатают телеграммы об итало-турецком конфликте, бомбардировке турецкого побережья итальянским флотом, об обострении отношений между Италией и Австрией и т. д. На заседаниях революционных клубов политики указывают на то, что у европейских правительств надолго будут связаны руки, что Россия, в свою очередь, не рискнет на какие-нибудь непрязненные действия против Китая в виду осложнений в Европе и перспективы раздела Турции, что отношение С. Штатов к республиканскому движению в Китае самое благоприятное и т. д., и последние-де не допустят враждебных действий против Китая со стороны правительства микадо, словом, что, с международной точки зрения, настоящий момент самый удобный для последнего решительного боя, для организации повсеместного восстания. Особое внимание, с которым китайские революционеры относились к международному положению, объясняется памятью китайских революционных кругов о роли в подавлении знаменитого Тайпинского восстания с 1850 по 1864 г.г., сыгранной европейскими войсками, главным образом, пресловутым английским генералом Гордоном, погибшим впоследствии при осаде Хартума. Еще более всем китайцам были памяты события 1900 г. и роль иностранных войск в подавлении боксерского восстания.

9 октября 1911 г. в связи с открытием революционного центра и лаборатории бомб на территории русской концессии в Ханькоу и казнь четырех революционеров, вспыхивают беспорядки в этом городе, которые неожиданно перебрасываются на все прилегающие местности и сразу принимают характер невиданного до того, по своей организации, подготовленности *) и грандиозным размерам, революционного движения. Небольшая революционная армия, состоящая первоначально из нескольких тысяч местных и прибывших из-за границы китайских студентов, из членов тайных обществ, из нескольких сот военных, растет, как снежный ком. Прежде всего она овладевает резиденцией вице-короля в университетском городе У-Чане. На другой день генерал, командующий гарнизоном в Ханьяне, при безумном восторге его солдат, переходит на сторону революции и подымает над правительственным арсеналом трехцветное красно-бело-голубое знамя республики, которое скоро взвигается над тремя важнейшими городами Южного и Центрального Китая. Вся страна наводняется прокламациями: «Мы разбросали красные семена святого гнева по всей империи. Настал день жатвы, красные огни отщепенца поработителям-манчжурам поднимаются повсюду. Вставайте»... 15 тысяч железнодорожных рабочих местной линии, как один человек, поднимаются для борьбы за республику. В оружии недостатка нет, хотя в течение последних месяцев, тамоякия чуть не ежедневно захватывала в портах и пограничных пунктах громадные партии оружия, пороха и бомб. Множество лиц, имевших при себе свидетельства иностранных миссионерских учреждений, давно уже развозили по провинциям в своих корзинах, под слоем книг священного писания, браунинги, маузеры, патроны и прокламации. А захват огромного арсенала в Ханьяне, важнейшего после шанхайского арсенала в империи, с 100 крупнокалиберными пушками и 40.000 ружей, и переход целых полков и дивизий на сторону революции способствовали поразительно быстрому распространению движения. Правительство скоро увидело, что перед ним не столь обычный в Китае частичный бунт народных масс, измученных голодом и доведенных до отчаяния жестокими поборами, пытками и казнями, но всеобщая революция. Переход значительной части армии и флота на сторону восставшего населения, а особенно грозный ультиматум второй северной армии, которая, получив 29 октября приказ двинуться в поход против мятежников, отправила в тот же день правительству ответ от имени всех солдат, офицеров и своего генерала, требуя немедленного провозглашения конституции, удаления из состава министерства всех членов императорской фамилии и амнистии всем политическим, напугали придворную камарилью.

*) Тем не менее, и это восстание, как обыкновенно бывает, вспыхнуло „преждевременно“, недели на две раньше, чем предполагалось. В связи с обнаружением лаборатории бомб в Ханькоу и многочисленными арестами. последовавшими за тем, были захвачены у некоторых революционеров очень важные документы, в том числе план атаки города У-Чана, зашифрованный список генералов и офицеров, примкнувших к заговору, список мест, где хранились взрывчатые снаряды, аммуниция и т. д. Это раскрытие заставило главный революционный штаб дать сигнал к немедленному бою.

30 октября принц-регент опубликовал от имени 5-летнего крошечного императора униженный эдикт, в котором малютка каялся во всех своих преступлениях по отношению к народу и объявлял о своем желании работать отныне вместе с последним на благо страны. Вместе с тем потерявшее голову правительство принца-регента решило поручить защиту трона отставленному им же в 1909 г. Юань-Ши-каю, который, при данных обстоятельствах, казался единственным человеком, способным спасти династию. Но хитрый генерал поблагодарил за императорское доверие и ответил, что болезнь ног, из-за которой его отставили в 1909 г., отнюдь не улучшилась, и поэтому он не может покинуть назначенное ему местожительство, чтобы поспешить оправдать высочайшее доверие. Этот ответ Юань-Ши-каю, не постеснявшегося изменить делу реформ в 1898 г., когда на стороне конституции стоял сам император, которого он же изменнически предал во власть реакционеров, был лучшим показателем того, какую грандиозную силу за истекший промежуток приобрело революционное движение, и являлся признанием отчаянного положения династии и ее дела. И только когда «Временный Сенат» обратился к Юань-Ши-каю с мольбой прибыть в Пекин, спаситель отечества согласился покинуть свое местожительство и явиться в столицу.

§ 6. СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ 1911 г.

Какой социальный характер носит современная китайская революция, какие слои и классы населения играют в ней наиболее видную роль, какие области являются центром и опорной базой победоносного движения. Выдающаяся роль доктора Сун-Ят-сена и восстании 1907 г., его нагумевшая речь в Токио на митинге, организованном китайскими студентами, социальные взгляды, которые он развивал в ту пору перед студенческой молодежью насчет будущих судеб китайского капитализма и китайской общины, далее энергичная пропагандная деятельность д-ра в течение последних лет в заграничных колониях, главным образом, в Америке, — все это повело, во-первых, к тому, что многие органы европейской печати, при первых же известиях о событиях в Китае, стали писать о д-ре, как о главном вожде разразившейся революции, а, во-вторых, к неправильному представлению в некоторых кругах о социальном характере нынешнего движения. Прежде всего, заметим, что в последнее время сам д-р в своей агитации не затрагивал уже вопроса о капитализме и т. п., а, главным образом, напирал на политическую и национальную сторону своей программы, на необходимость свержения династии, широких демократических реформ, уничтожения старых сословных привилегий, введения всеобщего образования, всеобщего избирательного права для лиц мужского и женского пола и т. д. Но в то же время он развивал идею двух представительных палат, высшей и низшей, как это существует в Европе

и Америке, говорил о необходимости сильной реорганизованной на европейских началах армии и т. д. Взгляды, высказанные многими другими видными китайскими революционерами, проживающими недавно за границей, явно показывают, что мы имеем перед собой представителей могучего демократического движения, которому суждено перевернуть вверх дном всю жизнь Средней империи и повлиять решительным образом на судьбы всей Азии, а косвенно, в том или другом отношении, — и на остальные континенты, но только демократического движения, а отнюдь не больше.

Первое, что бросается в глаза при изучении характера китайской революции, это то необычайное сочувствие, с которым в течение последних лет относилась к освободительному движению китайская буржуазия. Я уже отметил, с какой энергией имущие классы городского населения, поддерживаемые всей нацией, вели пресловутую петиционную кампанию 1910 г., требуя немедленного созыва парламента. Не ограничиваясь этой моральной поддержкой революции и этой агитацией, которая взбудоражила страну до самых ее глухих уголков, буржуазия оказывала неограниченную материальную помощь освободительному движению. Все богатые китайцы, все «компрадоры» Гонконга, все миллионеры Сингапура и Малайского пролива, все заграничные купцы, банкиры Явы и Сан-Франциско давали деньги на революционные цели. И когда понадобилось сделать в Лондоне заем в 5 миллионов рублей для военных надобностей революции, этот заем гарантировали: один китайский банк, три владельца рисовых мельниц в Бангкоке, несколько сингапурских купцов и три владельца горных предприятий на Малайских островах. Утверждение некоторых европейских корреспондентов, «что революционная армия в начале же нынешней кампании обладала военным фондом в 15 миллионов долларов», едва ли страдает преувеличением. Любопытно, что когда в апреле нынешнего 1911 года генерал-губернатор Кантона обнаружил заговор, имевший целью подготовку восстания в недалеком будущем и произвел многочисленные аресты в провинции, казначей революционной кассы Ван-Шен, несмотря на веские возражения некоторых товарищей, убедил кантонскую организацию поднять немедленно восстание, справедливо указывая, что дальнейшее промедление может сильно уронить престиж революционных организаций в глазах поддерживающей их китайской буржуазии. Когда тот же Ван-Шен, потерявший руку во время восстания, прибыл в Гонконг, местное купечество не побоялось публично чествовать его обедом, на котором присутствовали все китайские купцы, в числе более 1.000 человек. Прибавим, для иллюстрации обще-национального характера нынешней революции, что когда Ван-Шен, после неудачи вызванного им восстания, истекающий кровью, скрывался у крестьян с миллионами таэлей революционной кассы, нищие, оборванные китайцы, знавшие об этих миллионах, знавшие, что голова революционного казначея оценена в 100.000 долларов, тем не менее не выдали его, наоборот, тщательно спрятали, а затем, рискуя жизнью, переправи-

ли на джонке мимо правительственных канонеров, стороживших его у Макао, в Гонконг.

Боевое настроение имущих классов Китая выразилось с особой силой в пресловутом «железнодорожном вопросе», который был последней каплей, переполнившей чашу терпения китайской буржуазии. Вышедшая незадолго до нынешней революции капитальная книга инженера Лабулэ «Железные дороги в Китае» (*Les chemins de fer de Chine*. Paris 1911) выясняет, как европейские правительства, которые недавно боролись друг с другом из-за проведения той или другой линии в Китае, — каковое соперничество давало правительству богдыхана возможность заключать железнодорожные займы на сравнительно льготных условиях — дотадались войти в соглашение друг с другом и образовать синдикаты для устраниения взаимной конкуренции между различными финансовыми группами и дружной, согласованной эксплуатации Китая. Так, при содействии правительств, образовался англо-германско-французско-американский консорциум для сооружения железных дорог в Китае, который мог уже диктовать свою волю и навязывать свои условия правительству Средней империи. В общем, до нынешнего 1911 года, Китай заключил с заграницей железнодорожные займы на сумму 813 милл. франков, а выкуп всей китайской железнодорожной сети (одиннадцать с половиной тысяч километров), включая и маньчжурские линии, обошелся бы стране в 1 миллиард 407 милл. франков. Этот новый организованный натиск международного капитала на Китай имел самые решительные последствия в деле обострения борьбы между оппозиционной буржуазией Средней империи и правительством династии.

Каких-нибудь 50 лет тому назад суеверные китайцы не желали и слышать о железных дорогах, этих дьявольских выдумках, которые так раздражают души покойников, до сих пор мирно почивавших в своих гробах, и которые вместе с тем своим истощающим шумом, свистом и грохотом приходится ще по вкусу всякого рода фонч-шун, т.-е. совокупности различных таинственных духов, населяющих пространство и образующих атмосферу, благоприятную для данной местности. И сила подобных предрассудков была такова, что после того, как в 1876 г. англичане построили маленькую железнодорожную ветвь в 18 километров от Шанхая до У-Суна, правительство, под влиянием народного возбуждения, выкупило через год эту дорогу и разрушило ее до основания. С той поры многое изменилось в китайском мировоззрении. Как известно, грандиозная система прекрасных когда-то маньчжурских путей, предоставленная, по возмутительной небрежности китайского правительства, исключительному ведению двух инженеров — дождя и солнца, пришла за последнее столетие в состояние полной негодности. Между тем, неудержимый рост торговли и промышленности Китая, оживление сношений между отдельными частями империи и, наконец, роковая необходимость защищать государство от постоянных нападений со стороны внешних врагов, то на той,

то на другой границе, толкали всех мало-мальски мыслящих китайцев к сознанию великого значения железных дорог, как могучего орудия экономического, политического и военного возрождения Срединной империи. Однако, история русской железнодорожной концессии в Манчжурии и кровавая война, которая, в результате этой концессии, вспыхнула между Россией и Японией, внушили китайцам идею, что всякая железная дорога, выстроенная на их территории иностранцами, является прелюдией неприятельского нашествия, оккупации и т. д. Таким образом, создается и развивается сильное национальное движение, во главе которого становится буржуазия и студенчество, в пользу выкупа всех иностранных железных дорог и сооружения новых ветвей собственными китайскими силами и средствами. Под давлением этого движения, правительство богдыхана в январе 1909 г. вынуждает у франко-бельгийского общества железнодорожную ветвь от Пекина до Ханьжоу, длиной в 1.271 километр, за что уплачивает 5 миллионов фунтов стерлингов. А еще до того, в 1906 г., правительство, пользуясь исключительно китайскими инженерами и рабочими, не прибегая к иностранному займу, выстроило линию от Пекина до Калтана в 200 километров.

Однако, железнодорожная политика правительства, слабая, нерешительная, трусливая, при первом же прозном окрике иностранных дипломатов, возбуждает против себя страну. В 1907 г. население провинций Чже-цзян и Цзян-су подымается, как один человек, и требует от правительства уничтожения контракта с английской компанией «British and Chinese Corporation», на сооружение железной дороги Шанхай—Ханчжоу—Нинбо, правительству отправляется петиция с заявлением, что провинции сами достанут все средства, нужные для сооружения намеченной ветви. Во всех городах упомянутых провинций открыты подписные листы. В маленьком городе Сигю-Шан собирается, таким образом, 200.000 таялей. В Нинбо три богатейшие фамилии подписываются на сумму 10 миллионов таялей. Актеры, банзы, солдаты обеих провинций телеграфируют центральному правительству, что они охотно согласятся отказаться от части своего жалованья, лишь бы увеличить число народных акций данной дороги. Как сообщает корреспондент «Тан», в Ханчжоу известная в городе шансонетная певица созывает всех проституток на заседание и собирает 20.000 долларов. Таким образом, население собирает громадную сумму в 100 милл. франков. Затем отправляется в Пекин делегация, которую провожает на вокзал несметная толпа народа. При прощании толпа рыдает. Пять акционеров будущей национальной дороги заявляют, что они готовы отправиться в Пекин и покончить с собой на квартире английского посланника для протеста против действий великобританского правительства. Когда же Вай-у-бу все же утверждает контракт с иностранной компанией, отчаяние населения упомянутых провинций доходит до пароксизма. Один инженер Тан-сиу, в виде протеста, отказывается принимать пищу и умирает голодной смертью. Фу-кан, ученик железнодорожной

школы в Чжэ-цзяне, при известии об утверждении контракта, от удара умирает. Все население провожает его гроб до могилы, тысячи людей горько рыдают, женщины падают в обморок. Затем население отказывается платить налоги. Находящийся в данной провинции памятник на могиле предков вице-президента Вай-убу, подписавшего контракт разрушается; собственная семья этого мандарина исключает его из числа своих членов. Наконец, после двухмесячного возбуждения, шумных митингов, петиций, ряда самоубийств и т. д. население как-будто успокаивается, и все входит в свое русло. Правительство, в виду решительных угроз со стороны Великобритании, отказывается разорвать контракт с английской компанией.

Но это движение было лишь предвестием других более грозных событий. Несколько лет тому назад, население Сычуаньской и Хунаньской областей добилось от правительства разрешения построить своими собственными силами, без участия иностранных капиталов, железную дорогу протяжением в 650 верст (от Кантона до Ханькоу). Эта победа была встречена с энтузиазмом всем населением. Были выпущены железнодорожные акции на 10 миллионов таелей, которые и были раскуплены более или менее состоятельными гражданами. Пока производились исследования будущей линии и некоторые мелкие подготовительные работы, провинциальные власти сделали у местного «Общества национальных китайских дорог» вначале мелкий, а потом крупный заем для чеканки монеты, организации милиции и т. д. Скоро от собранных десяти миллионов таелей не осталось ничего, нужно было приступить к работам, а правительство и не думало возвращать забранных денег. Так прошло несколько лет. В течение их пресса не раз говорила о железнодорожной панаеме и мошенничестве императорских мандаринов и требовала забранных у населения обманном путем денег, как вдруг неожиданно в мае 1911 года последовал императорский указ о переходе в казну всех железных дорог в виду необходимости в военных целях сосредоточить сооружение и эксплуатацию дорог в руках правительства. Этот декрет о национализации всех дорог был принят населением Сычуаньской и Хунаньской провинций, как санкция восстания мандаринов, как отнятие у населения предприятия, в которое уже были вложены народные деньги. В Кантоне состоялось собрание представителей 72 гильдий, девяти благотворительных обществ, двух торговых палат, учительского персонала, вынесшее резолюцию требовать отмены этой национализации, смахивающей на легализованную экспроприацию частных железнодорожных предприятий; этим же собранием одновременно были разсланы телеграммы в важнейшие города Южного Китая и влиятельным китайским эмигрантам за границей с предложением сплотиться и заставить правительство пойти на уступки. Так начинается пресловутая «железнодорожная война», которая с каждым днем принимает все более серьезный характер. Между тем ряд правительственных указов только еще более раздражает население. Правительство объявляет, что оно заплатит акционе-

рам Сычуаньской области лишь за фактически произведенные железнодорожные работы, а отнюдь не за те капиталы, которые незаконным образом были растрочены мандаринами, от имени правительства сделавшими заем из собственных денег. 24 августа «Лига защиты железной дороги» объявляет «паш» и «пайо», забастовку коммерсантов и учащихся, и выпускает прокламацию: «Правительство отнимает у нас железные дороги, на которые мы имеем концессии. Весь Сычуань объявит забастовку. Лучше умереть, чем сделаться рабами иностранцев». Подпись: 70 миллионов сычуаньцев». Начинаются многолюдные митинги и манифестации. 7 сентября делегация представителей от упомянутой лиги отправляется к вице-королю и предъявляет требование, чтобы он не позволил высшему правительственному чиновнику, посланному для разрешения железнодорожного вопроса, вступить в пределы области. Вице-король приказывает немедленно арестовать всех делегатов. Тогда население пытается взять дворец генерал-губернатора штурмом, завязывается битва. Восстание перебрасывается на соседние города и области и принимает очень трезный характер. Правительство посылает в Сычуань громадные военные силы, которые дают революционерам ряд правильных сражений. По вычислениям епископа Башфорда, главы методических миссий Сычуаньской области, в этих кровавых боях осталось на местах сражений 10 тысяч убитых революционеров и 2.000 солдат.

Как известно, колыбелью революции 1911 г. были провинции Сычуань и Хубей, которые являются наиболее развитыми в промышленном отношении областями Средней империи, средоточием китайского капитализма, как бы Московским районом 400 милл. государства. И в первые же дни революции в руках восставшего народа очутились 3 пункта: Ханькоу, Ханьян и Учан. Эти три имени символизируют весь смысл китайской революции, ее общенациональный характер. Ханькоу — это один из величайших коммерческих городов Китая с населением в 820.000 и внешней торговлей в 500 милл. фр. Три английские мореходные компании, две японские, две немецкие, одна китайская и одна французская поддерживают сношения города с морским портом Шанхаем. Из Ханькоу ежегодно расходится в глубь страны 110 миллионов литров американского керосина, который со времени слияния двух компаний, американской и голландской, стал вытеснять русский керосин. Ханькоу же является складочным местом товаров «Британо-Американской Табачной Компании», которая отсюда рассылает во внутренние провинции свой табак и папиросы, вытесняющие японские продукты. Отсюда вывозится в огромном количестве чай, и неподалеку от Ханькоу находятся русские чайные мануфактуры. Одним словом, этот город представляет собой великий торговый центр, и многие американские и английские исследователи предсказывают, что в недалеком будущем Ханькоу сделается одним из важнейших средоточий мировой торговли. 2-й пункт, очутившийся сейчас же после начала восстания в руках революционеров, —

Ханьян служит главным центром железоделательной и сталелитейной промышленности. Здесь находятся заводы акционерного общества «Hanpingyeh iron and Coal C-o» с капиталом в 50 милл. долларов, на которых занято 22.000 пролетариев, в том числе 7.000 квалифицированных рабочих. Здесь же находится громадная правительственная сталелитейная фабрика, где работает 4.000 человек, пушечные заводы, чугуно-плавильные заводы. В 1909 году из Ханьяна было вывезено за границу (в Америку и Японию) 4 миллиона пудов железной руды и рельс, а в 1910 — 7½ милл. Что касается Вучана (Учана) — это, как я говорил выше, важнейший университетский центр Китая, город высших, средних и низших школ и в то же время важный военный пункт с гарнизоном в 10.000 солдат. Прибавим к этому, что охваченный в первую голову восстанием район, давший сигнал к революции, является по преимуществу областью крупного землевладения, громадных латифундий, находящихся в руках могущественной поземельной аристократии, главным образом, манчжурского происхождения. Таким образом, эта революция в первый же день обнаружила, несмотря на своеобразную окраску, свою истинную социальную природу, свой характер восстания «третьего сословия», городской буржуазии, затем промышленного и земледельческого пролетариата, равно как среднего и мелкого крестьянства, одним словом, всех живых сил страны против «старого порядка», который являлся режимом исключительного господства крупных помещиков, неограниченной бюрократии и вел страну к неизбежному развалу и окончательной гибели. О том, с каким энтузиазмом отнесся в частности городской пролетариат к революции, излишне подробно распространяться. Отметим, что китайские рабочие, даже проживавшие на чужбине, не отнеслись равнодушно к событиям, происходившим на родине. Один кули в Сан-Франциско отдал в революционный комитет сбережения всей своей жизни, 2.000 рублей. В самый короткий срок среди китайских рабочих в С. Штатах было собрано около 500.000 рублей. Не отстали и китайские женщины от движения. В частности, в Сан-Франциско, который является одним из важнейших зарубежных центров революционного китайского движения и где издаются три газеты: «Young China», «Chinese World», «Chinese Free Presse», посвященные пропаганде новых идей, среди деятелей китайского освободительного движения выдвинулась г-жа Мин Лу, горячая сторонница и пропагандистка женского равноправия, глава китайских суфражисток.

Важно и примечательно сочувствие, с которым революция была встречена значительной частью армии, и не только солдатами, но также и офицерством и генералами. Этот факт объясняется в некоторых органах европейской прессы недо-

вольством китайского офицерства тем обстоятельством, что все высшие должности в армии заняты манчжурами. В действительности же революционное настроение армии имеет более высокого порядка мотивы. В рядах офицерства регулярной китайской армии лиц манчжурского происхождения числится всего 3%. Даже в так называемой манчжурской дивизии (1-й) все высшие офицеры—чистокровные китайцы, равно как и ее главный командир. В императорской гвардии, которая когда-то была чисто манчжурской, большая часть офицеров тоже китайцы. Революционное движение китайской армии,—проявившееся в течение последних лет в многочисленных эпизодах: в бунте бригады в Учане в 1907 году, в восстании артиллеристов в Нанкине в 1908 году, в восстании 8.000 солдат в Кантоне в феврале 1911 г. и т. д.,—объясняется, таким образом, тоже общенациональным характером движения. Петиции, в которых провинциальные депутаты в мрачных красках рисовали положение Китая, говорили о страшной опасности извне, грозящей империи в результате русско-японского соглашения и аннексии Кореи, о нескрываемом пренебрежении, с каким все государства относятся к Средней империи, и т. д., производили неизгладимое впечатление на офицеров. В прошлом 1910 году, в связи с петиционной кампанией, правительство регента решило отсрочить на неопределенный срок выпускные экзамены во многих кадетских училищах и высших школах, чтобы не увеличить армию многочисленным контингентом революционно настроенных офицеров.

В данный момент трудно предсказать, удастся ли Юань-Ши-као расколоть сплоченные революционные ряды и спасти трон, хотя бы путем самых серьезных уступок народным требованиям в области политических и социальных реформ и введением конституционного строя. Если даже и удастся, надолго ли?..

Как бы то ни было, начинается новая эпоха в истории Китая. Много грозных призраков подымается уже теперь перед страной, собирающейся сбросить, наконец, с своих многострадальных плеч иго татарского деспотизма. И в первой очереди этих угроз, перед новым Китаем встает призрак не внутренней, но внешней опасности: союза России, Японии, Франции, Германии и т. д., для агрессивной политики против возрождающейся желтой страны. Несмотря на видимые успехи пацифизма, умножение «Обществ мира» и т. д., Европа вступает в полосу небывало интенсивного милитаризма, более чем когда-либо лихорадочной политики агрессивных авантюр. Все еще независимые африканские и азиатские страны, как Марокко, Абиссиния, Персия, Китай, и некоторые маленькие европейские государства, вроде Португалии и Бельгии, у которых имеются слишком большие колонии и слишком крошечная армия, очутятся скоро перед лицом захватной опасности. Чем грозит этот все выше поднимающийся голову империализм, эта политика международного грабежа и насилия Средней империи, переживающей ныне опасный переходный момент

своей истории, успеет ли новый Китай покончить с внутренними врагами, прежде чем враги внешние столкнутся между собой. Вот тревожный вопрос, который волнует всех тех, кто с горячей симпатией следит за пробуждением когда-то отсталых рас и народностей.

Париж. Октябрь 1911 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

Провозглашение Китайской республики в 1911 г. и Европа.

Прошло не более шести месяцев с того момента, как жители Сычуаньской области начали пресловутую железнодорожную войну против центрального китайского правительства и объявили «паш» и «пао», студенческую и торговую забастовку, быстро превратившуюся в кровавое восстание, и вдруг весь цивилизованный мир с изумлением узнал, что в Китае окончательно провозглашена республика.

Исчезла самая древняя монархия, существовавшая более 4.000 лет, возникла величайшая в мире республика, объединяющая под своим знаменем более четверти населения земного шара.

Китайская республика была первоначально провозглашена 16 (29) декабря 1911 г. в Нанкине на собрании делегатов от революционных комитетов 14 восставших и отделившихся от Пекина провинций. Ее временным президентом вплоть до окончательного утверждения республики во всей империи—был выбран идейный вождь китайской революции, знаменитый агитатор д-р Сун-Ят-сен. 5 января новое республиканское правительство Южного Китая обратилось со следующим манифестом ко всем иностранным державам:

«Интеллектуальное, моральное и материальное развитие Китая встречало до сих пор на своем пути неодолимые препятствия. Индивидуальные способности, национальные стремления народа безжалостно подавлялись. Нужно было содействие революции, чтобы уничтожить причины этого зла.

«Мы провозглашаем ныне падение деспотического господства манчжурской династии и введение республиканского режима в Срединной империи. Свержение монархии и замена старого порядка новым отнюдь не является результатом скоропреходящего увлечения; наоборот, это естественное последствие давно созревшего в народе жгучего стремления к прогрессу, благоденствию и свободе. Мы сражались и добились новой государственной формы, и, дабы наши благие стремления и намерения не остались безызвестными, мы даем публично и без всяких ограничений следующие обещания:

«Все договоры, заключенные с манчжурами до революции, остаются в силе вплоть до срока их истечения. Договоры, подписанные после начала революции, не будут признаны. Равным образом будут признаны все займы и денежные обязательства, заключенные до революции. Тем же принципами мы будем руководиться в вопросе о концессиях... Манчжуры будут находиться под защитой законов и пользоваться равными правами с китайцами. Мы пересмотрим все законодательство страны, реформируем гражданский, уголовный и торгово-промышленный кодексы, равно как законы об эксплуатации копей. Мы уничтожим все препятствия, мешающие развитию торговли, будем охранять свободу совести и вероисповедания. Мы сделаем все возможное, чтобы улучшить наши отношения с иностранными державами... Мы надеемся, что все государства помогут нам осуществить неотложные реформы, необходимость введения которых иностранные правительства так давно и так тщетно указывали нашему народу и нашей стране... Преследуя исключительно мирные цели, Республика выражает надежду, что она будет принята в международную семью, не только для того, чтобы пользоваться признанными для других наций правами и привилегиями, но и для того, чтобы работать на благо всеобщего прогресса и цивилизации.

Нанкин, первый день первого месяца первого года Китайской республики.

Сун-Ят-сен — временный президент.

У Дин-фан — министр иностранных дел.

После манифеста 5 января 1912 г. новое правительство Китая обратилось к европейским державам с просьбой о признании республики и отправило во все государства специальных уполномоченных. Так, французское правительство, насколько нам известно, получило по этому поводу несколько телеграмм от министра иностранных дел Китайской республики, но не удостоило эти телеграммы ответом. Влиятельная европейская пресса убеждала правительства не считаться с этими республиканскими «уполномоченными», соблюдая строгий нейтралитет, ибо в Пекине существует еще монархическое правительство. Наконец, 30 января (12 февраля) в Пекине были опубликованы три императорских указа об отречении династии и учреждении республики.

Но ни отречение Дайцинской династии от престола, последовавшее за переходом командующего северной армией популярного генерала Тан-Си-эра на сторону южной республиканской армии, ни официальное провозглашение республики во всей Средней империи и формирование под председательством Юань-Ши-кая временного республиканского правительства, которому согласились подчиниться как южные, так и северные области, не могли заставить европейские правительства поторопиться с признанием Китайской республики.

Трудная задача стоит перед государственными деятелями Средней республики, перед всей страной. Нужно не только возможно скорее осуществить колос-

сальную работу реорганизации внутреннего строя гигантской империи, необходимо параллельно, на всем протяжении государства, вести энергичную военно-оборонительную политику против натиска соседних государств: России—в Монголии, Японии—в Манчжурии, Англии—в Тибете, Франции—в Юнь-нане. В течение нескольких месяцев Китай совершил неожиданную и наиболее грандиозную трансформацию из всех пережитых им, но теперь перед Срединной империей, как самостоятельным государством, встает—подобно тому, как это случилось с Турцией, сейчас же после свержения Абдул-Гамида, с Персией—после изгнания шаха Мамеда-Али,—призрак такой страшной опасности, которая давно уже не прозила Китаю. Современные «цивилизованные» правительства менее всего желают торжества цивилизации в азиатских странах, и последним горько приходится расплачиваться за то, что они слишком поздно прорубили свои глухо-закопченные в течение многих веков окна в Европу...

Прошло всего две недели со времени провозглашения Китайской республики и указов императрицы об отречении династии от престола, а уже в европейской прессе появились целый ряд статей о полной неподготовленности китайцев к новой форме правления. «Китайцы в состоянии облачиться в европейские платья, срезать себе косы, но они не созрели для республиканского режима»,—говорят одни («Фигаро»); «Франции понадобилось много веков, чтобы от коммунального движения средних веков дойти до генеральных штатов 89 года»,—говорят другие («Французская Азия»); «Прежде, чем начинать политическую революцию, нужно было бы предварительно совершить глубокую моральную революцию»,—укоризненно замечают третьи (Жан Родс, в газете «Тан»).

Но чем более изучаешь жизнь китайского общества в течение последнего десятилетия, тем более убеждаешься в том, с какой могучей силой дух нового времени пробивал себе путь даже в самых отсталых уголках Срединной империи. Как писал незадолго до революции в своем докладе правительству Соед. Штатов американский консул в Гонконге—Андерсон, стремление к образованию с неудержимой силой проникает в народные массы и проявляется даже в таких частях империи, которые казались совершенно отрезанными от какого бы ни было культурного влияния. Во время своего путешествия Андерсон открыл, к своему удивлению, множество начальных школ около тибетской границы. В этих школах преподавались: китайская грамота, география и арифметика. В более или менее крупных деревнях имелись школы, где преподавались также английский язык и рисование. Сознание важности образования настолько проникло в народные массы, что все более или менее состоятельные люди, желая пожертвовать деньги на какое-нибудь дело, жертвовали их уже не на храмы, как прежде, а на школы. Престиж образованного человека, а в особенности студента, поднялся так высоко за последние годы в глазах населения, что появление двух-трех студентов в той или другой

области заставляло вице-королей посылать тревожные телеграммы в Пекин и требовать подкреплений на случай возможных осложнений.

Очень любопытно для характеристики отношения новой китайской интеллигенции к науке и образованию, нижеследующее письмо молодой китайки Тэи, покончившей с собой, не будучи в состоянии пережить смерть своего мужа, заразившегося от нее дифтеритом. Перед самоубийством Тэй написала следующее письмо своим родным:

«Дорогие родители! Я сознаю свою вину перед вами. Я знаю хорошо, что я обязана была исполнить свой долг по отношению к вам и помочь вам дать образование моим младшим братьям. Но моя доля горька. Мой супруг ушел, и я не могу более оставаться на этой земле. Я уже сказала ему, чтобы он ждал меня, дабы два года нашей совместной жизни не стерлись бесследно. Но тяжело мне сознание, что я не могу вам помочь сделать моих младших братьев образованными людьми. Велик мой грех перед ними и вами, но супружеская верность зовет меня из этого мира. Прошу вас о последней милости. Похороните меня любовно в один и тот же день в одном и том же гробу с моим дорогим супругом. Не допускайте никаких обрядностей и церемоний во время моих похорон. 600 долларов, которые я оставляю, и все мои золотые украшения и драгоценности отдайте на школы. Я хотела бы вам многое сказать, но в моем сердце тяжкая рана, и я не нахожу слов. Всего хорошего, дорогие родители. Ваша любящая дочь Шан-лан» *).

Об отношении многих китайцев к образованию ярко свидетельствует и тот успех, которым накануне революции 1911 г. пользовались в Срединной империи многочисленные частные общества, поставившие своей целью содействие распространению просвещения в стране. Вот важнейшие из этих обществ: 1) Общество распространения чтения и просвещения в Китае; 2) Общество поощрения чтения книг и газет; 3) Общество организации лекций; 4) Общество поощрения самообразования; 5) Общество поощрения женского образования; 6) Общество поощрения открытию частных школ; 7) Общество поощрения образовательных выставок и т. д. Все эти общества имели тысячи членов, издавали собственные газеты, выпускали огромное число брошюр, дешевых книг **), организовали по всей империи образовательные курсы, библиотеки, читальни, которые с усердием посещались старыми и мо-

*) Письмо это было напечатано в „Китайском студенческом журнале“ (май и июнь 1908 г.), издаваемом в Шанхае „Всемирной ассоциацией китайских студентов“.

**) Конечно, эти брошюры и книги не были уже посвящены исключительно религиозным вопросам конфуцианства, буддизма и даосизма, как в старину, а прежде всего вопросам начального и среднего образования, популяризации учений Дарвина, Ньютона, изучению европейских конституций, переводам Вальтер-Скотта, Л. Толстого, описаниям европейских революций, жизни различных европейских народов, объективному изложению различных европейских философских и религиозных систем, социалистическим теориям и т. д.

лодыми. Как только закончится нынешний боевой период китайской истории, и жизнь войдет в мирную колею, все эти общества с их многочисленными и прекрасно организованными кадрами опытных педагогов, лекторов, агитаторов, газетных работников начнут играть колоссальную роль в деле быстрого приобщения многомиллионного Китая к европейской культурной жизни.

Очень важным симптомом того глубокого духовного процесса, который переживает Китай накануне революции, явилась «гибель богов» в Средней империи, факт, который отметили многие внимательные наблюдатели. П. Шкуркин, в статье «Упразднение религии в Китае» («Вестник Азии», 1910 г., № 3), с чувством грусти и негодования рассказывал о том, как в Гирине из большей части кумирен были вынесены и брошены в грязь около общественных отхожих мест старинные, прекрасной работы, статуи богов и гениев. Может быть, в некоторых местностях это разрушение старых верований проявлялось в очень грубых формах, вообще же с богами обращались более вежливо. Нужно заметить, что китайские храмы и кумирни переполнены статуями идолов. Когда местная власть решала превратить какой-нибудь храм в здание для школы, прежде всего возникал вопрос, что делать с сотнями идолов. Никто и даром не хотел тащить грубую и тяжелую статую себе на дом. Приходилось платить за каждого унесенного из храма бога маленькую сумму, несколько копеек. Тогда население бросалось на статуи, выносило их за город и там разбивало вдребезги; понятно, что любителю, желавшему купить какую-нибудь очень понравившуюся ему статую, продавали ее охотно. Религиозный индифферентизм является характерной чертой духовной жизни современного Китая. Однако, по некоторым симптомам можно думать, что в этом отношении китайские народные массы переживают переходную пору. Многие вожди нынешнего революционного движения, как, например, Сун-Ят-сен и некоторые генералы—тайные или явные христиане. Не подлежит сомнению, что пропаганда христианства не встретит тех препятствий в Китае, какие она встречает в Японии.

Китай за последние 15 лет, накануне революции 1911 г., сильно двинулся вперед в экономическом отношении. Так, например, торговые сношения Китая с границей возрастали непрерывно. Следующая таблица указывает на рост внешней торговли Китая с 1896 по 1909 г. в миллионах марок.

Годы:	Вывоз:	Ввоз:	Итого.
1896.	498,1	502,2	1000,3
1901.	567,6	718,4	1286,0
1906.	794,5	1378,5	2173,0
1909.	901,7	1112,3	2014,0

Итак, внешняя торговля Китая за 14 лет с 1896 по 1909 г. удвоилась, поднявшись с 1 миллиарда марок в 1896 г. до 2 миллиардов марок в 1909 г. Львиная доля в торговле с Китаем принадлежала Англии, участие которой в общем тор-

товом балансе выразилось в 55%. Участие Германии в общей торговле было не так значительно, как можно было бы предполагать, судя по газетным сообщениям о росте ее. Импорт Германии составлял всего 3%, причем главными предметами его являются анилиновые краски, машины, железные изделия, военные предметы и вообще товары, известные в таможенной терминологии под именем Sundries. В отношении некоторых из этих товаров, например, машин, Германия стояла почти вне конкуренции.

Мы уже обрисовали в другом месте социальную природу китайской революции и охарактеризовали роль различных классов населения, городской буржуазии, крестьянства и т. д., в великой войне против «татарского ига» и старого порядка, являвшегося режимом исключительного господства крупных помещиков, преимущественно маньчжурского происхождения, и неограниченной бюрократии, ведшей страну к неизбежному развалу и окончательной гибели в угоду своекорыстным интересам объединенного маньчжурского поземельного дворянства. Мы указывали, с каким энтузиазмом городской пролетариат отнесся к революции. В настоящее время во многих местах Китая (как, например, в Шанхае) открыто организовалась социалистическая партия, которая ведет энергичную агитацию в провинциях. Главный пункт социалистической программы — требование экспроприации помещичьей земли *). Имущие классы, конечно, относятся с неприязнью к социалистам. В Амоэ провинциальное собрание, почти целиком состоящее из крупных помещиков, постановило признать социалистов вредной для государства сектой и запретить им въезд в провинцию.

Многие европейские публицисты стараются представить дело так, как будто вся китайская революция представляет собой ряд военных бунтов, протунцианентов, не имеющих ничего общего с истинным народным движением. «Вся сила и слабость китайской революции, — говорит Эдмонд Ротта, — в ее военном характере. Республиканское восстание не представляет собой результата народного порыва, не связано с могучим общеобразовательным движением последних годов». Старые погудки на новый лад. Когда заходит речь о торжестве республиканского движения в Португалии, нам говорят, все движение было организовано тайным обществом карбонариев, не имевших ничего общего с широкими слоями народных масс; о турецкой революции мы слышали, что в ней принимали участие и ею интересовались только офицеры и солдаты; о Персии мы читали в многочисленных газетных заметках, что Тегеран был взят отрядами кавказских армян и грузин, и что пер-

*) Остальные пункты социалистической программы, изложенной в недавней прокламации, выпущенной в Шанхае: 1) борьба за упрочение республики, 2) уничтожение всяких расовых привилегий и отличий, 3) защита свободы личности, 4) уничтожение всяких податей и налогов, кроме поземельного, 5) уменьшение военных расходов, 6) отмена всяких титулов и наследственных прав, 7) защита интересов производителей, рабочее законодательство.

сидский народ стоял-де в стороне от всех событий последнего времени в его собственной стране. Именно потому, что китайское революционное движение носит общенациональный характер, что стране грозила неминуемая гибель в случае дальнейшего сохранения старого режима, армия не могла остаться безучастным зрителем надвигающейся катастрофы. Нужно отметить, что революционное движение прежде всего проявилось в организованных по-европейски войсках полевой армии. Как известно, китайская армия состоит из «лу-цзюнь», полевой (постоянной) армии, и из «сюнь-фан-дуй», провинциальных войск. Эти провинциальные войска должны скоро исчезнуть, согласно выработанному плану военной реформы, и быть заменены войсками постоянными. На бумаге постоянная (полевая) китайская армия состоит из 240.815 человек, не считая 160.000 провинциальных войск. Таким образом, накануне революции военная сила Средней империи определялась в 400.000 человек. В действительности же в Китае имеется в настоящее время не более 180.000 солдат, обученных по-европейски, с 162 батареями горной и полевой артиллерии из 6 орудий каждая батарея. Вот эта-то обученная по-европейски армия обнаруживала в течение последних лет неоднократно свой дух недовольства*), и каждый раз для подавления бунта в том или другом полку реорганизованной армии приходилось выдвигать провинциальные войска. Так, последние были пущены в ход в ноябре 1908 г., во время бунта бригады в Аньи. Эта бригада была затем целиком раскассирована. 2-й раз провинциальные войска были пущены в ход против регулярных войск в 1910 г. во время бунта бригады в Гуан-дуне. В результате мятежа бригада была частью распушена. Чтобы дать представление о революционном настроении реорганизованных полков китайской полевой армии, достаточно указать, что только за первые три месяца 1910 г. в Китае произошли шесть солдатских бунтов: в Гуан-дуне, в Сучжоу, в Тзэнг-Цзиан-пу (Цзянси), в Цзян-су и в Юнь-нань. Преданность провинциальных войск трону объяснялась тем, что они были набраны исключительно из старых солдат прежней китайской армии, людей 35—45-летнего возраста, со страхом глядящих на перспективу, которая ожидает их в случае упразднения провинциальных войск. Большей частью, эти люди очень темные, страстные курильщики опиума, испорченные до мозга костей казарменной обстановкой и не способные ни к какому труду. Кроме того, в то время, как полевые войска набираются из уроженцев данной местности, которые отбывают таким образом воинскую повинность на месте родины и чувствуют свою связь с окружающим населением, провинциальные войска редко набираются из солдат данной провинции. Однако, надо отметить, что в последнее время недовольство

*) Любопытно, что первая бригада, раньше других примкнувшая к октябрьской революции, считалась одной из самых образцовых бригад китайской армии. Ее начальник генерал Ли, ставший во главе революционных войск, получил образование в Японии и имел репутацию одного из самых лучших военачальников китайской армии.

стало понемногу проникать и в эти провинциальные войска, являвшиеся последней опорой старого порядка. Тем не менее, пока эти войска не раскассированы и не разрушены окончательно, они являются упорой республике.

Для объяснения того поразительного успеха, с каким революционное движение охватило за последние годы не только гражданское население страны, но и армию, многие европейские публицисты ссылались на роль тайных обществ в Китае, которые испокон веков пользовались громадным влиянием, имели всегда сотни и сотни тысяч, чуть ли не миллионы членов. В этих рассказах есть много преувеличения, китайские тайные общества играли едва ли многим большую роль в жизни своей страны, чем подобные же общества, *Tugendbund* — в Германии, «Карбонарии» — в Италии, «Народная Воля» — в России и т. д. В обычную эпоху эти общества играли ничтожную роль, в эпоху же подъема и обострения борьбы с деспотическим режимом их роль соответственно возрастала.

**

Начинается новая эпоха в истории Китая. Много прозрых призраков подымается уже теперь перед измученной, но возрождающейся страной, собирающейся сбросить, наконец, с своих плеч иго деспотизма. Но старый Китай владеет талисманом, который, может быть, поможет стране побороть все вражеские напасти. Освободительное движение, пробуждение самосознания народных масс не прозит Китаю теми внутренними осложнениями, той острой борьбой, которая в течение многих десятилетий обессиливала Австрию и ставит ныне возрожденную Турцию у края гибели. Китаю не прозит у себя призрак национальной войны, которая бросает одну часть населения против другой и, затемняя сущность классовых противоречий, делает вместе с тем обессиленную страну жертвой подстерегающих добычу хищников. Все 400-миллионное население Китая, за небольшим исключением, национально однородно, и не в национальном вопросе ахиллесова пята пробуждающейся к новой жизни страны. В этом большое преимущество 400-миллионного Китая над 150-миллионной Россией, где живет столько разнообразных национальностей с их сложившимися веками бессмысленными национальными и расовыми предрассудками и взаимной антипатией, которую уничтожит только социалистический строй. Китайская революция опровергает один взгляд, который высказывался на страницах русской и европейской печати, будто огромные размеры страны, большая численность населения мешает торжеству революции, солидарным действиям населения против гнетущего всю нацию режима. Китай, эта громадная страна, состоящая из 23 провинций, с самым разнообразным климатом и различными географическими условиями, занимающая пространство больше, чем вся Европа, с населением, составляющим $\frac{1}{4}$ населения всего земного шара, служит живым и ярким опровержением этого взгляда.

Быстрое превращение Китая в современное европеизированное государство, которое явится неизбежным результатом торжества революционного движения, будет иметь громадное влияние на судьбы европейского капитализма. Развитию этого капитализма будет дан могучий толчок, благодаря открытию грандиозного рынка, пробуждению к новой жизни этой империи, где живет $\frac{1}{4}$ населения земного шара. Достаточно указать, что поверхность Китая занимает 10 милл. кв. километров, что это необозримое пространство прорезано всего 11,500 километрами железнодорожного пути, и что для того, чтобы осуществить план железных дорог, который ставят перед собой китайские реформаторы, понадобится построить в первое же десятилетие до 200.000 километров железнодорожного пути. Понятно, что собственными силами Китай не осуществит этого плана даже и в 50 лет, а между тем условия международной жизни не позволяют медлить и стоять на одном месте. Сколько тысяч тонн рельс, сколько вагонов, паровозов вынуждены будут китайцы выписать из-за границы. Какие выгодные концессии получают европейцы на проведение телефона, телеграфных линий, сооружение электрических трамваев, шоссе-ных путей и т. д. в этой безграничной империи. Если даже небольшая Турция успела дать со времени свержения Абдул-Гамида гигантские заказы европейской индустрии, то что даст последней громадная Срединная империя, пробуждающаяся к новой жизни. Сколько пушек потребуется Китаю для его формирующейся армии, сколько минометов, крейсеров и броненосцев для его флота. Одним словом, для европейской индустрии сразу откроется такой обширный рынок, какого она не имела до сих пор. Зато, когда в недалеком будущем весь Китай от своих приморских провинций до границ Тибета и Монголии превратится с помощью же европейских миллионов и американских миллиардов в капиталистическую страну; когда в каком-нибудь Кантоне, Чжан-цзо и т. д. возникает, как вы это видим уже теперь в Ханьяне, Шанхае, Фукиоу, великие центры металлургической, текстильной, оружейной и т. д. индустрии; когда желтая империя, уже теперь отправляющая из знаменитых сталелитейных заводов в Ханьяне свою сталь в Японию и Америку, выступит во всеоружии на международном рынке и начнет заполнять Лондон, Берлин, Петроград, Нью-Йорк фабрикатами китайской индустрии, — тогда устои капитализма будут поколеблены.

Париж. Март 1912 г.

Мировой империализм и гражданская борьба в Китае (1922 г.).

Вашингтонская конференция кончилась убожим подобием мира, пресловутым «четверным соглашением» между Англией, Францией, Америкой и Японией по вопросу о Дальне-Восточном Тихоокеанском бассейне. Это четверное соглашение приветствовалось некоторыми органами американской прессы, как кульминационный пункт успеха Вашингтонской конференции, как залог мирного разрешения всех острых конфликтов между великими державами из-за раздела Китая и других территорий, омываемых на Дальнем Востоке Тихим океаном. Если бы на самом деле такое искреннее соглашение между великими державами было бы мыслимо при капиталистическом строе, какая печальная судьба грозила бы Китаю, который, подобно Османской империи, Персии и другим слабым государствам, сохранил до сих пор хоть тень своей независимости только благодаря соперничеству между империалистическими державами. Каким погребальным звоном должен раздаваться в ушах больного человека радостный перезвон колоколов по поводу окончательного примирения между его наследниками, всяческими средствами оттягивающими час его смерти, лишь бы главная часть наследства не досталась самому близкому родственнику.

И ввиду этого китайская пресса с такой тревогой комментировала это соглашение, тем более, что последнее как будто санкционировало права самого любвеобильного и самого близкого родственника больного человека, именно Японии.

Однако, мы уже на другой день после подписания этого соглашения высказывали сомнение в его долговечности и подчеркивали невозможность примирения интересов капиталистических держав на Дальнем Востоке *).

И, действительно, не прошло и месяца со времени подписания договоров о Тихом океане (февраль 1922 г.), как английская пресса забила тревогу по поводу новых агрессивных замыслов Японии в связи с новым планом обороны империи, принятым на конференции видных японских генералов и адмиралов в изменение

*) См. нашу статью «Тихоокеанская проблема». «Новый Восток», № 1, стр. 16—34.

традиционной системы обороны страны. Отказавшись на основании Вашингтонского соглашения от укрепления Бонских островов и дальнейшей фортификации Курильских островов, вынужденная перенести оборонительную линию ближе к основным островам империи, милитаристическая Япония решила одновременно с сужением оборонительной линии на восточном секторе завладеть определенными территориями в Сибири и Китае, во-первых, как военными базами, во-вторых, как источниками снабжения страны всем необходимым в случае войны.

Вынужденная на основании статьи 3-й раздела 1-го договора о Шань-дуне, подписанного в Вашингтоне 4 февраля, вернуть Китаю территорию Цзяо-Чжоу «в возможно кратчайший срок и во всяком случае не позже шести месяцев с момента вступления в силу настоящего договора», Япония, конечно, была заинтересована в том, чтобы вызвать беспорядки в северном Китае.

Происходящая ныне в Китае война между двумя генералами У-Пей-фу и Чжан-Цзо-лином, вождями двух милитаристических клик, является новой формой борьбы между англо-американским империализмом с одной стороны и японским — с другой. Победоносный пока генерал У-Пей-фу, взявший Пекин, откуда отступил далее на север Чжан-Цзо-лин, пользуется поддержкой Англии и Америки. По сообщениям японской прессы, в штабе У-Пей-фу работают американские офицеры, одна английская фирма предоставила ему кредит в 4 миллиона долларов на военные расходы; С. Штаты снабжают У-Пей-фу снарядами, патронами, пулеметами и т. д. По сообщению японской газеты «Кокумин», японское правительство через своего посла в Вашингтоне обратилось к американскому правительству с протестом против снабжения У-Пей-фу оружием из Америки. Наоборот, англо-американские и многие китайские газеты доказывают, что Чжан-Цзо-лин является агентом японского империализма, что он уже более двух лет состоит на службе у Японии, от которой он получает финансовые средства, оружие и военную поддержку. Так, на другой день после Вашингтонской конференции, начинается борьба между Англией и Америкой, с одной стороны, и Японией — с другой. Пока это только аванпостные сражения передовых отрядов капиталистических держав на китайской территории, сражения, которые, подобно бесконечным стычкам македонских комитаджей и турецких солдат на Балканах в период, предшествовавший мировой войне, являются прологом к более грозным событиям, в которые могут быть втянуты все великие и многие малые капиталистические державы.

В настоящий момент в Китае на арене вооруженной борьбы выступают три главные группировки:

На юге мы имеем кантонское правительство, во главе с доктором Сун-Ят-сенем, героем революции 1911 г., окончившейся свержением манчжурской династии и провозглашением китайской республики, и председателем партии Го-минь-

дан (националисты). Это правительство объединяет пять автономных провинций юго-западного Китая с населением в 110 миллионов человек.

На севере Китая мы имеем так-называемую мукденскую группировку, объединяющую три манчжурские провинции и три провинции Внутренней Монголии. Во главе этого северо-восточного района Китая, где особенно сильно влияние Японии, стоит «некоронованный король Манчжурии», японский сатрап Чжан-Цзо-лин, который в июле 1920 г., когда японофильская партия «аньфуистов» окончательно дискредитировала себя и потеряла почву под ногами, занял по наущению из Токио Пекин и образовал здесь новый японофильский кабинет. Для характеристики Чжан-Цзо-лина следует отметить, что в 1911 г., в период революции и свержения манчжурской династии, он угрожал восстановлением последней, если Пекин не признает его заслуг и не назначит его генералом. Тогда-то он был произведен в генералы, и ему было поручено сформировать 27 дивизию. В настоящее время под его командой находится большая армия. Клятва, принимаемая его солдатами при вступлении в ряды его войск, как рассказывает А. Е. Ходоров («Мировой империализм и Китай»), гласит: «Клянусь защищать своего дудзюна, поддерживать мир и порядок, исполнять свои обязанности, не исполнять приказаний других дудзюнов и убивать изменников моего дудзюна. Если я нарушу данную мной клятву, пусть пуля пронзит мое сердце. Если я буду неверен моему дудзюну, пусть дети мои станут ворами». Чжан-Цзо-лин продал свою шпагу Японии, и пока он беспрекословно выполняет все приказы токийского правительства, содействуя порабощению Китая империалистической Японией.

«Чжилйская» группировка, во главе которой стоит генерал У-Пей-фу, приобрела исключительное влияние за последнее время в Китае. Влияние этой партии распространяется на шесть провинций внутреннего Китая с населением в 132 миллиона душ, провинций, имеющих огромное хозяйственное значение по естественным богатствам и благодаря расположению в долине реки Ян-цзы. У-Пей-фу, ярый японофоб, разбивший в 1920 г. японофильскую группу аньфуистов, держит в своих руках две важнейшие железные дороги Китая: Пекин—Шанхай и Пекин—Ханькоу. Он господствует над той частью Китая, которая особенно богата углем и железом и, благодаря удобному географическому положению, богатейшей системе рек и озер, наличности многих фабрик и заводов, имеет все шансы превратиться в ближайшем будущем в наиболее развитую промышленную область Китая, которая, как надеются многие китайские патриоты, сумеет конкурировать с мировым империализмом в борьбе за внутренние рынки и станет ядром возрожденного и могучего китайского государства. Значительная часть китайской буржуазии видит в реакционном генерале У-Пей-фу, милитаристе до мозга костей и вместе с тем японофобе, вождя победоносной армии, которая раскрепостит Китай от иго-земного ига и создаст независимую страну.

Против У-Пей-фу, руководящего армиями шести провинций Среднего Китая, действует президент Южного Китая, «революционер» Сун-Ят-сен, и руководитель Севера, японский сатрап и самый реакционный китайский генерал Чжан-Цзо-лин. Между Сун-Ят-сеном и мукденским «королем» подписано соглашение, по которому в случае разгрома У-Пей-фу в Китае будет признан демократический строй, в Кантоне будет создан парламент, и Сун-Ят-сен избран на пост президента всей Китайской республики. Многие органы китайской прессы подчеркивают весь контрреволюционный характер коалиции Южного Китая с японским сатрапом Чжан-Цзо-лином и совершенно основательно не верят обещаниям последнего.

Здесь следует сказать несколько слов о Сун-Ят-сене. Вдохновитель китайской революции 1911 г., президент Южного Китая, до сих пор пожинает лавры своей прошлой деятельности и пользуется репутацией носителя революционных идей в Китае. Свои революционные идеи доктор Сун-Ят-сен формулировал в знаменитой брошюре, опубликованной в 1904 г. Это был манифест китайской революционной партии, объявившей войну не на жизнь, а на смерть династии манчжуров и добившейся свержения последней.

Борьба между «мукденской» и «чжилйской» группировками закончилась в 1922 г. победой У-Пей-фу, разгромившего войска японского ставленника Чжан-Цзо-лина. Однако, генералу У-Пей-фу не удалось довести своей победы до конца и уничтожить своего северного противника.

Мы уже отметили, что война между генералами У-Пей-фу и Чжан-Цзо-лином была борьбой между англо-американским и японским империализмами из-за важнейшей колонии международного капитализма — Китая, торговля с которым составила в 1920 г. сумму в 1.303.881.530 долларов. Империалистическая Япония не могла отказаться от своей роли во внешней торговле с Китаем, от своих концессий на угольные копи, железные рудники и т. д. в Средней империи, от своих завоеванных позиций в 400 миллионной стране. С помощью англо-американских инструкторов, англо-американских пулеметов, винтовок и снарядов генерал У-Пей-фу прогнал японского ставленника из Пекина и нанес поражение войскам «независимого короля» Манчжурии; тем с большей интенсивностью японское правительство после изгнания своего сатрапа из Пекина начинает вооружать Чжан-Цзо-лина новыми винтовками, пулеметами, пушками, снабжать его финансами и т. д.

Изгнанный из Пекина Чжан-Цзо-лин с помощью Японии лихорадочно переорганизовывает свои войска в Манчжурии, превращая последнюю в плацдарм для действий против своего грозного врага, генерала У-Пей-фу, за спиной которого стоит могущественный англо-американский капитал.

Пользуясь этой войной между двумя непримиримыми «дудзюнами» (военными губернаторами), этой борьбой между англо-американской и японской капита-

листическими кланками, — орудиями в руках которых являются эти и другие дудзионы и сверх-дудзионы, д-р Сун-Ят-сен, глава южно-китайского правительства и вождь партии Го-минь-дан, обладая сравнительно слабой по численности армией, восстанавливает уже в конце 1922 г. свои поколебленные было в середине 1922 г. позиции в Южном Китае. Вооруженные силы Сун-Ят-сена, по английским и американским данным, не превышают 60.000 человек, между тем как у «китайского Наполеона» У-Пей-фу числится по меньшей мере 200.000 человек (некоторые корреспонденты определяют численность армии У-Пей-фу в 250.000), однако, необходимость быть готовым к новым боям с разбитым, но далеко не уничтоженным Чжан-Цзо-лином связывает руки У-Пей-фу и не дает возможности последнему бросить значительные силы против Сун-Ят-сена. Таким образом, последний, изгнанный после победы У-Пей-фу над Чжан-Цзо-лином из Кантона, снова возвращается в столицу Южного Китая и укрепляет здесь свои позиции. Все же главный залог победы Сун-Ят-сена и его партии заключается не в удачном использовании борьбы между двумя враждующими дудзионами, не в союзе со ставленником японского империализма против агента англо-американского капитализма. Единственным революционным и реальным по своим результатам способом борьбы против северных дудзионов и против мирового империализма была бы борьба против всех внешних и внутренних опасностей с помощью воодушевленных и организованных народных масс на почве защиты их насущных экономических интересов и идеалов социальной революции. Внутренняя логика событий, рост революционного рабочего движения в самом Китае, национально-освободительное движение в широких кругах мелкой буржуазии и интеллигенции, стремящихся к полному освобождению своей страны от ига Европы, Америки и Японии, — наряду с нежеланием мирового империализма отказаться от своих позиций в Китае и, более того, с усилением империалистического нажима на Китай, — все это будет вести к революционизированию самых широких масс китайского населения и к борьбе последних на всем фронте 400-миллионной страны против всех дудзионов во имя полного освобождения Китая от иностранного ига и агентов последнего.

Революция 1911 г. привела к падению манчжурской династии в Средней империи и к провозглашению китайской республики. Но эта революция оставила неприкосновенной власть мандаринов и дудзионов. Борьба за независимость Китая от иностранного ига будет развиваться успешно лишь при условии одновременной войны с институтом дудзионата.

Москва. Март 1923 г.

А. Е. ХОДОРОВ.

КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИ-
СИМОСТЬ.

СОУНБ им. Л. П. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Китай и иностранный капитал.

1. БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Конец 90-х годов ознаменовывается событием, историческое значение которого исключительно велико даже в наше время в политической и экономической жизни Китая. Речь идет о боксерском восстании, заполнившем собою политическую историю Китая до 1901 года включительно.

Боксерское восстание может и должно рассматриваться, как высшее выражение той борьбы, какая в течение нескольких десятилетий велась народными массами Китая против мирового капитала. Искать специальных причин для объяснения событий 1900 и 1901 годов, как это делают буржуазные историки, изобретающие для этой цели франк-масонские тенденции у боксеров, создающие особую теорию транса или боксерского гипнотизма, не представляется необходимым. Причины боксерского восстания обусловлены, главным образом, тем моментом, когда иностранный капитал в виду сложившихся производственных и рыночных отношений в странах Европы и Америки решил установить свое господство над Китаем, над его рынками и над его богатствами. События, непосредственно предшествовавшие восстанию крестьянских масс в Китае в 1899—1901 годах, лишь заострили те процессы колонизации Китая, какие шли в Поднебесном государстве в течение ряда десятилетий.

Японо-китайская война, оторвавшая от Китая ряд его территорий, вмешательство России, Франции и Германии при подписании Симоносекского мира, наложившие на Китай чрезвычайно тягостную денежную контрибуцию в пользу Японии, договор Кассина, предоставлявший России ряд концессий в области железнодорожного строительства, разработки угольных копей, а также ряд привилегий в Манчжурии с перспективой выхода России к незамерзающему порту в Чилийском заливе (Печилийский залив) были сильными толчками, вынудившими китайские массы искать выхода в открытой борьбе против иностранцев.

Захваты Китая не ограничились японо-китайским миром и привилегиями в пользу России. Германия захватывает Цзяо-чжоу, Россия — Порт-Артур и Дайрен, Англия отрывает от Китая порт Вэй-хай-вэй и территорию, лежащую на материке против острова Гонконг. Франция прочно утверждается в Аннаме, Камбодии и вообще «окружает» свои владения — территорией Китая в 315.250 квадратных миль с китайским населением в 18 миллионов. В дополнение к этим захватам Франция присоединяет к своим владениям Гуань-Чжоу-вань и добивается права на сооружение железной дороги, соединяющей Тонкин с провинцией Юньнань.

Сумма этих обстоятельств вместе с активной политикой иностранного капитала в области железнодорожного строительства в Китае вел к разделу Китая. Итоги захватнической политики мирового капитала, выявившиеся к концу XIX столетия, были таковы, что из 18-ти провинций, составлявших территорию Собственно Китая, 13 провинций формально и фактически находились под контролем иностранцев, будучи переведены на положение колоний капиталистических государств. Этот беспардонный, бесцеремонный раздел Китая вызвал в свое время протест даже капиталистической Америки, находившей способы эксплуатации китайских масс европейским капиталом чрезвычайно жестокими *).

Этот-то раздел Китая может, с одной стороны, рассматриваться, как территориальное достижение мирового капитала в отношении Китая и, с другой стороны, как ближайший повод к стихийной борьбе народных масс Китая против иностранного влияния и насилия в Китае. Борьба была прежде всего стихийной. Уже местное население тех районов, в которые проникал мировой капитал, пыталось оказывать сопротивление нашествию иностранцев. Разрозненные попытки были обречены на неудачу. Сопротивление, оказывавшееся иностранному завоевателю местным населением, может служить признаком, характеризующим настроение китайских масс.

Внедрение иностранного капитала в Китай и те победы, которые развита европейская военная техника одерживала над Китаем, увлекала европейский капитал на новые авантюры вне учета того впечатления и тех последствий, какие эта тактика вызвала в многомиллионных массах самого Китая. С этой точки зрения боксерское восстание было неожиданным событием для мировых капиталистов, развернувшим перед «культурным миром» всю мощь и силу сопротивляемости крестьянских масс Китая.

Помимо факторов иностранного преследования и влияния, существенным моментом, определившим собой направление борьбы боксеров и в известной степени вызвавшим самое боксерское движение, является внутреннее положение дел в Китае в связи с органическим «кризисом», переживавшимся династией. Широ-

*) Mahan. The Interest of America in International Conditions. Boston.

кие народные массы Китая понимали полную неспособность манчжурской династии к дальнейшему управлению страной. Манчжурская династия перестала пользоваться даже тем крохотным авторитетом, какой необходим даже для реакционной феодальной власти, пережившей все исторические сроки своего существования. Наростание недовольства против династии и против самой формы политической власти в Китае — против монархии — усиленное националистическим движением, представляется весьма существенным элементом исторической эпохи конца XIX века.

Чтобы справиться с общественным и народным движением, манчжурская династия могла прибегнуть к одному из двух путей. Либо стать на путь реформ, либо форсировать движение народных масс, искусно направляя его всем его острием против иностранцев, отводя народное недовольство от себя. Первый путь был избран императором Гуан-сюнем, стремившимся путем маленьких реформ создать впечатление борьбы за независимый и самостоятельный Китай. Гуан-сюнь и идеология конституционного реформизма оказались баннерами перед ополчившейся реакцией. Либералы были разбиты. Гуан-сюнь и его схемы потерпели жестокое поражение.

Для манчжурской династии открывался второй путь стимулирования народного движения с тем, чтобы оно целиком и всею своей тяжестью обрушилось на иностранцев. Лозунги борьбы, которые намечала сама история, как лозунги национально-раскрепощающегося Китая, были заменены призывами к борьбе против иностранной церкви, против христианства и миссионеров, против белого завоевателя. Экономика Китая искала путей к свободному развитию своих производительных сил. Капиталистическое производство расчищало пути для своего утверждения в Китае. Этому развитию должна была предшествовать ликвидация остатков феодальной власти в лице монархии. Монархия же, учитывая конъюнктуру, пыталась отвести от себя приговор истории, поощряя боксерское движение, как направленное против иностранцев.

Некоторые из исследователей политической жизни Китая склонны связать движение боксеров и их организации с теми тайными обществами, которые в Китае существовали в течение длинного ряда десятилетий. Боксеры, по мнению одних историков, считаются преемниками общества «Белого Лотоса», руководившего народным движением в 1796—1821 годах. В Китае возникали и другие общества — «Большого Ножа», «Охраны Государства», «Уничтожения Дьяволов», с которыми связывали развитие боксерского восстания.

Боксеры образовали общество «Большого Кулака» — да-цюань, названное впоследствии — «Кулаком Правды и Согласия» — «и-хе-цюань» или иначе «Дружиной Правды и Согласия» — и-хе-туань *). И-хэ-цюань и возглавило собою те

*) Дмитрий Янчевецкий: „У стен недвижимого Китая“.

народные массы, которые вступили на путь активной борьбы против иностранного капитала в конце XIX века.

Начальные эпизоды этой борьбы восходят еще к 1898 году, когда иностранные посольства в Пекине как бы в предвидении восстания народных масс в Китае потребовали от китайского правительства права на размещение в столице Китая — в Пекине — вооруженных иностранных отрядов. При всем сопротивлении, которое было оказано китайским министерством иностранных дел — Цзун-ли-ямынем, небольшой отряд всех родов оружия и национальных флагов капиталистических государств был введен в Пекин.

Следующим моментом, отмечающим собою энергичное развитие боксерского восстания, является действие боксеров в провинции Шань-дун, в той самой провинции, в которой расположились германские войска после занятия ими Цзяо-чжоу и фактической оккупации всей провинции. Китайцы-крестьяне сотнями и тысячами вливались в организации боксеров в пределах этой провинции. Лишь благодаря хитроумной тактике губернатора провинции Шань-дун, будущего диктатора Китая Юань-Ши-кая, боксерские отряды были удалены из провинции Шань-дун и стали концентрироваться в провинции Чжи-ли.

Первые моменты борьбы были направлены против христиан, состоявших из двух групп: христиан-иностранцев и христиан-китайцев. Объяснение этому явлению надо искать в том обстоятельстве, что борьба против иностранцев могла идти по линии наименьшего сопротивления. Иностранец, пришедший в Китай, разорял страну, усиливая нищету ее народных масс. Иностранец принес с собою пулемет, пушку и установил власть иностранного жандарма на территории Китая. Этот же иностранец — в лице миссионеров — являлся проповедником христианства, призывая всех к миру на земле, к социальному миру и равенству. Внутреннее противоречие между ролью иностранца-банкира и экспортера и ролью иностранца-миссионера вызывало борьбу против миссионеров в первую очередь и против тех китайцев, кои, по мнению народных масс, приспособившись к религии угнетателей, становились предателями общего дела. Борьба против церквей и христиан была лишь первым этапом боксерского восстания. Движение чрезвычайно быстро вылилось в движение против иностранцев вообще.

По мере приближения отряда боксеров к Тянь-цзиню и захвата боксерами части железной дороги между Тянь-цзинем и Пекином, отношение пекинского правительства к самому восстанию становилось все более и более определенным и четким. Первые поражения, которые были нанесены отрядам боксеров китайскими регулярными войсками под командой генерала Ниэ, вызвали гнев манчжурской династии и наказание командного состава, осмелившегося бороться против боксеров. Диктатором в Пекине на весь этот период становится принц Дуань, ярый реакционер, фактически возглавлявший собою манчжурскую династию.

6-го июня 1900 года правительство опубликовало указ, который по су-

ществу выявлял точку зрения правительства на боксерское движение, фактически его поощряя.

Самым значительным эпизодом всей эпопеи является взятие фортов Да-гоу (Таку), лежащих на реке Шейхэ (Бай-хе) у входа в Тянь-цзин. Борьба за овладение фортами Да-гоу (Таку) была начата 17-го июня. В этой борьбе принимали участие Россия, Франция, Англия, Германия, Япония, Италия и Австрия. Америка воздержалась от участия в союзном обстреле этой крепости.

16-го июня на крейсере «Россия» состоялся военный совет с участием командиров судов международной эскадры. Коменданту крепости Таку был предъявлен ультиматум сдать крепость под угрозой объявления военных действий, в случае неисполнения требований ультиматума. Китайские форты этой крепости располагали артиллерией в 240 орудий разных систем и калибров. Ультиматум не был принят. По источникам иностранных исследователей этого эпизода боксерской эпохи комендант крепости первым открыл огонь по канонеркам и военным лодкам иностранного флота, стоявшего в боевом порядке против Да-гоу (Таку). Иностранный флот понес значительные потери. Самые форты были, однако, заняты иностранными войсками *). Эпизод с водружением союзных флагов над китайской крепостью всей буржуазной прессой Европы был преподнесен как образец необычайной храбрости союзного оружия.

Взятие фортов Да-гоу (Таку) предопределило собой дальнейшее направление борьбы. Европейские государства мобилизовали значительные силы для подавления боксерского восстания. Стратегической задачей этой борьбы была локализация движения в Северном Китае. Атака на форты Да-гоу (Таку) была достаточным оправданием и серьезным основанием для присоединения китайских регулярных войск к боксерам и для начала новой войны капиталистических государств против Китая. Европа, Америка и Япония вела эту войну без формального ее объявления. То была самая свирепая война, какую только знали последние десятилетия минувшего века. Китай был поставлен в необходимость стать на положение обороны. Декрет китайского правительства 29-го июня рассказывал о том, что союзный флот предъявил ультиматум к командиру фортов Да-гоу (Таку), требуя ответа по вопросу о сдаче фортов в течение 24 часов со дня предъявления ультиматума. Китайское правительство свидетельствует о том, что первый выстрел был дан противной стороной.

Все предшествующие события были форсированы иностранными государствами. Предъявление ультиматума было логическим завершением развертывающихся событий. Первый выстрел непосредственно следовал за ультиматумом. Цепь событий неизбежно связывалась и по происхождению, и по развитию с агрессивностью капиталистических держав.

*) Дмитрий Янчевецкий. У стен недвижного Китая.

Следующим шагом вслед за энергичным участием в военных операциях на стороне боксеров явилось предъявление ультиматума китайского правительства дипломатическому корпусу. Ультиматум содержал в себе ссылку на требование союзного флота о сдаче фортов Да-гоу (Таку) и указывал, что при таких обстоятельствах Китай больше не принимает на себя обязательств охраны посольств иностранных государств. Посольства должны покинуть Пекин в течение 24 часов, с момента вручения ультиматума. Это обстоятельство в свою очередь свидетельствовало о том, что восстание масс «удостоилось» официального штампа правительства. Ультиматум был препровожден во все 11 посольств, находившихся в Китае, и генералу инспектору китайских таможен.

Население посольского квартала почувствовало себя чрезвычайно встревоженным предъявлением этого ультиматума. Дипломатический корпус собрался на квартире у испанского полномочного представителя, который был старшиной корпуса. Германский посол фон-Кеттелер предложил дипломатическому корпусу в полном составе отправиться к китайскому правительству и потребовать от него перемирия. Дипломатический корпус, перепуганный на смерть теми толпами китайцев, которые со всех сторон окружали посольский квартал, отклонил предложение представителя Германии. Вместо этого была направлена китайскому правительству нота с указанием, что данный срок — 24 часа — слишком недостаточен для того, чтобы посольство и все жители посольского квартала могли покинуть пределы Пекина. Нота требовала от китайского правительства гарантий в том, что путешествие на протяжении 90 миль, отделяющих Пекин от Тянь-цзина, будут совершены в условиях полной безопасности.

Свидетели событий, развертывавшихся в посольском квартале, говорят о полной беспомощности, охватившей всех иностранцев, сгруппировавшихся в посольстве. 20-го июня 1900 года ожидаемого ответа от китайского правительства на ноту дипломатического корпуса не последовало. Положение становилось все более и более тревожным. Отсутствие ответа означало, что китайское правительство, оставаясь на своей первоначальной точке зрения, снимает с себя всякую ответственность за судьбу и жизнь европейского квартала. Германский посол фон-Кеттелер и на этот раз заявил, что, условившись несколько времени тому назад о визите в министерство иностранных дел (Цзун-ли-ямын), он желает, вопреки ультиматуму, этот визит нанести. Дипломаты всех государств убеждали фон-Кеттелера не выходить из осажденной части города, но Кеттелер настаивал на своем, заявляя, что он не желает дать китайскому правительству повода думать, что он из трусости нарушает данное им обещание министерству иностранных дел.

Через 15 минут по выходе фон-Кеттелера из стен посольского квартала, он был убит. Посольский квартал с этого момента понял, что дело идет о ликвидации всего населения квартала, а с ним вместе и самого квартала. Мужчины были призваны под ружье, женщины и старики исполняли работы по созданию укреплений

линий обороны. Британское посольство сделалось центром, стягивающим все население посольского квартала. С этого же дня начался обстрел района расположения иностранцев.

Лишь в 20 числах июля в Тянь-цзине стали накапливаться достаточные европейские силы, которые могли предпринять наступательное движение на Пекин. Первый отряд, шедший к Пекину, уже насчитывал 20 тысяч войск всех национальных флагов. К 13-му августа союзные армии подошли к стенам Пекина. В эту именно ночь китайские повстанцы сделали последнюю решительную попытку завладеть посольским кварталом. Попытка не увенчалась успехом. Первыми вошедшими в город были солдаты русского отряда, за ними следовали отряды других империалистических государств. Город был захвачен иностранцами, не щадившими ни одного квартала Пекина. Захвачены были также и императорские дворцы Пекина.

Маньчжурская династия бежала из Пекина в отдаленную провинцию Китая Шань-си—в древнюю столицу Китая—Си-ань-фу. В этом пункте «верховная власть» Китая ждала решения своей собственной судьбы. Первым шагом союзных войск был раздел Пекина на зоны влияния. Это, так сказать, официальный шаг. Неофициальные же шаги заключались в тех грабежах, которые сопутствовали подавлению боксерского восстания с первого и до последнего момента. В грабежах принимали участие не только самые войска иностранных государств, во главе со своими командирами, но и иностранные граждане, решившие себя вознаградить за перенесенные дни тяжелой осады*).

Весьма значительную роль в подавлении боксеров и в грабежах сыграла Россия. Лучшим свидетельством «доблестного» поведения царского воинства служат «Воспоминания» царского министра С. Ю. Витте. Он рассказывает о том, как правительства иностранных государств вошли в соглашение о совместных действиях по подавлению восстания. «Когда началось боксерское восстание, то военный министр Куропаткин находился в Донской области; он немедленно вернулся в Петербург и прямо с вокзала пришел ко мне в Министерство Финансов с весьма сияющим видом. Когда я сказал ему: «вот результат и последствия нашего захвата Квантунской области», он с радостью мне ответил: «Я с своей стороны этим результатом чрезвычайно доволен, потому что это даст нам повод захватить Манчжурию». Тогда я его спросил: «каким образом он хочет захватить Манчжурию, что же он хочет Манчжурию сделать нашей губернией? На это Куропаткин мне ответил: «нет, — из Манчжурии надо сделать нечто вроде Бухары».

В вооруженном вмешательстве в дела Китая России принадлежала значительная роль. Куропаткин и военная клика Петербурга вообще настаивали на том,

*) Putnam Weale. The Indiscreet letters from Peking.

чтобы Россия играла руководящую роль в самом Пекине и на путях к Пекину. Витте являлся сторонником другого взгляда, а именно, чтобы предоставить Пекин на разграбление другим государствам, а себе оставить одну лишь Манчжурию. Восторжествовала точка зрения генерала Куропаткина. «Таким образом мы взяли на себя экзекуцию над Китаем. Мы осадили Китай: мы вместе с японцами взяли Пекин, и взятие это ознаменовалось, главным образом, тем, что войска занялись грабежами, — дворец богдыханши был разграблен, частные имущества были расхищены, причем, как это не больно и грустно сознавать, до нас доходили слухи, что русские военнопольники в этом отношении не отставали от других военнопольников, что, впрочем, было подтверждено мне неофициально агентом Министерства Финансов в Пекине, будущим посланником в Пекине — Шокотыловым. Куропаткин отправил войска в значительном количестве. Куропаткин держался той идеи, которую он мне высказал с такой радостью, когда началось боксерское восстание, а именно: что необходимо захватить, пользуясь этим случаем, всю Манчжурию. Он проводил совсем другие идеи — идеи не мирные. Наши войска распоряжались в Китае совершенно произвольно, так, как поступает неприятель в захваченной стране, да и то в стране азиатской» *).

К этому времени относится организация карательных экспедиций союзными войсками против Китая. Важно отметить, что к моменту, когда карательные экспедиции со всей жестокостью набрасывались на китайских крестьян, восстания боксеров уже не было. Восстание деградировало, утратив свой революционный характер и обслуживало интересы династии больше, чем интересы самих масс.

Карательные отряды были организованы Куропаткиным, который во главе отрядов ставил своих ближайших приятелей. Во главе карательного отряда, покорившего Мукден, стоял генерал Субботин, а во главе отряда, разгромившего Пекин, находился Линевиц, увезший с собой, по словам Витте «Георгия» на шее и 10 сундуков различных ценностей из ограбленных императорских дворцов. Витте заканчивает главу воспоминаний о роли России в подавлении боксеров следующими словами: «Китай убедился в том, что нам верить нельзя».

Во главе экспедиционных войск союзных армий стоял германский офицер фон-Вальдерзе. Расправа с боксерским восстанием должна была поставить вопрос о последствиях восстания и о компенсациях для империалистических государств. В первый момент по ликвидации восстания в порядке договора между Китаем и иностранными государствами явилось назначение Ли-Хун-чжана, старейшего дипломата, подавителя Тайпинского восстания и уполномоченного китайского правительства при подписании Симонсекского мира. Иностранные государства, вспоминая о тех временах, когда они вместе и рядом с Ли-Хун-чжаном расправлялись над восставшими народными массами Китая, выразили свое одобрение назначению

*) С. Ю. Витте „Воспоминания“, т. I, стр. 161—163.

Ли-Хун-чжана для ведения с ним переговоров. Ли-Хун-чжан в это время находился в Кантоне, не будучи даже хорошо осведомлен обо всех событиях, имевших место на севере.

В дополнение к этому условию союзные правительства выдвигали и ряд других условий предварительного характера. Самым существенным из этих условий явилось требование полной ликвидации военных сил Китая, как прелиминарной предпосылки для ведения будущих переговоров.

Союзники также сочли необходимым, затягивая момент начала самих переговоров, утверждать свое военное влияние путем размещения своих отрядов в разных местах Северного Китая. Еще до подписания договора, город Ба-о-дин-фу, подвергшийся во время карательных экспедиций наиболее жестокому разгрому, был обложен контрибуцией в размере 100.000 китайских лан. Эта сумма должна была быть выплачена в течение одного месяца. Сверх этого карательный отряд, после совершения бесчисленных казней в Ба-о-дин-фу, разместил на прочную зимовку германские и французские войска.

Расправа шла и в других местностях Китая, вплоть до Шанхая. Союзные государства принимали особые энергичные меры для защиты своих интересов в самом Шанхае и для охраны вооруженными силами всей долины реки Ян-цзы. Особо тщательному «вниманию» подверглась провинция Шань-дун, в которой боксерское восстание зарождалось. Расправа над мирным населением Китая была тем условием, которое должно было предшествовать ведению переговоров о заключении так называемого протокола 1901 года, поставившего Китай с его многочисленным крестьянством на колени перед мировым империализмом.

2. КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ И ИМПЕРИАЛИСТЫ.

(1912 — 1915 г.г.).

Так называемый «старый парламент» начинает эмбриональный период своего развития с 1 января 1912 года, когда Китай был объявлен республикой, и доктор Сун-Ят-сен был избран первым президентом ее в Нанкине, в столице революционного Китая. Решающая роль в этот исторический час принадлежала «Национальному собранию», состоявшему из представителей тех провинций Китая, которые примкнули к революции. «Национальное собрание» в Нанкине не только провозгласило республику и избрало доктора Сун-Ят-сена первым президентом, но и санкционировало временную конституцию, составлявшую до недавнего времени «основные» (бумажные) законы страны.

С первого дня революции в Китае ее завоевания были поставлены под угрозу. Революция не разбила контр-революции. Монархия не победила революции. Соотношение сил оказалось, однако, не в пользу революции. В историческом compro-

миссе исторически непримиримых сил первенствующая роль отходит к махровому контр-революционеру, будущему диктатору и «императору» Юань-Ши-као.

«Я очень сомневался в том, созрел ли уже китайский народ для республики и будет ли республика в нынешних условиях соответствовать нуждам китайского народа», — так Юань-Ши-кай начал свою речь перед революционным правительством Китая, ведя с ним переговоры от имени еще не отрехшейся династии манчжуров. «Ограниченная монархия, продолжал он, вернет страну к нормальным условиям, введет порядок в стране много скорее, чем республиканская форма правления, не соответствующая ни народному духу, ни современным политическим условиям Китая... Единственная причина, в силу которой я стою за сохранение на троне нынешнего монарха, заключается в том, что я — сторонник конституционной монархии. Моей единственной задачей в условиях кризиса, переживаемого Китаем, является спасение Китая от распада и от тех бед, которые ему угрожают» *).

Учтя, однако, что слезоточивые речи о бедах и кризисе не спасут монархии от гибели в Китае, Юань-Ши-кай заставляет династию отречься от трона с сохранением «пенсии и гарантий благоприятного отношения» к императорскому дому. Ежегодная пенсия была округлена Юань-Ши-каем в 4 миллиона таэлей (около 6 миллионов золотых рублей) с правом сохранения императорской охраны, одного из императорских дворцов в Пекине («Зимний дворец») и... свиты. В обмен на «отречение» династии, вождь революции доктор Сун-Ят-сен был вынужден отказаться от президентства в пользу Юань-Ши-кая, наиболее изолитной фигуры китайской контр-революции.

«Национальное собрание» переезжает в Пекин, в лагерь контр-революционных войск, порывая связь с революционной столицей и войсками революции. Юань-Ши-кай был назначен «временным президентом» последним императорским указом, сейчас же подтвержденным вотумом «Национального собрания». Такой исход первой революции в Китае отражал соотношение сил, предопределяя собою тяжелую борьбу раскрепощающегося Китая с реакционными силами на длинный ряд мучительных лет.

Первый конфликт между предтечей «старого парламента», «Национальным собранием», и будущим реставратором монархии Юань-Ши-каем произошел по вопросу о присяге на верность республике. «Национальное собрание» от имени революционных провинций (Южный и Средний Китай) требовало от Юань-Ши-кая принесения присяги в революционной столице — Нанкине. Юань-Ши-кай настаивал на принесении присяги в Пекине. Победителем вышел Юань-Ши-кай. Присяга была принесена 10 марта 1912 года в Пекине.

Торжественный текст присяги не помещал Юань-Ши-каю, упорно шедшему

*) Sih Gund Cheng. „Modern China“. Putnam Weale. „The Fight for the Republic“

к единоличной диктатуре, обеспечить своим преданным холопам руководящую роль в управлении страной. Все важные отрасли управления — армия, полиция и финансы — остались в руках ставленников Юань-Ши-кай.

«Национальное собрание» разработало избирательный закон в августе 1912 г. и самораспустилось. Белый террор вступал в свои «права». В том же августе один из вождей восстания революционных войск в У-чане, на реке Ян-цзы, генерал Чжан-Чэн-у был схвачен на банкете в Пекине, дано в его же честь и... убит. Это был сигнал к большой серии политических убийств, задуманных Юань-Ши-каем. Контр-революция пыталась расправиться с вождями китайской революции, чтобы вслед за этим заняться палаческой ролью в отношении народных масс. Контр-революция, во главе с Юань-Ши-каем, пыталась также отсрочить выборы в парламент, подготавливая «благоприятную» для себя обстановку.

Как средство к достижению этой цели, Юань-Ши-каем был создан бандитизм, заливший страну кровью. Политической задачей бандитизма было еще и стремление дискредитировать идею республиканизма, с выявлением преимуществ власти военной диктатуры.

Создавалась благоприятная обстановка для «союзнической интервенции». Мировой хищник поджидал свою жертву и «предпринимательскую» прибыль...

Весною 1913 года Китай — в первый раз в своей истории — в весьма бледной и несовершенной форме конкретно выявил свою политическую волю. Громадное большинство парламента — в результате выборов — принадлежало к партии Го-минь-дан, партии революции. Ответом Юань-Ши-кай на результаты выборов было новое политическое убийство. Был убит только что избранный депутат — один из активных деятелей революции, южанин, Сюй-Цзяо-чжан, по прибытии в Пекин из Шанхая вместе с группой депутатов.

7 апреля 1913 года парламент открылся. Парламент в Китае обнимает собою палату депутатов и сенат. Депутатов, согласно закона, должно было быть 596, сенаторов — 274, избираемых, согласно временной конституции, провинциальными собраниями. Избирательный закон 1912 года для палаты депутатов предусматривал избрание одного депутата на каждые 800 тысяч граждан. Возрастной ценз был определен в 21 год. Закон вводил требование двухгодичной оседлости в определенном избирательном округе. Имущественный ценз для избирателя складывался из двух элементов: а) платежа прямого налога — в 2 доллара ежегодно, б) владения недвижимою собственностью — в 500 долларов. Образовательный ценз — свидетельство элементарной школы или образования, ей равного. Выборы не прямые.

«Временная конституция» предоставляла парламенту следующие права: принятие и одобрение всех законов, одобрение бюджета, разрешение всех налоговых и финансовых вопросов, равно как также и вопроса о займах, назначение посланни-

ков в другие страны и министров в своей собственной стране, объявление войны и заключение мира, решение вопросов об амнистии, право запросов, удаление президента — квалифицированным большинством в $\frac{3}{4}$ голосов из кворума и $\frac{1}{5}$ всего числа депутатов — за предательскую и изменническую деятельность. Парламенту также принадлежало право удаления любого из членов кабинета, равно как кабинета в целом, по мотивам политического или судебного характера. Для этой цели требовалось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов из кворума в $\frac{3}{4}$ числа депутатов. Нижняя палата избиралась на 3 года. Сенат избирался на 6 лет.

По своей конструкции парламент не мог отражать настроений широких масс и не выражал их интересов. Имущественный ценз в 500 долларов — недвижимой собственности — «разъяснял» оптом и единовременно всех крестьян, составляющих $\frac{9}{10}$ китайского населения. Крестьяне в Китае никакой собственности не имеют. Крестьянин в Китае — вечный арендатор дробного (парцельного), мелкого клочка земли, который он обрабатывает всеми силами своей семьи, включая и детей. «Разъясненными» также оказались пролетарии и полупролетарии, выбрасываемые деревенской голодухой, кули, составляющие большинство городского населения. Избирательный закон был построен в расчете на участие в выборах четырех миллионов голосов на цифру в 400 миллионов населения. При предположении, что все четыре миллиона избирателей пошли бы к урнам — это дало бы всего только... один процент населения.

Избирательный закон 1912 года в Китае — наиболее рельефное «завоевание» китайской революции, задушенной в самом зародыше контр-революционными силами. Действительное участие в выборах в парламент приняла самая незначительная часть предполагаемого континента избирателей. Парламент от рождения явился существом худосочным, чахлым, недолговечным. Его могло хватить на несколько порывов, поскольку депутаты жили еще в атмосфере революционного действия, поскольку революционный пыл и настроения еще давали тон общественной среде.

Контр-революционеры учли реальное соотношение сил с первых дней существования республики. Враждующие силы продолжали на некоторый исторический срок существовать рядом друг с другом.

Контр-революция при этом была силой действующей, активной, правительственной, военной. Революция — силой обескровленной, лишающейся армии, теряющей связь с народными массами, при парламенте, историей обреченном на медленное угасание. «Гром победы» раздавался уже на улице контр-революции.

Юань-Ши-кай со своими приспешниками продолжал безнаказанно уничтожать деятелей революции. Юань-Ши-кай, вопреки временной конституции и запросам парламента, игнорируя парламент, заставил своего министра финансов подписать в здании одного из иностранных банков заем с иностранными капиталиста-

ми. Мировой империализм стал официальной фигурой на политической арене Китая. С этого момента первенствующая роль в республиканском Китае переходит к империалистам.

Мировой капитал стал могильщиком и душителем китайской революции. Какой эффект в этих реальных условиях могла иметь бумажная резолюция парламента о незаконности финансовых махинаций Юань-Ши-кай? Нужны были действия, немедленные и решительные действия, самих масс или, по крайней мере, органов, выражающих их актуальную волю. Парламент — ублюдок от революции — бездействовал. Контр-революция готовилась к тризне над революцией. Юань-Ши-кай на деньги, отпущенные ему мировыми капиталистами, спешно усиливал во всех местах свой военный аппарат.

«Необходимо отметить,—говорит Putnam Weale,—что лидеры парламента стали на колени перед представителями некоторых иностранных государств в Пекине, умоляя их отложить—а они, конечно, могли бы это сделать—подписание договора о займе на 48 часов с тем, чтобы такой важный договор был бы рассмотрен и одобрен «Национальным собранием». Таким путем существенная часть суверенных прав нации была бы спасена от каблука единичной фигуры... Все мольбы были напрасны. Иностранные представители тех дней, будучи аккредитованы при правительстве, которое формально еще не было признано, но которое ожидало своего признания со дня на день, твердо решили вести определенную реакционную линию и были глубоко обрадованы поворотом дел в сторону абсолютизма» *). Сумма займа равнялась 25 миллионам фунтов стерлингов. Легальная прибыль иностранных капиталистов, за вычетом взяток, комиссии, маклерских, куртажа, составила сумму в полтора миллиона фунтов стерлингов.

Парламент в этот миг, после объединения реставраторов монархии с мировым империализмом, понял необходимость революционного действия. Мотивами восстания были действия Юань-Ши-кай, шедшего к диктатуре. Поводом к восстанию послужило заключение займа у иностранцев для расправы над революцией. Целью восстания было свержение Юань-Ши-кай.

Южные и срединные провинции Китая восстали 10 июля 1913 года. Штабом революционных войск был объявлен Шанхай, опорный пункт мирового империализма в Китае. Главной операционной базой—провинция Цзян-си. Военным руководителем этого периода, известного под именем второй революции, был революционный генерал, один из лучших стратегов Китая — Ли-Лю-цзюнь, игравший до середины 1922 года крупнейшую роль в качестве главнокомандующего антисеверной экспедицией доктора Сун-Ят-сена.

Преимущества были, однако, на стороне контр-революции. Юань-Ши-кай

*) Putnam Weale. The Fight for the Republic.

располагал денежными средствами, военными припасами, амундией и активной поддержкой мировых империалистов. Силы были слишком неравны. Юань-Ши-кай накинулся на остатки революционной армии со всею мощью своих дивизий и флота. Борьба длилась 3 месяца. Победителем вышел Юань-Ши-кай... Революционные войска распадались, уходили в горы, формируясь в партизанские отряды.

Реакционная военщина выступала единым фронтом. Этот период наметил группу колоритных генералов от контр-революции, сыгравших в новейшей истории Китая роковую роль. Победителями над второй революцией явились генералы: Чжан-Сунь, пытавшийся в 1917 году восстановить династию маньчжуров, Фын-Го-чжан, будущий президент Китая после разгрома парламента, маршал Дуань-Ци-чжуй, будущий лидер аньфуистов, председатель японофильского клуба Ань-фу. Над всеми маршалами и генералами от контр-революции стояла приземистая фигура Юань-Ши-кай. Он только что залил кровью всю страну. Он был опьянен победой и требовал новых жертв. Очередь приходила за расправой над самим парламентом, идейно связанным с только что ликвидированным восстанием. Было лишь естественно, чтобы белый террор, господствовавший над страной, своей палаческой силой обрушился на парламент—это видимое последнее эпохи революции.

Парламент учел нависшую над ним угрозу. Несмотря на наличие примиренчества и соглашательства в среде депутатов и в рядах боевой партии Го-минь-дан — парламент в целом не сходил с рельс пассивной оппозиции Юань-Ши-каю. Парламент занялся разработкой «постоянной конституции».

Юань-Ши-кай требовал прежде всего принятия закона об избрании президента. Мотивы диктатора были отчетливо ясными. Юань-Ши-каю было необходимо закрепить результаты своей победы над народным восстанием. Юань-Ши-кай должен был добиться своего избрания в президенты. Готовые к услугам «союзники» с удовольствием признали бы «президента» и «республику». Реставрационные дела прекрасно наладились бы. Белый террор, иностранные пушки и деньги мировых банкиров, гарнизоны и жандармы, дипломатический корпус и монарх — в перспективе, разве это не лучший для мирового капитала исход из тревожного положения, созданного революцией в Китае?

Парламент почувствовал биение часов истории и предвидел момент своей преждевременной смерти. Вместо того, чтобы и здесь искать опоры в массах, развязывая их к действию, объединяя их классовые организации, втягивая их в активную общеполитическую борьбу, — парламент забаррикадировался бумажной резолюцией о том, что в случае прекращения его сессии в Пекине останется парламентская комиссия с функциями контроля над исполнительной властью. Парламентская комиссия должна была справиться с диктатором, тогда как для этой цели не хватило сил ни у восставшей армии, ни у парламента в целом.

Юань-Ши-кай — боец, привыкший к политическим бурям, взяткой, угрозой,

пыткой и посулами усадил обе палаты на французский образец—в одном зале и... приказал себя избрать президентом. 8 октября 1913 года Юань-Ши-кай был избран президентом Китая. 10 октября в торжественной обстановке, в тронном зале Зимнего дворца, в присутствии своих холопов — китайских мандаринов-чиновников и своих хозяев — дипломатического корпуса — Юань-Ши-кай издевался над парламентом и демократией, принося присягу на «верность» народу и республике. А 4 ноября того же 1913 года парламент был разогнан...

Против партии Го-минь-дан начались гонения, задуманные по большому плану. Юань-Ши-кай решил какой-угодно ценой ликвидировать «националистов» и республиканцев. Предание суду, убийства, изгнание из Пекина, «очищение» столицы от «злонамеренных элементов»—все было пущено в ход для достижения цели. Го-минь-дан был загнан в подполье... На стороне Юань-Ши-кай было активное корыстное сочувствие империалистических правительств. Царская Россия в те тревожные для Китая дни играла роль жандарма, подкармливавшегося за счет чужого народа. Юань-Ши-кай за день до разгона парламента подписал с царской Россией договор о Монголии, фактически отдавший ее в распоряжение России. Китай сохранял за собой лишь «право» иметь дипломатического представителя в Урге. Ценою продажи, дробления и угнетения Китая—Юань-Ши-кай быстрыми шагами взбирался по лестнице контр-революции к реставрации.

Повстанческие партизанские отряды были рассыпаны по всему Китаю, сосредоточившись преимущественно в среднем Китае. Контр-революция мобилизовала новые дивизии. В Пекине организовалась своего рода «звездная палата», недреманное око диктатора. Необходимо было ликвидировать «временную конституцию»—последний легальный остаток эпохи революции.

Задачу единоличного составления новой конституции для Китая взял на себя советник Юань-Ши-кай, ставленник дипломатического корпуса, американец Гудноу, годом позже выступивший в роли инспитатора монархического переворота в Китае. Гудноу с присущей американцам технической легкостью и... невежеством перечеркнул сверху донизу «временную конституцию» Китая и написал новую. Ответственное перед парламентом министерство упраздняется. Министры уподобляются секретарям президента на американский манер с еще большим подчеркиванием характера личной зависимости секретарей от своего патрона. Президент несет ответственность «перед нацией», а не перед парламентом. Президент концентрирует все суверенные права нации в своих руках. Сенаторы назначаются президентскими указами. Права и полномочия палаты депутатов урезаются.

Самая палата не созывается до опубликования нового избирательного закона. Законодательные права присваиваются назначенному сверх сенату. Вся государственная система централизуется. Самый закон об избрании президента, одобренный парламентом, отменяется. Президент представляет парламенту трех кандида-

тов в новые президенты, из которых парламент утверждает одного из кандидатов после смерти президента. Венцом творчества американского советника Гудноу явилось восстановление жертвоприношений и царственных молений в Храме Неба с поклонением военным богам, образцам военной добродетели. Во время этих религиозных обрядов, целиком рассчитанных на политический эффект одурачивания терроризованных масс, властитель Юань-Ши-кай облачался в костюмы принцев династии Чжоу.

Власть решила воспользоваться государственной религией, как орудием господства над массами. Конфуцианство было восстановлено, как официальная, государственная религия.

Располагая всем арсеналом «мер воздействия», государственной религией, иностранными деньгами и штыками, Юань-Ши-кай открыто издевался над республикой.

Достоинны внимания и другие методы, к каким прибегал Юань-Ши-кай. Он организовал солидные «пресс-бюро» в Европе и Америке для подготовки общественного мнения к предстоящему монархическому перевороту. Пресс-агентура должна была развить особо энергичную деятельность в Америке. С Англией у Юань-Ши-кай были весьма дружественные отношения. Английский «чрезвычайный полномочный министр» Джон Джордан, живший в Китае около 40 лет—был интимным другом диктатора и доверенным его советником. В этот же период сложился и упрочился в Китае институт иностранных советников, злых недругов китайского народа, обиравших и обирающих китайскую казну, являющихся связью дипломатического корпуса с китайским правительством.

Типичная китайской общественной жизни не нарушалась до осени 1915 г. Аппарат военной диктатуры был достаточно силен, чтобы заставить замолчать всех недовольных и непокорных. Юань-Ши-каю надо было «легализоваться», стать явным, признанным монархом, с обстановкой и почестями «сему званию присвоенными», а не томиться в кровавых пеленках военной диктатуры под прикритием президентства. Конкретной задачей момента явилась необходимость «подготовить умы» к монархическому перевороту.

Период от 1913 до 1915 года был одним из наиболее интересных моментов с точки зрения «накопления» сил реакции. Агенты и холопы Юань-Ши-кай старались изо всех сил. Лагерь революции был обескровлен, обезглавлен... На поверхности политической жизни остались герои упадочной эпохи, политические маклера.

Идейная полемика между «адептами» Юань-Ши-кай и «китайским Милюковым»—профессором Лян-Ци-чао развернулась во всю ширь. Апологеты реставрации выдвинули идею конституционной монархии.

Вся кампания не столько была направлена на защиту самой идеи монархии, сколько на выявление «особых» качеств Юань-Ши-кай, самой историей предна-

значенного в руководители четырехсот миллионов китайского народа. Сторонники Юань-Ши-кая, быть может, не ошиблись в одном — в предсказании тех интриг, столкновений личных и групповых интересов в борьбе за власть, какую разлагающиеся военные клики в Китае развили и развивают на протяжении последних лет.

Однако, эти интриги и войны милитаристов развивались не потому, что утвердилась республиканская власть, а не восторжествовала монархия в Китае. Войны милитаристов между собою — лишь выявляют процесс дезинтеграции военной в Китае, процесс разложения и отмирания остатков феодальных групп. Монархия Юань-Ши-кая в качестве апостола твердой единоличной власти не спасла положения, историей созданного и ею же обреченного на смерть. Сам Юань-Ши-кай во всех интригах играл руководящую и наиболее активную роль. Свою власть он строил на принципе ослабления своих врагов и соперников, путем их раз'единения и взаимного натравливания. Юань-Ши-кай этого распада остановить не мог. Он сам явился жертвой этого процесса. Юань-Ши-кай пал вместе с падением монархических реставрационных затей.

3. ГОНКОНГ И КАНТОН.

Борьба, ныне разыгрываемая в Китае, представляется одной из наиболее любопытных страниц современной истории. Это — схватка пробуждающегося Востока с мировым империализмом. Китай — цитадель мирового империализма — подымает голову против своих угнетателей, борясь против сил внутренней феодально-помещичьей реакции. В борьбу втянуты китайский народ, вернее его трудящиеся массы, так называемое китайское правительство, Чжилийская группировка, партия Го-минь-дан и ее лидер доктор Сун-Ят-сен. Здесь и мировой империализм.

Китай за последние несколько десятилетий переживает бурную эпоху развития капитализма в своей собственной стране. Еще с 90-х годов прошлого столетия Китай — речь идет о Среднем Китае долины реки Ян-цзы — идет по линии развития своих производительных сил. Феодальный, замкнутый, клановый уклад хозяйства постепенно разрушался. Нарождалось кустарно-ремесленное и мануфактурное хозяйство, требовавшее в своем дальнейшем развитии перехода к фабричному станку.

Самым могущественным препятствием, на которое наталкивались производительные силы Китая, была политическая власть — монархия, династия манчжуров, существовавшая в Китае около 300 лет.

90-е годы явились поворотным пунктом в политической истории Китая. Восстания, которые крестьянские массы вели в Китае на протяжении долголетней истории, были борьбой против династии или против отдельных носителей власти. Стоит лишь вспомнить Тайпинское восстание, длившееся с перерывом три десяти-

летия и стоившее Китаю нескольких десятков миллионов населения; 90-е годы выбрасывают лозунг борьбы против монархии в целом, как против власти, самое существование которой находится в вопиющем противоречии с требованиями экономики, с железными законами развития производительных сил страны.

90-е годы дали идеологическую попытку спасения монархии—династии Дайцинов—путем выдвигания плана маленьких реформ. То была попытка гибнущей бюрократии приспособиться к новым условиям социально-экономической обстановки. Маленькие реформаторы были расстреляны. Вместе с ними была похоронена надежда спасти монархию от ожидавшей ее участи быть сброшенной с путей истории.

Под знаком борьбы против монархии шло накопление сил для революционной бури. Лозунг борьбы против китайского самодержавия был лозунгом китайской революции 1911 года.

Здание китайской монархии за 300 лет своего существования подгнило до самого основания. Китайским массам не стоило большого труда свалить глиняного гиганта. От манчжурского трона отвернулись все классы и слои населения, в том числе и манчжурские полки. Манчжурская династия «отрекается» от трона, уходя «на покой» в Зимний дворец в Пекине, сохраняя за собой императорские почести, свиту, привилегии и огромное жалованье, которое революционное правительство обязалось выплачивать бывшей китайской правящей клевке.

На другой день после революции китайская реакция почувствовала себя лишь сильно ущемленной, но не разбитой. Революция 1911 года не доделала своей работы. Революция не добила монархии. Остатки феодальной власти, офицерство, мандаринат-чиновничество — все эти общественные прослойки были собраны рукой кровожадного диктатора Китая Юань-Ши-кая для борьбы против революции.

Борьба против революции шла при энергичной поддержке мировой буржуазии. Мировой капитал поддерживал диктатуру бывшего интендантского чиновника, сделавшего карьеру диктатора, хитроумного Юань-Ши-кая, прежде всего деньгами. «Заем для реорганизации Китая», первый консорциум мировых банкиров, займы Криспи,—все это отдельные эпизоды из длинной серии преступной деятельности мирового империализма в Китае, которые в своем целом должны были вести к поражению революции.

Мировая буржуазия охотно шла на огромные денежные жертвы, лишь бы только разбить революцию и сохранить остатки феодальной власти в Китае. Крушение феодального строя в Китае означало создание реальной предпосылки для развития капитализма. Капитализм в Китае был равносителен ограничению возможностей мировой буржуазии в смысле грабежа богатств и разорения производительных сил стран Востока. Капитализм в Китае создавал рабочий класс и рабочее движение. Рост движения в Китае, ближайшем соседе Индии и Японии, пугал крас-

ным признаком мировых фабрикантов и банкиров. В такой обстановке финансовая помощь мировой буржуазии Юань-Ши-каю была лишь необходимым, с точки зрения мирового капитала, средством для сохранения своего господства в Китае.

С момента утверждения Юань-Ши-каю в Пекине до наших дней мировая буржуазия активно вмешивается в политическую жизнь Китая. Дипломатический корпус в Пекине претендует на роль фактического правительства Северного Китая, той части Китая, экономика которой сильно отстает от экономики Среднего и Южного Китая. С формальной стороны судьбами Китая распоряжается пекинское правительство, существующее благодаря «признанию» и поддержке его мировой буржуазией. Ноты дипломатического корпуса — вай-цзяо-пу — министерству иностранных дел по разным поводам политической жизни Китая являются актами беззастенчивого, циничного вмешательства иностранного капитала в политическую жизнь Китая.

Картина полного господства мирового капитала в Китае должна быть дополнена указанием на вмешательство мировых империалистов в хозяйственные процессы жизни Китая и его финансы. Над Северным Китаем и над Пекином дипломатический корпус установил свой контроль, дающий ему возможность «регулировать» линию поведения пекинского правительства в каждый данный момент в угоду интересам мировой буржуазии.

Срединым Китаем мировой капитал владеет в наиболее значительных и важных пунктах, Шанхай, лежащий на устье реки Ян-цзы — крупнейший порт всего азиатского побережья, — больше всего напоминает собою столичный город Европы или Америки. В Шанхае разместились войска иностранцев, иностранная полиция, иностранный муниципалитет. Мировой капитал превратил этот город в свой участок. Мировая буржуазия называет значительную часть этого города своим «сэттльментом». Шанхай — клска Азии, которую мировой капитал создал в своих интересах с целью выкачивания китайского сырья и снабжения Китая своими фабрикатами.

В другом крупном пункте Среднего Китая — Ханькоу — мировой капитал расположился не менее уютно. Ханькоу — ключ к металлическим и горным богатствам Китая — к Юньнаньской и Сычуаньской провинциям. Ханькоу открывает также дорогу на север Китая. В 5 минутах от Ханькоу лежит город Хань-ян — столица металлургической промышленности Китая, находящейся почти в безраздельном владении милитаристической Японии.

По самой реке Ян-цзы не только снуют иностранные пароходы, увозящие продукцию труда крестьян на заграничные фабрики, но свободно разместились военные речные суда, охраняющие интересы хищников мирового капитала.

Срединым Китаем интересуется мировой капитал. Шанхай, Ханькоу, Хань-ян — тот фундамент, на котором мировой капитал строит свое господство в Китае.

На этом же клочке Китая китайский капитализм, несмотря на все противодействие мировой буржуазии, сделал огромные успехи. В самом Шанхае, Нань-Дун-Чжоу, У-Си, Нанкине, Ханькоу, И-Чане и в других местах выросли огромные китайские текстильные фабрики, судостроительные доки, мельницы, металлургические заводы, шелкопрядильни и проч. В этом пункте мировая буржуазия выдерживает сейчас тяжелую конкуренцию со стороны китайской буржуазии. Мировой капитал стремится подчинить себе дальнейшее развитие производительных сил Китая, сохраняя за собой политические прерогативы в Китае.

В Южном Китае в вечной вражде между собой находятся два пункта — Гонконг и Кантон. Эти города — символы. Гонконг — остров с городом Викторией — был насильственно оторван от Китая капиталистической Англией в 1842 г., по так-наз. Нанкинскому договору. Гонконг — символ английского владычества, находится в нескольких милях расстояния от китайского материка. Гонконг — крепость Англии в китайских водах, крепость, все орудия которой направлены против Китая.

Гонконг пытается контролировать экономические подступы к Китаю, стремясь к овладению богатыми ресурсами, тяготеющими к Жемчужной реке.

В 6 часах езды от Гонконга находится Кантон — символ китайской революции, колыбель революционного движения. Кантон — город революционной борьбы, обвеянный революционными легендами. Кантон — столица Южного Китая и южного правительства.

В Кантоне работает доктор Сун-Ят-сен с политическим штабом самой влиятельной в Китае партии Го-минь-дан. Кантон имеет все объективные данные для экономического господства над районом Южного Китая, вырывая у Гонконга его захватнические привилегии и перемещая центр тяжести из «колонии английского короля» на территорию самого Китая.

Нет того преступления, которое гонконгское «правительство» не учинило бы в отношении Кантона. Вооружение отрядов «бумажных тигров» против Кантона, попытки опереться на реакционные группы, ведущие борьбу в самом Кантоне или в Южном Китае против партии Го-минь-дан, организация экспедиции против Кантона, создание и поддержка китайских фашистских отрядов, — вот та практика, от которой английский империализм эпохи Макдональда не может отказаться. Борьба против Сун-Ят-сена, борьба против Кантона, как очага китайской революции — вот задача, которую все английские кабинеты, в том числе и кабинет Макдональда, ставят перед собой в отношении Китая.

Борьба китайских масс за свою независимость должна была принять крайне острые формы сейчас же после подписания договора с СССР. Этот договор явился эпохой в борьбе Китая за свое освобождение. Впервые на протяжении новой истории Китая этим договором СССР признал Китай равноправным и независимым государством, отказавшись от политики векового насилия и угнетения Китая.

Договор с СССР предопределил дальнейшую судьбу Китая в смысле необходимости ведения решительной борьбы за ликвидацию империалистических договоров, навязанных Китаю силой оружия. Договор с СССР разбудил национальное движение в Китае. Во главе этого движения должен был стать доктор Сун-Ят-сен, ведущий революционную работу вот уже на протяжении 40 лет в Китае.

В недавних письмах послу СССР в Китае—тов. Карахану—доктор Сун-Ят-сен писал: «Истинные интересы наших стран требуют создания общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного нам международной системой, опирающейся на силу и работающей методами экономического империализма» *).

В этом же письме доктор Сун-Ят-сен формулировал свои оценки политики СССР в отношении Китая: «Россия никогда не будет требовать права экстерриториальности или капитуляции, не будет учреждать судов или администрации на китайской почве. Россия отказывается от всех концессий и привилегий, нарушающих суверенитет или интересы китайского народа. Россия установила в своих отношениях к Китаю принцип полного и абсолютного равенства» **).

Борьба в Китае идет по испытанным империализмом путям. Англия, возглавляющая собою силы интервентов, пытается разложить силы Китая для нанесения удара национальному движению, возглавляемому партией Го-минь-дан и доктором Сун-Ят-сеном.

В борьбе, идущей за независимость Китая против мирового капитала в условиях и обстановке 1924 года, есть целый ряд новых элементов.

1. Борьба против Китая есть борьба за сохранение мировым империализмом Китая, как своей колонии, т. е. борьба за сохранение своего господства над сотнями миллионов трудовых крестьян.

2. Борьба против трудовых масс Китая, стремящихся к свободе и к независимости, есть попытка сосредоточения сил мирового капитала на Дальнем Востоке и является угрозой собирания империалистического кулака на Дальнем Востоке вообще.

3. Мировой империализм ведет борьбу методами вооружения китайской реакции и компрадорской китайской буржуазии—«бумажных тигров», являющихся проводником интересов мирового капитала в Китае.

4. В борьбе, развернувшейся в Китае в 1924 году, принимал участие рабочий класс Китая, как реальная сила на авансцене политической борьбы за независимость Китая.

*) В. Виленский (Сибиряков). „Сун-Ят-сен—отец китайской революции“.

**) Там же, стр. 24.

5. Борьба в Китае вновь показала мировому империализму, что пробуждающийся Восток—фактор реальной мировой политики, что тяготение трудящихся масс Востока к СССР обусловлено экономическими причинами и принципами Октябрьской революции; что учение Ленина звучит, как мощный призыв для угнетенных масс Востока.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Китай и СССР.

I. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПРОБЛЕМА.

После занятия красными войсками Владивостока дальневосточная проблема приобрела отчетливо-выпуклые очертания.

Советской России приходится разрешать на Дальнем Востоке трудную задачу в сложной мировой обстановке, отягченной дореволюционным прошлым. Политика царского правительства на Дальнем Востоке не была политикой осознанной программы и определенных методов. Так, для примера, на протяжении короткого ряда лет царские чиновники по дипломатии самым причудливым образом меняли свою «политику» в отношении Китая, Японии и Америки.

В 90-х годах Россия пытается фигурировать в роли покровительницы Китая. В момент, когда Япония после китайско-японской войны захватывает весь Ляодунский полуостров (Южная Манчжурия), Россия «освобождает» Китай от присутствия на ее территории японских войск, с тем, чтобы через несколько лет занять этот полуостров своими войсками. Тайный оборонительно-наступательный союз с Китаем вырождается в наступление на Китай в 1901 году, с расстрелом боксеров, с погромами во всех местах, в которых появляются войска военного министра Куропаткина. Было ли другое имя на всем континенте Азии более ненавистным трудовым массам Китая, чем имя царских опричников? Советской России пришлось ликвидировать это тяжелое наследство царизма.

Дальний Восток предоставляет империалистическим государствам Европы, Японии и Соединенным Штатам Америки возможность приложения «свободных капиталов». Дальний Восток в своей нынешней структуре представляется одним из самых значительных камней в фундаменте, поддерживающем здание мирового капитализма. Одни из областей Дальнего Востока им уже превращены в свои колонии, другие—составляют «сферу его влияния», третьи—он объявляет «сферами своих интересов».

Поскольку мировой капитализм «закрепляется» на Востоке, постольку дальневосточная проблема приобретает общее политическое значение. С другой стороны, интересы самих империалистических государств на Дальнем Востоке приходят в острый конфликт. Борьба за сферы влияния—основной фон, на котором разворачиваются противоречивые интересы капиталистов разных стран за счет интересов трудящихся масс Дальнего Востока в целом. В раскаленной атмосфере борьбы империалистов между собою Дальний Восток может сыграть роль застрельщика в новой кровавой бойне.

Элементы, составляющие дальневосточную проблему, в простейшей схеме укладываются в две группы. Одну группу составляют—капиталистическая Америка, Япония, Англия и уже с ними. Вторую группу составляют—Советская Россия, угнетенный Китай и аннексированная Японией Корея.

Капиталистическая Америка вступила на путь империалистической, агрессивной политики. Два десятилетия тому назад промышленность Америки имела достаточно емкий рынок в своей собственной стране и не испытывала необходимости становиться на путь экспансии. Годы, предшествовавшие империалистической войне, и самая война втянули Америку в меновой и производственный круговорот всемирного масштаба. Соединенные Штаты Северной Америки, вместо страны, фигурировавшей в толстых учебниках экономистов-классиков под названием «Self-supporting country», превращается в страну, ищущую, с одной стороны, сырьевых богатств и, с другой стороны—рынков для сбыта своих фабрикатов. Взаимоотношения Соединенных Штатов с территориями, ближайше к ним расположенными, являются наилучшей иллюстрацией экономической экспансии капитализма в Америке. Канада, с одной стороны, и Мексика, Аргентина, Бразилия и весь вообще конгломерат государств Южной Америки—с другой стороны, уже втянуты в орбиту империалистической политики американского капитала.

Экспансия Соединенных Штатов Америки далеко уходит за пределы и границы Нового Света. Соединенные Штаты идут по пути захватов и установления своих сфер влияния на островах Великого океана. Испано-американская война превратила Соединенные Штаты Америки в сильную азиатскую державу, так как предоставила в распоряжение американского капитала Филиппинские острова, лежащие у самых дверей Восточной Азии. Политика государственного секретаря Америки мистера Хэя с требованием признания всеми капиталистическими государствами принципа открытых дверей и равных возможностей, сооружение Панамского канала, снижение боксерской контрибуции на условии, что китайское правительство обязуется отправлять китайских студентов в американские университеты для превращения их в проводников американского влияния, организация мирового консорциума банкиров для закабаления Китая, в котором активное участие принимают 38 крупнейших американских банков, наконец, Вашингтонская конференция и тол-

ки об экономической конференции, предполагавшейся к созыву Гардинтом, представителем крупного американского трестированного капитала,—все эти обстоятельства служат доказательством того, что Соединенные Штаты Америки протянули свою длань над экономически отсталыми народами, населяющими Тихоокеанское побережье и острова. Взаимоотношения Америки с Австралией—«колонией короля Англии»—явление той же серии насильственного внедрения в экономически мало защищенную страну.

Из цикла вопросов, характеризующих с наибольшей выпуклостью империалистические тенденции американского капитала, вопрос о борьбе Американских Штатов за господство на морях является наиболее значительным. Поездка бывшего секретаря по морским делам, Эдвина Демби, героя скандальных нефтяных историй,—в Японию и в Китай летом 1922 года, имела своей задачей выявление условий торгового плавания в Великом океане. Демби хотел ослабить монопольные права японских компаний «Ниппон Юсон Кайша» и др., ведя в то же самое время борьбу против морской политики Англии, заставляющей свои колонии облагать товары не-английского происхождения более значительными пошлинами, чем фабрики метрополии. «New-York Tribune»—орган американского капитала, в следующих словах формулирует задачи Америки: «Такая кампания ни в коем случае не может рассматриваться, как кампания против Англии, против Германии или против какого-либо другого государства. Эта политика должна быть названа всего лишь кампанией за Америку. Со времени 1850 года страна посвятила всю свою энергию внутреннему развитию. Мы должны перенести значительную часть нашего внимания в современных условиях на иностранные территории. Вопрос об океанском транспорте под американским флагом является одним из самых значительных факторов будущего развития Соединенных Штатов Америки». Этому будущему развитию отводится, в первую очередь, место на островах Гаити, в Голланду, на Филиппинских островах, настойчиво требующих признания добродетельной Америкой самостоятельности островов и независимости народов, их населяющих.

Интерес Америки к Китаю достаточно древнего происхождения. Еще в 1784 году американский корабль прибыл в Кантон из Нью-Йорка, с корнями растений лечебного свойства, растущих в Западной Виргинии. 11 мая 1785 года этот корабль вернулся в Соединенные Штаты Америки с грузом чая и китайского шелка. Соединенные Штаты не только ввозили лечебные травы и корни растений, но и своих, и английских миссионеров, в качестве первых лазутчиков и разведчиков по установлению «торговых связей», читай—системы эксплуатации экономически отсталых народов азиатского континента.

Уже в 1847 году в Кантон прибыло 67 американских кораблей, в Шанхай—20, в Амой—в приморской провинции Китая Фуцзянь—8 кораблей. Рост и значение американской торговли с Китаем обратили на себя внимание таможенных комис-

саров Шанхай в 1865 году, установивших следующую скалу ввоза иностранных фабрикатов в Китай. На первом месте шла Англия, на втором — Америка, на третьем — Германия, на четвертом — Голландия, на пятом — Франция. В те годы Япония, как капиталистическая держава мирового значения, еще не фигурировала.

Необходимо отметить, что за последние пятьдесят лет морская торговля Китая возросла в 35 раз, и ныне товарооборот превышает 100 миллионов тонн, вместо 7 милл. тонн полвека тому назад. В торговле последних лет с Китаем роль Америки снизилась. Лишь в самые недавние годы американский капитал делает решительные усилия к тому, чтобы поднять свой тоннаж в Китае до большей высоты, соответствующей уровню, на котором сейчас находится американское производство.

Капиталисты Соединенных Штатов Америки пытались упрочить свое влияние в Китае и путем «континентальной» политики. Америка усвоила методы других империалистических государств, прокладывая дорогу финансовому капиталу лехорадкой железнодорожных концессий в Китае. В 1898 году американские капиталисты учинили заем Китаю на сумму в 20 миллионов американских долларов, для сооружения Кантон-Ханькоуской железной дороги. Несколькими годами позднее американские капиталисты пытались взять на себя железнодорожное строительство в Манчжурии, разработав проект Цзин-Чжоу-Айгуньской железной дороги.

Некоторые цифры иллюстрируют движение американской торговли с Китаем. Торговля Соединенных Штатов Америки с Китаем видна из нижеследующей таблицы:

Таблица (ланы).		% отношение к китайской торговле в целом.
1867 г.	8.000.000	6½ %
1877 »	9.000.000	6 %
1887 »	12.000.000	6 %
1897 »	30.000.000	12 %
1907 »	64.000.000	10 %
1917 »	157.000.000	15 %
1920 »	210.000.000	17 %

Вышеприведенные цифры далеко не дают исчерпывающей характеристики торговых взаимоотношений Соединенных Штатов Америки с Китаем, так как эти цифры не регистрируют торговых оборотов, идущих через Гонконг, «колонию короля Англии». Главным центром американской торговли с Китаем является Шанхай.

в котором уже сейчас находится свыше двухсот американских фирм. Американский капитал в Китае оброс рядом учреждений и институтов, облегчающих получение прибыли для капиталистов. Сюда, в первую очередь, относится американская торговая палата, американская ассоциация адвокатов, фашистская организация—американский легион, организация из бывших военнослужащих американцев для жилой и «действенной» защиты интересов американского капитала в Китае, американская миссионерская организация и др.

Вся совокупность этих обстоятельств с непреложною наглядностью удостоверяет факт перехода американского капитала на положение активного завоевателя китайского рынка. Его появление на азиатском континенте несколько запоздало. Европейские капиталистические государства, преимущественно Англия, успели появиться много десятилетий раньше. Американскому капиталу пришлось прокладывать себе дорогу не столько сталью орудий и свинцом пулеметов, сколько качеством и дешевизной своего продукта, проникавшего на рынок Китая под аккомпанемент медоточивых слов американских государственных секретарей об уважении к суверенным и территориальным правам Китая и к принципам «открытых дверей и равных возможностей» для всех соперничающих капиталистических государств.

Американское влияние в Китае проникает через все порты Тихоокеанского побережья. Если главной артерией этого влияния является Шанхай, если он поглощает 50% американского импорта, то остальные 50% приходятся на порты, лежащие к северу от Шанхая. Американский капитал стремится укрепить свое положение во всех пунктах и точках своего соприкосновения с Китаем. В особенности рельефными являлись тенденции американского капитала в Манчжурии. Роль Америки в международной интервенции объясняется стремлением американского капитала обеспечить за собой влияние на Кит.-Восточной жел. дороге. Создание междусоюзного технического комитета, пребывание инженера Стивенса, одного из строителей Панамского канала, в Харбине, в роли председателя этого комитета, вынесение вопроса о судьбе этой дороги на Вашингтонскую конференцию, проекты интернационализации Китайско-Восточной жел. дор., вместо отмершей схемы сенатора Нокса о нейтрализации железных дорог в Манчжурии—лишь вехи, обозначающие стремление американского капитала стать твердой ногой в Манчжурии, в весьма удобной позиции для экономической экспансии в самой Манчжурии и в Восточной Сибири.

В общей связи с ролью Америки в Китае стоит вопрос о видах Америки на Владивосток и о постоянной оглядке на свою морскую соперницу—Японию. Поскольку Япония фактически занимает наиболее важные стратегические пункты морского побережья на Тихом океане, поскольку овладение Японией угольными, нефтяными, рудными и продовольственными богатствами азиатского континента усиливает военное положение Японии в ее будущей схватке с Америкой, постольку

американские государственные секретари, ее президенты и капиталистическая печать будут отрекаться от сентиментальных фраз в отношении Китая, вмешиваясь в его политическую жизнь. Америка — фактор дальне-восточной проблемы и активный элемент дальне-восточной политики.

Другим действенным империалистическим государством на Дальнем Востоке является Япония. Ее взаимоотношения с контрагентами по Дальнему Востоку — Китаем и Россией — определяются тремя, сменявшими друг друга в исторической последовательности, моментами. Первый момент — китайско-японская война 1894 — 1895 г.г. Второй момент — русско-японская война 1904 — 1905 г.г. Третий момент — мировая империалистическая война 1914 — 1918 г.г. Милитаристическая Япония, ее военная клика делали карьеру на войнах.

В первый период естественным объектом хищнических устремлений японского капитала должна была сделаться Корея. Ее беда в том, что она географически «неблагополучно» расположена. Проникновение Японии на континент могло идти кратчайшим путем пространственно и по линии наименьшего сопротивления вообще. Шутка истории оказалась в том, что завоевательные планы Японии в отношении Кореи формулированы, как стремление охранить независимость Кореи от алчности других хищников, в первую очередь — царской России. Один из японских дипломатов формулировал эту часть исторической миссии японского капитализма фразой о том, что, если бы какая-либо из других стран попыталась отрадить независимость Кореи, это означало бы удар в сердце Японии. Фактически контроль Японии над Кореей явился результатом китайско-японской войны. Все последующие годы лишь оформляли процесс фактического захвата территории с 18-миллионным корейским населением.

Проникновение экономического влияния Японии на континент Азии идет весьма сложными путями, из которых наиболее существенными являются: пути экономической эксплуатации районов, входящих в сферу влияния Японии, территориальные захваты, установление своих доминирующих интересов в районах, еще не завоеванных японским капиталом, и распространение политического контроля и господства над тем, что физически поддается этому контролю.

Существенную роль в экспансии японского капитала играет нехватка в самой Японии угля, железа и стали. Япония добыла в 1918 году 28 миллионов тонн угля, но была совершенно не в состоянии добыть кокс, потребный для стальной индустрии. Согласно данным «Японского экономического бюро исследований», требование на железо в год измеряется приблизительно в 743 тыс. тонн, тогда как добыча железа в Японии и в ее владениях составляет всего только 611 тыс. тонн. Потребность в стали в 1918 году составляла цифру в 1.113.000 тонн, тогда как добыча стали в Японии равнялась всего лишь 765.000 тонн. Недостающее количество металла и угля с большими излишками для себя Япония выкачивает из Ко-

реи, Манчжурии и Китая. Отсюда—первым районом эксплуатации Китая после аннексии Кореи должна была явиться Южная Манчжурия. Портсмутский договор обеспечил Японии Южно-Манчжурскую железную дорогу от Чан-чуня до Дайрена, самый Дайрен и Порт-Артур, равно как и Фушунские угольные копи. Проводником японского империализма в Южной Манчжурии является Общество Южно-Манчжурской железной дороги. Знаменитые 21 требование, предъявленные Японией Китаю в 1915 году, включали в себе пункты, утверждающие влияние Японии не только в Южной Манчжурии, но и в Северной Манчжурии и во Внутренней Монголии.

Следующим районом японского влияния явилась провинция Шань-дун, в которой японские капиталисты отвоевали в свое распоряжение угольные копи. Вслед за провинцией Шань-дун японское влияние укрепляется в провинции Ху-бэй, в которой японцы законтрактовали все рудоносные участки и металлургические заводы. Японское влияние имеется и в ряде других провинций Китая, во всех местах, в которых имеется руда, в провинциях Ань-хуэй и Фу-цзянь.

Особенностью японского империализма в его политике захватов территорий Китая является то обстоятельство, что сферами влияния Японии служат районы и важного стратегического значения. Недаром манчжурская проблема приобрела такой исключительно важный характер в судьбах Дальнего Востока. Стремления Японии лежат в сторону аннексии Манчжурии, по крайней мере ее южной части. Японский профессор Темизу еще в 1912 году заявил: «Нынешнее время является наилучшим для разрешения южно-манчжурского вопроса. Этот вопрос Япония раньше или позже должна будет разрешить. Япония уже упустила несколько хороших возможностей к аннексии Манчжурии; чем дальше аннексия будет откладываться, тем труднее будет становиться ее осуществление».

Вопрос о территориальных захватах в Китае империалистической Японией, несколько раз выявлявший себя в период от 1912 года до наших дней, висит дамокловым мечом над судьбами трудовых масс Китая.

В тех местах и случаях, где территориальные захваты не могут быть осуществлены, там проводится политика утверждения влияния японского капитала. Несколько цифр иллюстрируют рост японской торговли с Китаем:

Таблица процентного отношения торговли с Китаем.

	1913.	1914.	1915.	1916.	1917.
Япония . . .	19,7	21,1	23,4	28,3	33,4
Англия . . .	48,0	49,0	47,2	40,9	39,7

Следует отметить, что в вопросах оценки японской экономической экспансии Китай не столь единодушен, как это могло бы казаться с первого взгляда. Не

говоря уже о заведомо реакционных кругах внутри самого Китая, поддерживаемых и питаемых японским милитаризмом, имеются и достаточно влиятельные промышленные интересы в самом Китае, охотно идущие на «кооперацию» с японской буржуазией в вопросах экономики.

Однако, весь Китай единодушен в борьбе против территориальных захватов и агрессивных планов японского империализма. Благонамеренный автор книги «Китай в своих взаимоотношениях с иностранцами» Бау, на 264 странице своего труда, говорит: «Всякая попытка со стороны Японии аннексировать эти территории (Южную Манчжурию и восточную часть Внутренней Монголии) натолкнется на враждебную оппозицию народов, населяющих эти территории, равно как китайцев, живущих в Собственном Китае. Оторвать эти части от тела китайской нации значит создать условия для вечного недовольства китайцев, которое равносильно созданию вечной стены ненависти между двумя народами. Кроме этого, если бы даже Япония считала себя способной проглотить эти районы, ей пришлось бы встретиться с альтернативой—либо быть выброшенной дружным сопротивлением китайцев этих районов и всего Китая вообще, либо подчинить китайцев в Собственном Китае своему игу. Так как Япония будет вынуждена проделать попытку привести Китай в подчиненность себе, как меру самозащиты,—аннексия Южной Манчжурии и восточной части Внутренней Монголии с совершенной неизбежностью приведет в своем конечном результате к борьбе между Китаем и Японией».

Необходимо вскользь упомянуть и о том, что утверждения японского генерального штаба о перенаселенности самой Японии, якобы стимулирующей необходимость превращения Японии из державы островной в континентальную державу, страдают явными преувеличениями. По исчислениям американского профессора Ф. Кинга, Япония имеет сейчас 15.400 кв. миль необрабатываемой земли, причем, если бы вся эта площадь подверглась обработке, то, по мнению того-же профессора, она могла бы питать гораздо более значительное население, чем нынешнее, которое, по официальным данным статистики на 31 декабря 1918 г., равно 57.070.936 человек.

Даже наиболее примиренчески настроенные элементы в Китае требуют полного и категорического отказа Японии от политики грабежа. «Первым шагом в пересмотре японской политики должно явиться изменение всей ее политики в отношении Китая. Она должна отказаться от основных своих ошибок. Она должна освободить самое себя от тяжких пут эгоистической политики и должна считать права и интересы Китая столь же священными, как и свои собственные» *).

Взаимоотношения Японии с Китаем, ее агрессивные намерения в отношении территорий Поднебесной республики не могут не влиять на положение Советской

*) Бау. „Китай в своих взаимоотношениях с иностранцами“.

России, как государства-освободительницы миллионов угнетенных трудящихся масс, как державы, содействующей раскрепощению национальностей от ига мирового капитала.

Если трудовые массы Китая лишь предвидят будущие попытки аннексии своей территории, то 18 миллионов крестьянского населения Кореи вот уже 14 лет стоят в условиях аннексии. Всякая попытка к борьбе за национальное раскрепощение Кореи вызывает к действию весь варварский аппарат японского милитаризма, не знающий пределов в избиениях и мучительствах политических борцов за освобождение Кореи. Телесные наказания составляют неизбежную часть церемониала так называемого «предварительного допроса», имеющего свою целью вынудить этой ценою «признание» политического заключенного. Методы, применяемые японцами в отношении к своим политическим противникам, целиком рассчитаны на терроризирование корейского трудового населения.

По данным отчета японского правительства за 1913 г., число политических заключенных, подвергшихся жестокому телесному наказанию, составляет две трети всего населения тюрем и арестных домов. За период от 1913 до 1918 года число наказанных выразилось в абсолютной цифре 287,087 человек. Самая система тюремного заключения также рассчитана на эффект моральной пытки. Так, напр., женщин-кореенок за участие в борьбе за независимость Кореи заставляют раздеваться до-нага в присутствии толпы японских жандармов и в таком виде появляться для допроса.

Если отойти от вопросов «морали» и взглянуть на результаты экономической эксплуатации Японией Кореи, то и здесь существующие взаимоотношения приводят к мысли необходимости коренной их ломки. Национальный долг Кореи возрос в течение 10 последних лет с цифры в 368.256 амер. долларов до цифры в 52.461.827 к концу 1918 года. Обложение и налоги выросли с цифры в 3.561.907 в 1905 г. до 19.849.128 амер. долл. в 1919 г.

К этому процессу обирания и обнищания корейских трудовых масс присоединяется еще и процесс насильственной колонизации края. Заселение Кореи японцами в цифрах дает весьма незначительные результаты. Число всех японцев, живущих сейчас в Корее, равно приблизительно 500 тыс. человек. Однако, пребывание этой группы привилегированных граждан в стране, заполненной японскими жандармами, полицией и войсками, отягощает жизнь трудового крестьянства самой Кореи.

Борьба за независимость Кореи, несмотря на систему полицейского сыска и тюремной пытки—реальный фактор жизни Дальнего Востока. В 1919 году борьба за независимость Кореи охватила широкие массы и достигла наибольшей высоты. «Мы объявляем, — гласила прокламация временного правительства Кореи, — независимость Кореи и свободу корейскому народу. Мы заявляем об этом всему миру,

в виду принципа равенства всех наций. Мы заявляем об этом, имея 43 столетия нашей истории и 20 миллионов объединенного народа». Движение и восстания корейцев были подавлены в 1919 году, но объективные условия для развития этого движения имеются налицо и в настоящее время.

В целом движение за независимость расширилось и ждет лишь объективно благоприятного момента, чтобы с новой силой кинуться на дальне-восточного жандарма—японский милитаризм. «Задача Японии в Корее—безнадежная задача. Поскольку в Корее останется хоть один кореец, клич борьбы за независимость Кореи не перестанет раздаваться... Чтобы ни случилось на политической арене Дальнего Востока, корейский народ, разоруженный и беззащитный, будет с неустрашимой отвагой и верой в победу, составляющими отличительную черту национального характера корейца, продолжать борьбу за жизнь и свободу своего народа»,—говорит Генри Чжун в своей книге о Корее.

Помимо своих взаимоотношений с Кореей и Китаем, Япония пыталась установить аналогичный тип «добрососедских отношений» с Советской Россией. Военная интервенция, начавшаяся в 1918 году, система переворотов во Владивостоке и прилегающем районе, сжигание деревень, убийства, расстрелы и издевательства над русскими крестьянами,—разве все это не продолжение опыта с Кореей на новой территории?

Японский милитаризм—генеральный штаб и империалистическая клика—потерпели одно из самых жестоких в своей истории поражений от руки русского рабочего и крестьянина. Русский Дальний Восток торжествовал ко дню пятой годовщины Октябрьской революции свою победу,—японские интервенты под натиском русских крестьян и рабочих были вынуждены вывести свои войска с территории Приморья.

Япония в результате неудачи интервенции попыталась подойти к проблеме порабощения России с несколько иной стороны. Дайрен и Чан-чунь являются этапами на пути этого стремления. Японский империализм стремился вынудить Россию признать условия, которые поставили бы русский Дальний Восток в положение колонии японского капитала. Проблема, перед которой стоит СССР в отношении Дальнего Востока, в своем практическом значении выражает стремление оградить этот уголок земного шара от судьбы соседних территорий. Весь Дальний Восток вообще вращается в орбите мировой эксплуатации. Сохранить в таких условиях, сложившихся в течение долгих десятилетий, этот край свободным от порабощения значит не только спасти край сам по себе, но и создать материальную предпосылку для борьбы соседних народов против мировых хищников.

Экономические трудности при решении этой задачи заключаются в том, что обширный Дальний Восток, при неисчерпаемых богатствах своих недр и малой населенности, мало развит в промышленном отношении. Советский Дальний Восток—

еще неиспользованный золотой запас Республики советов, это—почти нетронутые еще лесные богатства республики, это—не нашедшие еще себе массового сбыта питательные продукты, горные и иные богатства обширного края.

Обилие богатств Дальнего Востока и удобное географическое его расположение превращает его в лакомый кусок для мирового империализма. Борьба за экономическую сохранность этой территории и должна составить один из основных моментов в развертывании российской, а в нынешних исторических условиях и мировой задачи пролетариата на Дальнем Востоке. К осуществлению этой задачи—к освобождению Дальнего Востока от мирового империализма—рабоче-крестьянские массы Союза Советских Социалистических Республик должны идти вместе с угнетенными массами Китая.

2. КИТАЙСКО - ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА *).

I.

Китайско-Восточная железная дорога была сооружена в результате исторических причин, из которых наиболее существенными явились две. Первая причина заключалась в необходимости удлинения Сибирского пути. По мере того, как сооружение Сибирского пути подходило к Забайкалью, необходимо было решить вопрос о дальнейшем направлении дороги. Кратчайшим путем связи Забайкалья с русским Приморьем и городом Владивостоком являлось проведение дороги по прямому пути, захватывавшему северную часть Манчжурии.

Сооружение Китайско-Восточной железной дороги, как прямого продолжения Великого Сибирского пути, являлось осуществлением затаенных желаний автора проекта «удлинения» Сибпути, Витте, мечтавшего о создании транзитного мирового пути, соединявшего Россию с Дальним Востоком, с одной стороны, и Дальний Восток с Европой, с другой. Именно этот транзитный характер Китайско-Восточной железной дороги предопределил собою направление дороги, заставив Витте отвергнуть предложение небезизвестного интригана в царских кругах бурята доктора Бадмаева, предлагавшего вести дорогу через Кяхту на Пекин. Проект Бадмаева считал проведение дороги на Владивосток предприятием второстепенным.

Сам Витте формулировал цели сооружения Великого Сибирского пути и восточной его секции — Китайско-Восточной железной дороги — как цели экономические: «Самое проведение Великой Сибирской дороги, — говорит С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях», — по мысли Александра III вовсе не являлось делом военно-политическим, а только экономическим, касающимся внутренней политики, а именно: помощью этой железной дороги Александр III желал достигнуть кратчайшего соединения одной из наших окраин — Приморской области — с Россией. Иначе говоря, вся Великая Сибирская дорога имела... только экономическое значе-

*) Предлагаемая статья была напечатана в № 1 за 1924 г. журнала «Международная Жизнь», органа НКВД.

ние, значение в смысле оборонительном, а никак не наступательном, в особенности она не должна была служить орудием для каких бы то ни было новых захватов». Первая причина лежала, таким образом, в экономических потребностях России, как их понимал министр финансов царского правительства С. Ю. Витте.

Второй и не менее важной причиной, отвечавшей задачам российской великодержавности, была необходимость для царской России установления своего политического авторитета на Дальнем Востоке сейчас же вслед за победой Японии над Китаем в японо-китайской войне 1894—95 годов. Царская Россия не считала возможным оставаться равнодушным свидетелем закрепления влияния Японии на Ляодунском полуострове, т.-е. в Южной Манчжурии, с неизбежным расширением этого влияния дальше, в район Северной Манчжурии. Этой боязнью упрочения японского влияния на континенте был вызван ультиматум, предъявленный Россией — вместе с Германией и Францией — Японии об очищении Ляодунского полуострова. Этой же боязнью была вызвана необходимость заключения тайного соглашения между Россией и Китаем, направленного против Японии.

Витте, ведший переговоры с Ли-Хун-чжаном о заключении секретного договора, настаивал на том, что Китай должен поставить Россию в положение, когда Россия была бы в состоянии оказать действительную помощь Китаю. «Мы этой помощи оказать не можем, — говорит С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях», — пока не будем иметь железной дороги, потому что вся наша военная сила находится и всегда будет находиться в Европейской России. Следовательно, необходимо, с одной стороны, чтобы мы могли, в случае надобности, подавать войска из Европейской России и, с другой стороны, чтобы мы могли подавать войска также из Владивостока».

Этими аргументами Витте и мотивировал необходимость сооружения железной дороги на территории самого Китая — Северной Манчжурии, дававшей кратчайшее направление от Читы на Владивосток. Китайско-Восточная жел. дор. родилась от комбинарованного действия великодержавной политики и великодержавной экономики царского правительства.

Секретный договор, заключенный с Ли-Хун-чжаном в 1896 году, являющийся основным документом, определяющим права России на дорогу, состоит из трех пунктов: 1) Китай разрешал России провести железную дорогу по территории Манчжурии; 2) Под дорогу отводилась полоса отчуждения, необходимая для железнодорожных сообщений; 3) Россия обязывалась защищать Китай от агрессивных действий со стороны Японии. Секретный договор является оборонительным союзом России с Китаем, союзом, дававшим громадные права и преимущества России.

Необходимо было в ближайшую же очередь вырешить вопрос и о формах взаимоотношений России и Китая в связи с согласием Китая на сооружение Китайско-Восточной железной дороги. Китай самым решительным образом возражал против сооружения дороги от имени самой России. Еще большие возражений раздавалось со стороны Китая по вопросу о формальном собственнике этой дороги. Ли-Хун-

чжан настаивал на том, чтобы с формальной стороны сооружение дороги было взято на себя частным обществом.

Витте был вынужден принять это требование Китая и согласился на образование Общества Китайско-Восточной железной дороги, юридическое положение которого лучше всего характеризуется самим Витте.

«Общество Китайско-Восточной железной дороги... было и до настоящего времени состоит в полном распоряжении правительства, но так как оно числится частным обществом и так как все частные общества находятся в ведении министерства финансов, служащие там не суть чиновники государственной службы, а или же они состоят на равном положении со служащими частных железнодорожных обществ, или же находятся в командировке в частном обществе Восточно-Китайской железной дороги»

Эта цитата не оставляет никаких сомнений в основной природе взаимоотношений России с Китаем по вопросу о Китайско-Восточной железной дороге. Собственником дороги считалось и признавалось российское правительство. Лишь в виде уступки политическим требованиям Китая Россия соглашалась на создание фикции частного железнодорожного общества, и по целям, и по составу, и по организации долженствовавшего служить орудием политики российского правительства.

Серьезные трудности, однако, возникли с момента, когда необходимо было подписывать концессию на сооружение Китайско-Восточной железной дороги. К этому моменту самое Общество Китайско-Восточной железной дороги еще не было организовано. Откладывать заключение концессии царское правительство считало для себя невозможным. Витте был заинтересован в том, чтобы довести с Ли-Хун-чжаном — в основном — переговоры до конца. В виду этих обстоятельств Витте выдвинул Русско-Китайский банк (ныне Русско-Азиатский) в качестве стороны, долженствующей подписать договор с Китаем на сооружение Китайско-Восточной железной дороги.

Русско-Китайский банк был основан незадолго до заключения договора 1896 г. тем же Витте по просьбе французских банкиров и с участием французского капитала, когда Россия вместе с ультиматумом Японии об очищении Ляодунского полуострова предложила Японии взыскать с Китая большую денежную контрибуцию. Россия вместе с Францией učinила заем Китаю для выплаты этой контрибуции. Русско-Китайский банк был создан в качестве финансового аппарата по займу. В то же время Русско-Китайский (ныне Русско-Азиатский) банк должен был содействовать расширению площади деятельности франко-русского капитала в Китае. Этому Русско-Китайскому банку Витте делегировал право подписания договора на сооружение Китайско-Восточной жел. дороги.

Чтобы обезопасить себя, однако, от возможного использования этого договора в интересах самого банка, Витте потребовал, чтобы Русско-Китайский банк немедленно же передал право по договору Обществу Китайско-Восточной жел. доро-

ги. Нижеприводимые строки, принадлежащие перу самого Витте, инициатора и автора договора 1896 года, являются лучшим историческим, фактически выверенным свидетельством того, что Китайско-Восточная железная дорога принадлежала и принадлежит России.

«Пришлось установить форму, — говорит Витте на 52-й стр. своих «Воспоминаний», — по которой, с одной стороны, китайское государство в лице Ли-Хун-чжана давало концессию на сооружение Китайско-Восточной железной дороги и давало концессию именно Русско-Китайскому банку, а с другой стороны, Русско-Китайский банк особым актом передавал это право Обществу Восточно-Китайской жел. дороги. Мне хотелось иметь в руках два документа: во-первых, секретный договор с Китаем, по которому Китай взял бы на себя обязательства дать возможность русскому обществу построить Восточно-Китайскую жел. дорогу через Монголию и Сибирь, а во-вторых, соглашение китайского правительства с каким-нибудь из русских обществ на сооружение этой дороги. Самым подходящим в данном случае был, естественно, Русско-Кит. банк, но, чтобы Русско-Китайский банк не мог воспользоваться этим весьма ценным правом, я одновременно приготвил и соглашение с Русско-Китайским банком, по которому Русско-Кит. банк передавал все это дело в руки Общества Восточно-Китайской жел. дор., которое имело быть сформированным русским правительством».

Эти строки с полной отчетливостью устанавливают тот факт, что роль Русско-Азиатского банка была фиктивной; что ни о каких капиталах, якобы внесенных Русско-Азиатским банком на организацию Общества Восточно-Китайской жел. дороги, не было и не могло быть и речи; что разговоры об акциях, выпускаемые Русско-Азиатским банком, преемником Русско-Китайского банка, якобы удостоверяющих права банка на дорогу, являются покушением с негодными средствами, так как вся дорога была сооружена на средства русского народа; что истинным, бесспорным и единственным претендентом на собственность Китайско-Восточной жел. дороги является русский народ с его советским правительством.

28 августа 1896 года был подписан договор между Русско-Китайским банком, с одной стороны, и китайским правительством, с другой. Согласно статьи первой договора, Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплуатации железнодорожной линии компанию под названием «Общество Китайско-Восточной жел. дороги», которому предоставляются по договору следующие права и преимущества:

1. Безвозмездное пользование землями, необходимыми для постройки, эксплуатации и охраны линии (полоса отчуждения);
2. Право безусловного и исключительного управления этими землями;
3. Освобождение от поземельных налогов;

4. Право возведения всевозможных построек;
5. Право сооружения и эксплуатации телеграфа для нужд линии;
6. Полное и исключительное право эксплуатации линии за счет и риск Общества;
7. Право нанимать по своему выбору иностранцев или туземцев;
8. Распространение на уголовные и гражданские дела, возникающие на территории железной дороги, действия трактатов об экстерриториальности русских граждан.

Договор 1896 года предоставлял Китаю следующие права:

1. Переход дороги к китайскому правительству безвозмездно по истечении 80 лет со дня открытия движения;
2. Право досрочного выкупа дороги по прошествии 36 лет со времени окончания постройки с уплатой полностью всех затраченных капиталов и всех сделанных долгов с наросшими процентами.
3. Китайское правительство освобождается от ответственности за дефициты Общества;
4. Китайское правительство обязано принимать меры к обеспечению железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всяких нападенний извне.

Уже беглого знакомства с договором 1896 года достаточно для того, чтобы понять, что контрагентом по дороге являлось китайское правительство, с одной стороны, и русское правительство, с другой. Ни одна железная дорога, сооруженная на средства иностранного капитала в Китае, не обеспечивала частным предпринимателям даже малой доли тех прав, какие обеспечивались Обществу Китайско-Вост. жел. дороги. И это потому, что самое Общество Китайско-Восточной железной дороги, по форме являясь частным, по существу являлось органом русского правительства.

Основными документами, удостоверяющими, таким образом, бесспорные права России на эту дорогу, являются: секретный договор России с Китаем; пункт первый договора 1896 года, уступавший все права и преимущества по дороге Обществу Китайско-Восточной жел. дороги, и устав Общества Китайско-Вост. жел. дор., в твердых выражениях и с выуклой отчетливостью ставивший Общество в служебное, по существу, положение перед российским министерством финансов.

Последующие события лишь подтверждали права России на Китайско-Восточную железную дорогу. Когда царскому правительству удалось путем насилий и угроз заставить Китай предоставить России Порт-Артур и Дальний в долгосрочную аренду, линия Китайско-Восточной жел. дороги была проведена через всю Южную Манчжурию до самого города Дальнего. Само собой разумеется, что русское правительство не испрашивало разрешения Русско-Азиатского банка на удлинение этой дороги. Манчжурия, полоса отчуждения Китайско-Вост. жел. дороги, была заполнена царскими войсками на основании дополнительного соглашения с

Китаем от 12 апреля 1902 г. Царское правительство открыло в полосе отчуждения русские суды, организовало русские больницы, почту, охранку и жандармские отделения. Во всех этих случаях, само собой разумеется, царское правительство не испрашивало согласия маргаринового претендента на собственность дороги, Русско-Азиатского банка.

По Портсмутскому миру 1905 года русское правительство уступало южную часть Кит.-Вост. жел. дороги Японии. Уступка прав Японии не была сопряжена с необходимостью для царского правительства испросить разрешения Русско-Азиатского банка. Таким образом, не только первоначальные моменты и документы удостоверяли права собственности русского правительства и его права исключительного распоряжения судьбами дороги, но и все последующие договоры, законоположения, равно как и вся практика в полосе отчуждения Кит.-Вост. жел. дор. лишь подтверждали то обстоятельство, что единственным хозяином дороги является русское правительство.

II.

Положение резко изменяется к 1918 году — к моменту, когда полоса отчуждения избирается, как арена для активной деятельности российской контр-революции и мировой интервенции. Белое движение на Дальнем Востоке имело своим исходным опорным пунктом город Харбин. Необходимо было, во что бы то ни стало, изменить самый статус Кит.-Вост. жел. дороги. Лучшим для этого средством в обстановке разрыва связи с центральной Россией и в условиях активной поддержки белого движения мировым империализмом — было закрепить права на Кит.-Вост. дорогу за Русско-Азиатским банком.

Первые моменты этого процесса совпадают по времени с интервенцией Америки, Японии, Франции, Англии, Италии и Чехо-Словакии в Сибири.

Междусоюзный комитет и совет пытаются построить свои взаимоотношения с Кит.-Вост. жел. дорогой на началах финансового закабаления дороги. Идея мирового банкового консорциума под руководством Америки в те самые годы, когда Россия вела напряженную борьбу на всех фронтах против наступающего мирового империализма, должна была найти себе первое применение к достоянию русского народа на Дальнем Востоке — к Кит.-Вост. жел. дороге. Америка предложила открыть кредит дороге в размере 20 милл. золотых долларов, распределенных между пятью державами под залог самой дороги.

Вся эпопея с междусоюзным контролем над Кит.-Вост. жел. дорогой и одновременно над Уссурийской дорогой должна была послужить основой к будущей интернационализации этих дорог, т.-е. к изъятию их из владения и собственности русского народа. Лишь гигантские напряженные усилия трудящихся масс Дальнего Востока, освободившие весь Дальний Восток от интервенционных войск и воссоеди-

нившие далекую окраину с Советской Республикой, освободили также и Уссурийскую, и Кит.-Вост. жел. дор. от междусоюзного комитета и совета и всех благодеяний по интернационализации капиталистами достоинства русских масс. Тяжелым наследием этого периода являются попытки мировых капиталистов в 1921 г. и последующие годы все еще расценивать Кит.Вост. жел. дорогу, как дорогу, нуждающуюся в их опеке, если не административной, то, по крайней мере, финансовой.

В этом смысле наиболее значительным этапом, отмечающим собой попытку мировых держав в установлении своего контроля над Китаем, в особенности над китайскими жел. дор. и в частности над Китайско-Восточной жел. дор., является Вашингтонская конференция 1921—2 г. Американские янки вместе с агентами английского, японского и французского капитала начали с заверений о том, что им дороже всего политический и территориальный суверенитет Китая. В первом пункте резолюции, принятой 9-ю державами по вопросу о принципах и основных линиях политики в отношении Китая, было сказано: все договаривающиеся стороны, кроме Китая, соглашаются: 1) уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китая; 2) предоставить самую полную и ничем не стесняемую возможность самому Китаю установить в своей стране действенное и прочное правительство; 3) установить принцип равных возможностей, в отношении торговли и промышленности, для всех государств на территории всего Китая; 4) воздержаться от использования современных условий жизни Китая для приобретения специальных прав или привилегий, которые могли бы ограничить права граждан дружественных государств или могли-бы быть расценены, как враждебные действия против этих государств *).

Резолюция в целом удостоверяет прежде всего стремление 9-ти капиталистических государств найти общий язык между собой в интересах наилучшего использования богатств самого Китая. Та часть резолюции, которая говорит о необходимости уважать суверенитет и признавать территориальную целостность Китая, должна рассматриваться, как одно из средств, как один из методов к сохранению целостности не Китая, а 9-ти держав.

В отношении китайских железных дорог эта Вашингтонская конференция декларировала общую точку зрения, устанавливающую исходные предпосылки взаимоотношений мировых капиталистов с Китаем в вопросах транспорта. Резолюция № 8, принятая на пленарном собрании Вашингтонской конференции 1-го февраля 1922 г., гласила о том, что в интересах будущего развития жел. дорог в Китае китайское правительство должно создать унификацию всех дорог в стройную жел.-дорожную систему под контролем Китая, однако, «с такою финансовою

*) Treaties and Resolutions at the Conference of the limitation of armament. Federal Trade Informations Service.

и технической помощью иностранцев, какая может оказаться необходимой в интересах этой системы». Таким образом, уже общая предпосылка устанавливала зависимость китайских железных дорог от воли и усмотрения мирового капитала. Оно и понятно: завоевание Китая или превращение его в колонию с 90-х годов прошлого столетия шло при посредстве иностранного банка и жел. дороги, сооружавшейся на средства мирового капитала. Во всех тех случаях, где мировой капитал говорит о своей финансовой помощи в пределах, по его собственному выражению, «какие представляются необходимыми в интересах поддержания этой системы», речь идет о закабалении Китая.

В пленарном заседании конференции от 4 февраля 1922 г. были приняты 2 резолюции № 11 и № 12 по вопросу о Китайско-Восточной жел. дороге. Старательно обходя вопрос о действительном собственнике этой дороги, ни разу не обмолвившись о Советской России, как единственном законном преемнике прав по договору 1896 года и другим договорам на эту дорогу, капиталистические государства, собравшиеся в Вашингтоне под «идейным» руководством Америки, требовали, чтобы Китайско-Восточная жел. дорога лучше охранялась, чем она охраняется сейчас, чтобы лица, находящиеся на дороге, больше соответствовали своему назначению в качестве жел. дор. агентов, чтобы средства, находящиеся в распоряжении дороги, более экономно расходовались, а весь инвентарь дороги находился бы в неприкосновенности. Резолюция № 11, устанавливающая эти «священные» принципы захватчиков на имущество и права, им не принадлежащие, заканчивается поручением дипломатическим приказчикам этих государств немедленно же заняться практической разработкой всех мероприятий, могущих вести к осуществлению пожеланий Вашингтонской конференции.

Резолюция № 12 еще с большей откровенностью стремится установить финансовые права мировых капиталистов на Китайско-Восточную жел. дорогу. Эта резолюция гласит об ответственности Китая в случае неисполнения им своих обязательств в отношении иностранных акционеров, держателей облигаций и кредиторов Китайско-Восточной жел. дороги. Ни история вопроса, ни то состояние дороги, в котором она находилась в период Вашингтонской конференции, не представляли иностранцам никаких прав ни как акционерам, ни как кредиторам. Наоборот, Китайско-Восточная жел. дорога является кредитором в отношении ко всем иностранным государствам, перевозившим свои войска в больших количествах по этой дороге в период международной интервенции в дела России и не уплатившим за провоз своих армий Китайско-Восточной железной дороге. Ссылка на то, что этими кредиторами являются государства, на средства которых сооружалась дорога, является покушением с негодными средствами. Речь идет, по видимому, о Франции, с наибольшей настойчивостью претендующей на Китайско-Во-

сточную жел. дорогу. Однако, из исторической справки, нами выше уже приведенной, и из оценки той роли, которую Русско-Китайский—ныне Русско-Азиатский банк играл в судьбах дороги, с наибольшей юридической полнотой и фактической достоверностью вытекают права на дорогу только одной России, а не иностранных капиталистов вообще и Франции, в частности.

Объявление во всеобщее сведение о каких-то обязательствах Китая по этой дороге перед иностранными государствами является лишь стремлением создать повод к интернационализации дороги, к которой Америка стремилась и стремится вот уже в течение двух десятилетий.

Для того, чтобы покончить с вопросом о правах иностранных государств на эту дорогу, необходимо остановиться несколько подробнее на роли и функциях Русско-Азиатского банка, стремившегося к обманному закреплению своих прав на Китайско-Восточную жел. дорогу. Правовая аргументация притязаний Русско-Азиатского банка чрезвычайно элементарна. Все аргументы укладываются в двух простейших формулах. Первая формула гласит о том, что Русско-Азиатский банк фигурирует в качестве стороны договора 1896 года, на котором имеется подпись китайского правительства. Значит, рассуждает банк, собственником дороги и является Русско-Азиатский банк. Вторая формула говорит о том, что Русско-Азиатскому банку было в свое время, согласно первого пункта договора, поручено организовать Общество Китайско-Восточной жел. дороги. Значит, акционером этого Общества и является этот банк. Все до очевидности просто с претензией на юридическую стройность. В период господства белогвардейщины в Северной Манчжурии и в момент существования в Пекине реакционного правительства, принимавшего участие в междоусобицеской интервенции, было подписано дополнительное соглашение о Кит.-Вост. жел. дороге между китайским правительством и Русско-Азиатским банком. Дополнительное соглашение заключено 20 октября 1920 г.

Во вступительной части к дополнительному соглашению китайское правительство уведомляет банк «о своем решении временно, впредь до достижения соглашения с тем русским правительством, которое будет Китаем признано, взять в свои руки высшее руководство делами названной железной дороги, предусмотренное договором и действующими правилами, и воспользоваться теми преимуществами и специальными выгодами, которые Китаю предоставлены договором об эксплуатации».

Китайское правительство преследовало конкретные цели при подписании этого незаконного акта. Реакционная клика Пекина пыталась под шумок закрепить за собою часть прав на Кит.-Вост. жел. дор. в порядке одностороннего соглашения с фиктивным собственником, не испросив на это согласия действительного хозяина дороги, т.-е. русского правительства. Китайское правительство не

учло при этом, что договоры такого рода никакой обязательной силы для Советской России и ее правительства иметь не могут. Ошибочность взгляда пекинского правительства заключалась также и в том, что оно пыталось закрепить свои права на дорогу путем получения некоторого количества облигаций Русско-Азиатского банка под гарантию дороги, на сумму в несколько миллионов кит. таэлей.

Русско-Азиатский банк, в свою очередь, преследовал свои цели, из которых главнейшая заключалась в том, что дополнительное соглашение от 20 октября 1920 года подтверждаю основное соглашение 1896 года, как бы пытаясь узаконить претензии Русско-Азиатского банка на самую дорогу. Вторым достижением являлось и то, что Русско-Азиатский банк, согласно дополнительного соглашения от 20 октября, получал право хозяйничанья на самой дороге.

Дополнительное соглашение состоит из 7-ми статей:

Ст. 1-я гласила о том, что Общество Кит.-Вост. жел. дороги обязуется уплатить китайскому правительству облигациями жел. дороги сумму, равную общей сумме долга Общества. Оплата облигаций должна быть произведена или серебром в момент выкупа дороги кит. правительством, или удержанием из сумм, предназначенных для выкупа дороги. Облигации, выпущенные для уплаты этого займа, должны были быть обеспечены залогом всего движимого и недвижимого имущества дороги.

Ст. 2-я говорила о том, что китайское правительство будет иметь право на назначение, кроме председателя, четырех членов китайской национальности в состав правления дороги. Назначаемые китайским правительством члены правления не обязаны быть акционерами дороги. При голосованиях, в случае равенства голосов «русской» и китайской части правления, голос председателя считается решающим.

Ст. 3-я гласит, что кворум в правлении составляется семью его членами. Никакое решение не будет обязательно, если оно не будет одобрено семью голосами.

Ст. 4-я устанавливает право за китайским правительством на назначение двух членов китайской национальности в ревизионный комитет. Председателем комитета должен быть непременно китаец.

Ст. 5-я устанавливает, что «для обеспечения вполне успешной эксплуатации дороги существующие на ней должности должны по справедливости быть поделены между китайцами и русскими».

Ст. 6-я говорит о том, что «права и обязанности Общества будут впредь во всех отношениях носить исключительно коммерческий характер, всякие действия и права политического характера Обществу безусловно запрещены. Вследствие этого китайское правительство сохраняет за собою право предписывать Обществу в любой момент меры, ограничивающие его деятельность».

Ст. 7-я говорит о том, что все постановления договора 1896 года, равным образом и устава Общества Кит.-Вост. жел. дороги, не противоречащие постановлениям настоящего временного соглашения, сохраняют свою полную силу.

Дополнительное соглашение от 20 октября 1920 года само по себе является существенным нарушением договора 1896 года и основных прав русского правительства на дорогу.

III.

Для определения той роли, какую Кит.-Вост. жел. дорога играет в экономике Северной Манчжурии и как средство связи России с Дальним Востоком, необходимо учесть рост грузовой работы, равно как строение грузооборота Кит.-Вост. жел. дороги по номенклатуре груза. Кит.-Вост. жел. дорога содействовала превращению пустынной Манчжурии в заселенный район, по преимуществу земледельческого характера. Добывающая промышленность в Северной Манчжурии, составляя типические черты экономики края, уже сейчас подводит край к двум серьезным возможностям. Первая возможность намечает перспективы обрабатывающей промышленности края применительно к тому сырьевому запасу, который выбрасывает на рынок добывающая промышленность Манчжурии. Вторая возможность заключается в том, что Манчжурия в целом связалась с мировыми рынками, являясь громадным потребляющим районом, сильно развивая, благодаря наличию Кит.-Вост. жел. дороги, свою торговлю.

Со времени открытия движения перевозились коммерческие грузы *):

Годы.	Всего в тысячах пуд.	Годы.	Всего в тысячах пуд.
1902	14.643	1919	80.426
1910	58.197	1920	98.893
1915	112.412	1921	125.684
1916	127.964	1922	148.894
			предположено
1918	77.950	1923	155.000

Эти цифры чрезвычайно показательны, так как они свидетельствуют о том, что количество перевозок обнаруживает твердую тенденцию к возрастанию, несмотря на господствующий во всемирном масштабе кризис сбыта.

Грузовая работа охватывает собою деятельность Кит.-Вост. жел. дороги во всех направлениях:

*) Северная Манчжурия и Кит.-Вост. жел. дорога. 1922 г.

Участок Манчжурия—Харбин в 876 верст, Харбин—Пограничная в 515 верст, Харбин—Куань-чэн-цзы в 224 версты.

Кит.-Вост. жел. дорога обслуживала транзитные цели в особенности в период мировой войны. Так, в перевозках 1916 года исключительное значение имел транзит, давший 35% всех перевозок. Разрыв связи Кит.-Вост. жел. дороги с Западной Сибирью лишает Кит.-Вост. жел. дорогу транзитных грузов, перевозка коих лишь постепенно возобновляется, начиная с 1922 года.

Для характеристики строения всего грузооборота служит нижеприводимая таблица перевозок малой скорости:

Годы.	В мест. сообщен	Вывоз % ⁰ / ₀	Ввоз. % ⁰ / ₀	Тран- зит % ⁰ / ₀	Всего %%
1906	47,1	12,8	30,8	9,3	100
1910	21,3	52,4	18,8	7,5	100
1913	20,9	47,6	23,2	8,3	100
1916	19,5	30,4	15,1	35,0	100
1917	20,0	48,5	16,5	15,0	100
1918	25,0	57,4	16,8	0,8	100
1919	24,0	49,6	20,5	5,9	100
1920	23,0	61,0	15,9	0,1	100
1921	20,4	63,6	16,0	—	100

Вышеприведенная таблица с наглядностью указывает на то, что в период гражданской войны транзитные свойства дороги были сведены к минимуму и что лишь при самой тесной органической связи Кит.-Вост. жел. дор. со всею сетью российских дорог и, прежде всего, с сибирскими дорогами возможно восстановление транзита по Кит.-Вост. жел. дороге в прежних и больших размерах.

Этот же вывод с полной справедливостью можно отнести к рубрике ввоза в район Манчжурии с запада. Ввоз с Забайкальской дороги уже целиком диктуется товарными связями между Россией и Манчжурией, определяясь емкостью манчжурского рынка фабрикатов российской продукции, с одной стороны, и установлением такого типа взаимоотношений между Манчжурией и Россией, когда Манчжурия играла бы роль потребительского рынка.

Главное значение Китайско-Восточной жел. дороги—в вывозном его грузообороте. В 1906 году вывоз из Манчжурии, прошедший по линии жел. дороги, составил 12,8% всей торговли Манчжурии. В 1913 году вывоз был равен 47,6% торговли, а в 1921 году эта цифра поднялась до 63,6%. Говоря о вывозе из Манчжурии, приходится иметь в виду преимущественно два направления: 1) Уссурийское — на Владивосток и 2) Южно-манчжурское — на Дайрен.

Для определения природы манчжурского вывоза и учета роли обоих напра-

вливший — владивостокского и дайренского — необходимо принять во внимание, что по основной природе своего хозяйства Манчжурия представляется районом торгового земледелия. Та колонизационная волна, которая увеличивает население Манчжурии из года в год за счет излишков населения Северного Китая, прочно оседая в Манчжурии, занята такими культурами сельского хозяйства, которые связывают Манчжурию с мировым рынком. Благодаря этому, транспортные предприятия — и в первую очередь Китайско-Восточная жел. дорога и ее экономическая политика — представляются самым могущественным средством влияния на хозяйственную жизнь всего района.

Благодаря этим причинам борьба за Китайско-Вост. жел. дор. и приобретает такой острый характер. Претензии и домогательства Японии представляются существенными, с точки зрения планов японского империализма. Экономическое порабощение Манчжурии было бы для Японии невозможным, если бы Япония не имела к своим услугам и в своем распоряжении Южно-Манчжурской жел. дор. и не вела бы настойчивой борьбы за овладение Китайско-Восточной жел. дор. С этой точки зрения приходится расценивать Портсмутский мир, заключенный в 1905 году, разделивший жел. дорогу на две части, как разграничительный договор, отдававший Южную Манчжурию в сферу влияния Японии, а Северную Манчжурию — в распоряжение царской России.

Что касается распределения самых манчжурских грузов, составляющих главную часть экспорта Манчжурии в потребляющие страны, то в 1919—20 г. картина представлялась в следующем виде. В Японию ушло 73,5% всех грузов, в Европу и Америку—10,6%, в Китай и в другие государства—15,9%.

В виду преимущественной роли, какую играет Япония, как потребитель манчжурских хлебных продуктов и в особенности манчжурских бобов и жмыхов, Япония приложила все усилия к тому, чтобы Дайрен получил господствующее значение в отношении привлечения к себе экспортных грузов всей Манчжурии. За последние годы роль Дайрена, как экспортного пункта, чрезвычайно возросла, несмотря на то, что восточное направление, т.е. направление на Владивосток, имеет целый ряд преимуществ перед Дайреном.

Эти преимущества заключаются, прежде всего, в том, что расстояние, отделяющее Владивосток от Харбина, меньше, чем расстояние, отделяющее Дайрен от Владивостока. Другим преимуществом является то обстоятельство, что манчжурский экспорт естественно тяготеет к северу — к Харбину, концентрирующему в себе все излишки экспорта. Весьма значительным преимуществом восточного направления является также и то обстоятельство, что грузы, идущие на Владивосток, не требуют перегрузки, как это имеет место при отправке грузов в южном направлении, где на ст. Чан-чунь грузы должны быть перемещены на Южно-Манчжурскую дорогу более узкой колеи.

Несмотря на все выгоды и преимущества, какие представляет собой влад-

востокское направление, прибытие грузов в Дайренский порт за последние 10 лет возросло на 181%. Объяснение этому явлению приходится искать, помимо общих причин, также в тех мерах содействия, какие японское правительство осуществляет в Манчжурии. Сюда относятся средства на портовое оборудование, привлечение в порт японского тоннажа, организация маслодельной промышленности в Дайрене, система банковского кредита во всей Манчжурии и вся сумма колонизаторских методов, которая усердно и настойчиво проводится Японией в отношении этого района.

Усиление грузооборота в дайренском направлении имело место в особенности в период последних лет, когда Китайско-Восточная жел. дорога попала в руки Русско-Азиатского банка и его администрации, обеспечивающей всякими тарифными соглашениями с Южно-Манчжурской жел. дор., привлечение грузов вместо Владивостока на Дайрен. Особенно любопытным является постановление японского съезда 1922 г. представителей Китайско-Восточной и Южно-Манчжурской жел. дор. в Чан-чуне, где «русская» администрация Кит.-Вост. жел. дороги уравнила тарифную плату за провоз хлебных грузов от Харбина на Дайрен и на Владивосток, несмотря на то, что расстояние от Харбина до Владивостока на несколько сот верст меньше расстояния до Дайрена. Это положение создало ряд стимулов для движения грузов на Дайрен. Таким образом, управление Китайско-Восточной жел. дор. до подписания тов. Караханом договора с Китаем не только лишило эту дорогу серьезного и большого значения, какое она могла иметь в экономической жизни Манчжурии в интересах самого Китая, но превратила эту дорогу попросту в подъездную ветку Южно-Манчжурской железной дороги.

Несмотря на все усилия, все мероприятия, какие администрация Русско-Азиатского банка, опирающегося на авторитет Франции, применяла для ликвидации владивостокского направления, уже в 1921 году во Владивосток ушло около 22% всего хлебного экспорта Манчжурии, правда, вместо 65% 1911 года. Хлебный экспорт на Владивосток за 1922—23 год значительно возрос.

Чтобы усилить владивостокское направление, необходимо было прежде всего ликвидировать «русскую» (читай—французскую) часть правления Китайско-Восточной жел. дор., как одно из самых серьезных препятствий к дальнейшему экономическому развитию самой дороги и всего края. Необходимо также организовать ряд мер, которые в своем совокупном действии могли бы поставить Владивосток в преимущественное перед Дайреном положение. Сюда относятся вопросы дальнейшего совершенствования портовых оборудований, правильной систематизации экспортных грузов, создание строгих и точных стандартов бобов и жмыхов и обезличение их, облегчение технических условий перевозки и хранения грузов, кредитование под экспортные грузы, привлечение американского капитала, весьма заинтересованного в направлении манчжурских грузов вместо Дайрена во Владивосток.

Серьезным условием, обеспечивающим успех владивостокского направления, был вопрос о судьбе Эгершельда — той части владивостокского порта, в которой сосредотачиваются все экспортные грузы, прибывающие из Манчжурии. Эгершельд до недавнего времени находился в арендном пользовании и фактическом распоряжении Кит.-Вост. жел. дор. Администрация Кит.-Вост. жел. дороги могла не только наносить ущерб дороге, путем тарифных соглашений с Южно-Манчжурской жел. дорогой, но и путем неправильной эксплуатации Эгершельда. Представлялось необходимым в интересах привлечения экспортных грузов на Владивосток изъять Эгершельд из управления Китайско-Восточной жел. дороги и передать Эгершельд Уссурийской жел. дороге.

Шум, поднятый черносотенными кругами в Харбине в связи с изъятием Эгершельда из рук Кит.-Вост. жел. дороги, всего лучше удостоверяет правильность сделанного шага. Полный контроль Советской власти над всеми сооружениями Эгершельда, над пайгаузами, причальными пловучими понтонами, сортировочными парками, цистернами и другими сооружениями, обеспечивающими успешность операций по перевозке экспортных грузов, в условиях полного доверия широких масс населения к Советской власти на Дальнем Востоке, способен содействовать разрешению задачи по концентрации грузов во Владивостоке, а не в Дайрене.

Классификация грузов, перевозимых по Кит.-Вост. жел. дороге, говорит о том, что хлебные и бобовые грузы составляют значительную долю всех перевозок.

Хлебные грузы идут в обоих направлениях — и во Владивосток, и в Дайрен, — обслуживая в первом случае потребность русского населения в хлебопродукте, во втором — связывая Манчжурию с мировым хлебным рынком. Следующей группой являются перевозки лесных материалов, составлявших в 1921 году 8% грузооборота. Далее следуют уголь, камень, известь и проч. транзитные товары. Мануфактуры перевезено в 1921 году 1.255 тыс. пуд., сахару—91 тыс. пудов, керосина—540 тыс. пуд., табаку—392 тыс. пуд. Надо принять во внимание, что 1921 год является всего менее характерным, в особенности в области транзитной торговли, в виду разрыва связи с Сибирью и с Россией в целом *).

Кит.-Вост. жел. дорога усиливала также свое пассажирское движение, которое колеблется в нормах 25—30% ко всей доходности дороги. Сравнение доходности Кит.-Вост. жел. дороги с другими железными дорогами за довоенный период идет к выгоде Кит.-Вост. жел. дор., составляя на Кит.-Вост. жел. дор. одну четвертую часть общих доходов, а на российских дорогах — одну пятую. Любопытно отметить, что свыше 90% пассажиров следует в третьем и в четвертом классах. Значительная масса пассажирского потока идет с юга, что объясняется общими тенденциями колонизации края.

Роль Кит.-Вост. жел. дороги должна быть учтена в свете внешней и вну-

*) Северная Манчжурия и Кит.-Вост. жел. дорога. 1922 г.

тренней торговли самой Манчжурии. В этом отношении важно отметить, что Манчжурия рассматривалась, как рынок сбыта русских фабрикатов, преимущественно мануфактуры, несмотря на то, что российская промышленность довоенного времени меньше всего считалась со вкусами туземного населения и с низкой покупательной способностью земледельческого населения Манчжурии, открывая большие просторы японским фабрикатам. Этим объясняется, что в годы перед войной мануфактура, ввозившаяся по Южно-Манчжурской железной дор., т.-е. из Японии, составляла уже 40% всего мануфактурного ввоза, проявляя неуклонную тенденцию к возрастанию.

То же явление наблюдалось и в отношении железа, железных изделий и других импортных товаров. Лишь в отношении сахара первая роль неизменно принадлежала России, ввозившей сахар с юга России морским путем. Второе место по ввозу из России занимал керосин, спирт, металлические изделия, железнодорожные материалы, готовое платье, мыло, галантерейные товары, резиновые изделия, табак и обувь.

В 1913 году общее количество ввоза с русской территории, считая ввоз по Амурской границе и по Сунгари, за исключением соли, привозившейся во Владивосток из города Инкоу, равнялось 3.308.400 пудам, что составляло 19% всего импорта товаров в Северную Манчжурию.

Если распределить ввозимые из России товары по группам в соотношении ко всему ввозу товаров, то картина экономических взаимоотношений России с Манчжурией, благодаря Кит.-Вост. жел. дор., представится в следующем виде. Ввоз русской мануфактуры составлял всего 26% общего ввоза этих товаров, керосина—12%, сахару—63%, железа, стали и изделий металлических—43%, писчебумажных товаров—13%, аптекарских и москательных товаров—27%, галантерейных—4%, табаку—53%, лесных строительных материалов—98%. Из всего же количества экспортируемых по железной дороге грузов в Россию отправлялось около 10% грузов.

Картина меняется с 1917 г., достигая кризисных пунктов в 1920—22 годах, совпадающих с общемировым кризисом. Манчжурия пытается выйти из состояния кризиса путем вывоза своего хлеба на мировые рынки. Эти же годы ознаменовываются усилением импорта по Южно-Манчжурской жел. дор., т.-е. из Японии. В 1920 году общее количество ввезенных в Северную Манчжурию товаров составило около 36 милл. пудов, из какового количества с юга привезено 34,7 милл. или 97% против 63% в 1913 году. Это увеличение японского ввоза идет за счет сокращения ввоза с русской территории, упавшего до 3% к общей цифре ввоза.

Учет экономического значения Китайско-Восточной жел. дор. в свете тенденции к развитию самой Манчжурии проливает свет на вопрос о той роли, какую Кит.-Вост. жел. дор. должна играть в развитии экономических взаимоотношений между СССР и Китаем.

Необходимо остановиться также и на характеристике самой дороги и ее инвентаря, чтобы вопрос о ценности имущества, принадлежащего трудящимся массам нашей Республики, предстал во всем своем объеме.

IV.

Протяжение Китайско-Восточной жел. дороги составляет из следующих данных: длина главной линии от ст. Манчжурия до границы с Уссурийской дорогой — ст. Пограничной — 1.389 верст, от Харбина до ст. Куань-чэн-цзы — 223 версты, а всего 1.612 верст. По данным на 1920 год инвентарь дороги составлялся из 491 паровозов — пассажирских и товарных, не считая 107 декапотов, заказанных в Америке для российских жел. дорог и не сданных российскому правительству, 11.578 вагонов всех видов. Китайско-Восточная жел. дорога имеет также свою речную флотилию, состоящую из 11 пароходов, 30 барж, землечерпалок, большого количества джонок и моторных катеров. Китайско-Восточная жел. дорога хорошо оборудована гражданскими сооружениями, пассажирскими платформами, специальными помещениями для товаров, зданиями для ремонта подвижных составов, главными мастерскими, водоемными зданиями, каменными резервуарами, телеграфным устройством, зданиями, училищами, школами, общежитиями, торговыми рядами и проч.

Основные взаимоотношения Общества Кит.-Вост. жел. дор. с российским правительством были предусмотрены уставом О-ва, состоящим из 30-ти пунктов. В 1-м пункте имеется ссылка на договор 1896 г. с указанием, что в обществу переходят все права и обязанности по сооружению и эксплуатации дороги. Пункт 3-й устава удостоверяет, что истинным хозяином Кит.-Вост. жел. дороги является российское правительство. Этот пункт гласит: «Признавая, что предприятие Кит.-Вост. жел. дор. будет осуществлено вследствие дарования русским правительством гарантии доходам дороги, как для покрытия расходов по эксплуатации, так и для производства обязательных по облигациям платежей, О-во со своей стороны принимает перед русским правительством на весь срок концессии нижеследующие обязательства». Таким образом, Русско-Азиатский банк обязывался перед О-вом Кит.-Вост. жел. дор., а О-во Вост.-Кит. жел. дор. обязывалось перед российским правительством, являвшимся единственным собственником этой дороги.

Все остальные пункты устава лишь детализируют п. 3-й, нигде не расходясь с основным принципом, устанавливающим право собственности российского правительства на КВЖД. Пункт 7-й гласит о том, что перевозка грузов и пассажиров по Кит.-Вост. жел. дор. должна идти согласно правил, действующих на русских дорогах. Пункт 12 налагает на О-во обязательство все поступающие по облигациям суммы держать под особым наблюдением министра финансов. Пункт 16-й еще с большей определенностью выявляет собственника дороги. Этот пункт гласит: «Если бы валовой доход дороги оказался недостаточным для покрытия рас-

ходов по эксплуатации и для покрытия ежегодных по облигациям платежей, то недостающие суммы правление О-ва будет получать от русского правительства через русского министра финансов».

Если этот пункт и ему предшествующие пункты утверждали права собственности русского правительства на дорогу, то п. 27 того же устава говорит о праве владения и распоряжения самими судьбами дороги со стороны органов русского министерства финансов. Согласно п. 27 «Общество обязуется представлять на одобрение министра финансов все вопросы, обнимающие все области постройки и эксплуатации, имеющие сколько-нибудь важное значение, а также назначение лиц на ответственные посты, начиная с начальников отдельных служб, а равно и порядок внутреннего устройства по всем частям управления дороги».

В дополнение ко всем материалам исторического характера, устав О-ва Кит.-Вост. жел. дороги является еще одним доказательством, с полной категоричностью устанавливающим права собственности русского правительства на самую дорогу.

V.

Общие выводы в отношении Кит.-Вост. жел. дороги и оценки ее роли для развития добрососедских отношений между Союзом Республик и Китаем удостоверяют: 1) что КВЖД является самым значительным звеном, связывающим РСФСР, территорию Сибири, Сибирские жел. дор. с русским Дальним Востоком. Эта связь является наиболее короткой, наиболее удобной и наиболее дешевой. Связь Союза Республик с русским Дальним Востоком при посредстве Амурской дороги является связью недостаточной, в виду технических недостатков самой дороги, а также в виду того, что путь по Амурской жел. дор. длиннее, чем по Кит.-Вост. жел. дороге на 514 верст; 2) что Китайско-Восточная жел. дор. представляет исключительный интерес для Союза Республик и с экономической точки зрения, связывая наш Союз с богатствами наших земель на русском Дальнем Востоке и открывая для Союза Республик возможность установления делового контакта с за-океанскими государствами. Сюда же относится и роль Владивостока, как порта, могущего быть использованным в интересах развития нашей торговли и как транзитный пункт; 3) что Китайско-Восточная жел. дорога имеет огромное стратегическое значение, толкающее японский генеральный штаб на путь вечных авантур в самой Манчжурии, имеющих своей конечной целью — захват самой дороги; 4) что развитие Манчжурии, как территории самого Китая, а не как колонии японского капитала, возможно лишь при тесном сотрудничестве Китая и СССР в вопросах использования Китайско-Восточной жел. дор., долженствующей играть роль основного нерва жизни всей Манчжурии, а не роль придатка или под'ездного пути к Южной Манчжурской жел. дор.; 5) что исторические документы, предшествовавшие заключению договора 1896 г. и самый договор 1896 года, поставленный рядом с уставом

О-ва КВЖД, равно как вся сумма фактических и правовых отношений, существовавшая на протяжении свыше 15 лет между Китайско-Восточн. жел. дор. и Россией, удостоверяют незыблемые права собственности российского правительства на эту дорогу.

Равновесие на всем Дальнем Востоке восстановится лишь с возобновлением экономических связей СССР с Манчжурией, а это в свою очередь предполагает, что КВЖД будет обслуживать СССР и Китай в интересах укрепления и упрочения обеих республик, а не интересы французских, японских и американских капиталистов, враждебных Китаю и СССР.

Все эти принципы послужили основанием для того договора о Кит.-Вост. жел. дороге, который был заключен осенью 1924 года и который открывает новую блестящую страницу в истории взаимоотношений СССР и Китая, борющегося за свою независимость.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СССР С МАНЧЖУРИЕЙ.

Едва ли не самой модной темой в хозяйственных кругах и при том темой, не искусственно поставленной какой-либо группой хозяйственников, а естественно рожденной из совокупности потребностей нашей экономики, являлась тема о расширении и углублении нашего экспорта.

Практическое разрешение экспортных проблем постоянно сосредоточивается в западном направлении. Такое положение находит свое оправдание в объективных условиях нашей экономики, в особенности в условиях прошлого экономического развития России. Торговый баланс России имел в своем основании товарооборот с Западной Европой по преимуществу.

Вряд ли, однако, такое сосредоточенное отношение к западному направлению вне учета направления на Восток исчерпывает потребности всей нашей экономики с неизбежными путями ее будущего развития. СССР удалось в самом корне изменить отношения со странами Востока. Политический авторитет Советской власти в странах Востока, естественно, предполагает закрепление и утверждение советского влияния путем расширения экономических связей, путем пульсирования процесса живого товарооборота продукции СССР и стран Востока.

Соответственный учет экспортных возможностей в восточном направлении, изучение обстановки, благоприятствующей развитию этого экспорта, и устранение причин, его стесняющих, в значительной степени способны разрешить экспортную проблему в целом. В свою очередь, благополучное разрешение этого основного «китового» вопроса развязывает нашу экономику, вынося ее на широкий путь свободного развития в новых хозяйственных формах.

Говоря о восстановлении торговли России с Дальним Востоком, надо помнить, что вопрос распадается на две части. Первая охватывает круг торговых взаимо-

отношений с Дальним Востоком в узком значении этого понятия, т.-е. связь с русским Дальним Востоком. Вторая часть должна иметь в виду восстановление торговых связей с Дальним Востоком в целом. Другими словами, речь идет о торговых взаимоотношениях, которые должны охватывать не только территории, составляющие границы СССР, но и территории, экономика которых тесно переплетается с экономикой России. На Дальнем Востоке переплетающиеся интересы этих территорий не укладываются в рамки экономической географии СССР. Речь идет об экономическом взаимодействии областей советского Дальнего Востока с областями Северного Китая и, в первую очередь, с Манчжурией.

Снабжение первой области к востоку от озера Байкал, Забайкалья, товарами, отвечающими потребностям населения этой области, не вызывает «принципиальных» затруднений. Разрешение вопросов снабжения этой области—дело добросовестной калькуляции себестоимости в центре, учета потребностей на местах, покупательной способности населения, т.-е. емкости рынка, плюс учет транспортных, накладных и иных расходов.

Экономическое значение восстановления торговых связей с Забайкальем ограничивается основными элементами экономики самого края. Забайкалье в состоянии выбрасывать больше богатств в Россию, чем поглощать из России. Горные богатства Забайкалья предопределяют превращение этого края в промышленный район исключительно важного значения, а в ближайшем будущем — в питательную базу тяжелой индустрии СССР.

Основные рынки лежат не столько в Забайкалье, сколько в местах, идущих к востоку от него. Здесь мы вплотную подходим к районам, прилетающим к главной артерии Дальнего Востока—к Кит.-Вост. жел. дор. Эта дорога является ближайшим, скорейшим, а при благоприятных тарифных условиях, и самым дешевым путем, связывающим Советский Союз транзитом с Владивостоком и Приморьем, с Северным Китаем и Манчжурией. Связь с Манчжурией, с свою очередь, несет в себе благоприятные возможности, разрешающие основные задачи нашего экспорта на Дальний Восток в целом.

Должен ли Советский Союз браться при разрешении задачи восстановления торговых связей с Дальним Востоком за восстановление своих взаимоотношений с Манчжурией или, наоборот, Советская Россия с самого начала должна отказаться от всяких попыток к экономическому сближению с Манчжурией? Ответом на этот вопрос, исторически уже поставленный СССР, может быть только отчетливое утверждение о необходимости включения в экспортные схемы СССР с Дальним Востоком Северной Манчжурии и использования Кит.-Вост. жел. дор., как основного звена всей системы мероприятий по возобновлению взаимоотношений Союза Республик с далекой окраиной.

Более того, СССР не может при правильном учете обстановки уклониться от

разрешения этой задачи, чтобы не поставить свою экономику через какой-то срок в весьма затруднительное положение. Учет обстановки требует прежде всего констатирования тенденций японского капитализма к захвату Манчжурии в целом. Поскольку речь идет о Южн. Манчжурии, эта задача почти удалась Японии. Японский капитал, раскинув свою сеть и в Северной Манчжурии, проводит свое влияние не только при помощи и при посредстве своих экспортных контор и комиссионных предприятий, но и пользуется аппаратом китайской политической власти в крае, возглавляемой небезызвестным Чжан-Цзо-лином.

Северная и Южная Манчжурия неизбежно вызывают аналогию с Северной и Южной Персией времен русско-английского раздела (1907 г.) Персии на сферы влияния, с тем лишь характерным отличием для Манчжурии, что захват ее японским капиталом несет в себе угрозу захвата, или, по крайней мере, экономического порабощения районов, к ней прилегающих, т.е. советских областей на Дальнем Востоке.

Экономическая «стратегия» вынуждает СССР к мерам самообороны. Эти меры, в первую очередь, предполагают закрепление экономического влияния СССР на Дальнем Востоке в самой Манчжурии. Эту задачу тем легче разрешать, что Манчжурия экономически тяготеет к СССР, а китайское крестьянство, при установлении реальных связей с СССР, было бы освобождено от колонизаторских опытов Японии в Манчжурии. Речь идет о таких взаимоотношениях с Манчжурией, которые в самом корне отрицают какую-либо возможность экономического порабощения Манчжурии.

Одной из самых существенных частей экономики Дальнего Востока является Северная Манчжурия. С этой обширной территорией СССР переплетается сложными историческими нитями и большими экономическими связями.

Историческая связь России с Манчжурией восходит к тем временам, когда царское правительство сложной системой мероприятий пыталось колонизовать Манчжурию. Наследство царской России необходимо было пересмотреть, упорядочить, отбросив раз и навсегда империалистические планы, составлявшие основу и содержание дальневосточной политики царизма. Задача ликвидации тяжкого наследия далеко не легкая задача. Манчжурия—область, на которую посягает мировой империализм. Приходится в Манчжурии преодолевать препятствия не только китайского мандарината (чиновничества) и китайской военщины, но и агентуры всех капиталистических государств.

Экономические нити идут от советского Дальнего Востока к Манчжурии и обратно. Достаточно лишь указать, что излишек одного зерна, подлежащего экспорту из Манчжурии, составляет не менее 100 милл. пудов в год. Манчжурское зерно питает собою все русское Приморье.

Говоря о Манчжурии, приходится иметь в виду и те большие торговые цен-

тры, которые в процессе развития экономических отношений создались и окрепли в Северной Манчжурии. Речь идет о самой станции Манчжурия, о Хайларе, Цицикаре, Харбине и о ст. Пограничная. Эти пункты в период гражданской войны играли роль центров, в которых зрели все белые авантюры, в которых складывались организации белогвардейцев, поддерживавшихся мировым капиталом.

Кульминационным пунктом в развитии товарооборота с Манчжурией является 1917 год. Начиная с 1918 года, полоса Китайско-Восточной жел. дороги и вся Манчжурия в целом становятся ареной белых авантур и плацдармом международной реакции и интервенции. Очищение Забайкалья от белогвардейцев в районе Забайкалья совершается в конце 1920 г., и уже в 1921 г. Манчжурия вновь приобретает роль важного экономического центра.

Анализ цифр движения грузов через станцию Манчжурия в 1921 году и в первые 10 месяцев 1922 года дает яркую иллюстрацию экономического значения этого района для советского Дальнего Востока.

Погрузки в западном направлении.

	1921 г.	В тыс. пудов. Первые 10 месяцев 1922 г.
Пшеница	1.061	2.933
Мясо, рыба и жмых.	71	67
Зелень	39	61
Бакалейные товары	35	14
Металлические и жест. изделия.	33	10
Сахар	30	94
Мыло	14	3
Текстильный товар.	13	29
Табак	6	8
Обувь	11	5

Грузы в Манчжурию.

	1921 г.	Первые 10 м-цев 1922 г.
Уголь.	719	759
Дрова.	627	389
Железо.	10	—
Меха.	4	5
Шерсть, кожа.	2	27
Цемент	—	26
Асфальт.	—	7
Асбест	—	5

Характер ввоза и вывоза за указанные периоды, несомненно, потребительского свойства, не дающий картины тех действительных экономических взаимоотношений, какие могли бы установиться между СССР в целом и Маньчжурией. Приходится брать в учет, что все вышеуказанные данные относятся к периоду, когда Советская Россия непосредственного участия в экономической жизни Дальнего Востока не принимала и принимать не могла. Тому было много причин, из которых главнейшие заключались, во-первых, в необходимости ликвидации японской интервенции на Дальнем Востоке и, во-вторых, в том, что СССР приступил к организации своего собственного хозяйства всего лишь несколько лет тому назад. Союз Республик подходит к моменту, когда его хозяйство в состоянии выбросить на русский Дальний Восток и в Маньчжурию большую группу товаров своей трестированной промышленности. Необходимо также помнить и о том, что низкий уровень вышеприведенных цифр объясняется также невысокой покупательной способностью населения Дальнего Востока, истощенного пребыванием иностранных войск на русской территории.

Однако, даже в учете всех этих обстоятельств кривая роста наших торговых взаимоотношений с Маньчжурией в 1922 году уже дает показательные данные, а в 1923 году, по данным Сибвнешторга, количество экспортных грузов измеряется цифрой в 13½ миллионов пудов ценностью в 80 милл. золотых рублей. Речь идет только о грузах, уже имевшихся на складах Сибвнешторга и предназначавшихся к вывозу в Маньчжурию.

Самая постановка вопроса о восстановлении экономических связей с Маньчжурией несет в себе не только перспективы экономического благосостояния края, но и выявляет положительную сторону утверждения советской власти на берегах Великого океана. Активная роль, какую СССР будет играть в экономике Дальнего Востока, избавляет край от опасности превратиться в колонию или полуколонию мирового империализма и дальне-восточного хищника — Японии. Опыт, в широком масштабе развиваемый СССР на русском Дальнем Востоке, является как нельзя более исторически своевременным и ярко показательным для стран Дальнего Востока, экономикой и жизнью которых сейчас распоряжаются мировой банкир и фабрикант.

4. ДОГОВОР ДРУЖБЫ СССР С КИТАЕМ.

Признание СССР Китаем является актом огромного политического значения. Прежде всего, обращает на себя внимание обстановка, сопровождавшая подписание договора о признании СССР Китаем.

Договор был подписан в один из майских дней 1924 г. в Пекине и лишь по подписании сделался достоянием гласности. Процесс переговоров между СССР — в лице тов. Л. М. Карахана — и Китаем — в лице министра многосторонних дел Веллингтона-Ку — держался в строгой тайне.

Своеобразие «тайного» договора, заключенного между двумя великими республиками, существенно отличается от тайных договоров свергнутого царского правительства и капиталистических правительств вообще.

Те тайные договоры были соглашениями империалистических государств, воодушевленных грабительской идеей. Тайные договоры международных капиталистов и банкиров преследовали одну лишь цель — угнетение трудовых масс населения.

Сохранение же в тайне самого процесса переговоров СССР с Китаем и процедуры подписания договора имеют иные мотивы. Эти переговоры держались в тайне от империалистических правительств и дипломатического корпуса Пекина. Секретность ведения переговоров была лишь методом самообороны трудовых масс Китая и СССР от нападающей стороны — международной капиталистической дипломатии.

Капиталистический мир всеми силами стремился к срыву соглашения между рабоче-крестьянской властью и угнетенным Китаем. Еще в те времена, когда Советская федерация боролась за право своего существования, отбиваясь на всех фронтах от империалистов и отечественной контр-революции, была послана в Китай первая миссия от тогдашней Дальне-Восточной Республики. То было в июле 1920 года, когда Советская Россия делала первую попытку громко заявить трудящимся массам Китая о существовании Советского государства, борющегося против объединенного, озлобленного и вооруженного до зубов капиталистического мира.

Дипломатический корпус империалистических государств, уютно расположившись в самом Пекине, на территории, находящейся под охраной капиталистических войск, требовал от правительства Китая невыдачи миссии Дальне-Восточной Республики разрешения на въезд в Китай.

С упорством и настойчивостью, характерными для рабоче-крестьянской власти, первая советская миссия в форме делегации от ДВР добивалась своего права на пребывание в Пекине, в той самой столице Китая, судьбами которого так бесцеремонно распоряжаются дипломаты капиталистических государств.

Из этой борьбы между красной дипломатией и дипломатией международного капитала победительницей вышла рабоче-крестьянская власть. Китай разрешил въезд первой миссии и уже тогда приступил к выяснению основ будущего соглашения между двумя великими республиками.

Ненависть империалистов к Советской России в этот момент сменяется страхом перед растущим влиянием и крепнущим авторитетом советской власти среди трудовых масс многомиллионного Китая. Причины этого страха очевидны. Китаем распоряжается империалистическая буржуазия, как своей полуколонией. Капиталисты разных государств чувствуют себя в Китае иной раз много удобнее, чем в своих государствах, в которых им приходится встречаться с сопротивлением и борьбой рабочего класса.

Мировой империализм вырвал у Китая, в результате жестоких войн, 55 городов, так называемых «договорных портов», в которых мировая буржуазия и ее агенты свободно распоряжаются, хозяйничают, торгуют, устраивают фабрики и заводы, расхищают сырьевые богатства Китая, наводняют рынок фабрикатами своего производства. В этих городах, находящихся под контролем империалистических правительств, хозяйничают иностранные войска и полиция, контр-разведка, миссионер и иностранный судья, не признающий законов самого Китая, распоряжающийся не только судьбой иностранцев на чужой территории, но и жизнью самих китайцев.

Советская Россия, еще до отправки своей миссии ДВР, в своем первом обращении к правительству Китая, подписанном тов. Караханом, категорически отвергла те основы международных договоров с Китаем, которые превращают эту богатую страну в полуколонию.

Советская Россия объявила новые принципы международного общения. Начало взаимности, признание суверенных прав народа, отказ от захвата территории в Китае, от права на размещение в Китае иностранных войск и полицейских отрядов, отказ от пребывания в Китае иностранных крейсеров и бронепосцев, от своей юрисдикции и иностранного суда, наконец, отказ от боксерской контрибуции в пользу самого Китая, — вот те принципы, кои были возведены миллионам китайских крестьян и рабочих советской властью.

Это обращение Советской России к Китаю и является поворотным пунктом международных взаимоотношений в Китае. Подписание договора СССР с Китаем на новых началах, признание политических прав Китая открывало бы новую эру в истории борьбы Китая за свое освобождение и национальное раскрепощение.

Китай, по выражению тов. Ленина, — резерв угнетенного человечества. Его борьба за освобождение от ига империализма должна видоизменить и опрокинуть все карты и расчеты империалистических государств, подрывая в основе самые корни существования капиталистического мира.

Китай и его сырье являются тем резервуаром, который питает мировое капиталистическое хозяйство.

Вот почему империалисты всех стран так ревниво оберегали Китай от всякого соприкосновения с Советской Россией. Дипломатический корпус Пекина из всех сил старался сорвать самое соглашение Китая с СССР. Поэтому процесс переговоров и процедура подписания договора о взаимном признании держались в строгой тайне от империалистических государств.

Значение нового международного акта, прежде всего, исключительно велико для самого Китая. В новейшей своей истории Китай впервые подписывает договор с мощным государством, основанный на началах взаимности, а не на одностороннем и произвольном расхищении богатств Китая и эксплуатации миллионов его населения.

Договор Китая с СССР дает возможность Китайской республике ставить вопрос о пересмотре своих договоров с капиталистическими государствами. Положение, при котором Китай пользуется всеми правами признанного великого государства, наряду с договорами, отрицающими права на самостоятельность того же Китая, не может быть длительным.

Этим-то и объясняется та борьба, которую передовые массы Китая вели за скорейшее и полное признание СССР. Что это так, видно даже из того, что реакционные военные группировки Китая, постоянно между собою враждующие, под давлением масс своей страны должны были в свою очередь потребовать признания СССР. Этот момент является едва ли не наиболее характерным в современной истории Китая. У-Пей-фу и Цао-Кунь, возглавляющие чжилийскую военную партию, с одной стороны, и Чжан-Цзо-лин, возглавляющий собою, так называемую, мукденскую военную клику, с другой стороны, находясь в условиях постоянной вражды, признали Союз Советских Социалистических Республик.

Го-минь-дан вела энергичную и упорную борьбу за признание СССР.

В Китае не было группировок, враждебно настроенных к признанию СССР, если не говорить об отдельных агентах, попросту состоящих на службе у мирового империализма. Признание СССР Китаем явилось, таким образом, актом, содействующим национальному подьему Китая и живым импульсом к борьбе трудящихся масс против мировых угнетателей.

Мировой империализм был поставлен перед фактом огромного исторического значения. Новая победа красной дипломатии на дальне-восточном фронте вырвала из рук мирового капитала еще одно орудие борьбы против Советской России. После ряда побед, одержанных красной дипломатией СССР в Западной Европе, признание Китаем Союза Республик является как бы завершением цикла побед, утверждающих международное положение трудового государства.

Вместе с признанием, договор разрешил также и вопрос о Китайско-Восточной железной дороге. Из всех вопросов, переплетающих судьбу нашего Союза с судьбою Дальнего Востока, вопрос о Китайско-Восточной жел. дороге являлся самым большим и самым серьезным.

Судьба Кит.-Вост. жел. дороги отныне находится в руках двух великих республик, без права третьих держав на какое-либо вмешательство в этот вопрос.

Уже одно это обстоятельство вместе с юридическим признанием СССР открывает блестящие перспективы для экономического сближения обеих республик. Торговая политика СССР в отношении к странам Востока основана на принципах, отличных от тех, какие осуществляют капиталистические государства. СССР ставит своей целью в деле развития экономических взаимоотношений со странами Востока — развитие их производительных сил. Манчжурия, ныне находящаяся в положении колонизаторских опытов Японии и других капиталистических держав, должна быть освобождена от посягательства мирового империализма. Манчжурия должна

установить с СССР такой тип торговых взаимоотношений, который, не угрожая политическому суверенитету Китая, в то же время обеспечивал бы благосостояние и экономическое развитие обширного района.

Признание СССР и является моментом, предопределяющим собою будущее экономические связи Китая и нашей республики. Наша промышленность и государственная торговля получают еще один импульс к своему развитию. Наша восточная торговая политика, уже осуществляемая реально в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, обогатится еще новою страной на Дальнем Востоке — Китаем.

Признание СССР Китаем, упрочивая наше международное положение в целом, дает возможность СССР сделаться активным фактором дальневосточной политики.

Сумма вопросов, объединяемых Тихоокеанской проблемой, исключительно важна и серьезна. Центр тяжести мировой политики в течение последних десятилетий систематически перемещался от берегов Атлантического океана к берегам Великого океана. На берегах Тихого океана завязываются те отношения, которые предопределяли собою дальнейшее развитие событий мирового характера и значения.

Японо-китайская война 1894—1895 г.г., японо-русская война 1904—5 г.г., боксерское восстание 1901 года, аннексия Кореи в 1910 г., англо-японский договор, троекратно возобновлявшийся, создание сфер интересов и сфер влияния на Дальнем Востоке — вот та схема вопросов, которая составляла важнейшую часть содержания мировой истории за последние три десятилетия.

Соревнование Японии и Америки на берегах Тихого океана и союзная интервенция на территории русского Дальнего Востока придали Тихоокеанской проблеме характер особой важности и создали положение, чреватое кровавыми схватками империалистических держав за счет трудовых масс Востока.

До признания СССР рабоче-крестьянским массам Дальнего Востока пришлось вести отчаянную борьбу за очищение своей территории от иностранных войск Японии, Франции, Англии, Америки, Чехо-Словакии, Италии и других государств. В результате двухлетней героической борьбы, русский Дальний Восток был освобожден от интервентов.

Для разрешения же Тихоокеанской проблемы во всем огромном ее целом было необходимо, чтобы СССР сделался фактором не только политики на русском Дальнем Востоке, но и фактором международного значения.

Эта цель достигается подписанием договора с Китаем, в силу которого обе державы имеют общие цели по обеспечению мирного развития трудовых масс своих народов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Борьба за власть в Китае.

1. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ.

Существует мнение, и притом весьма распространенное, среди иностранцев, живущих в Китае, и даже среди самих китайцев, что происходящая в Китае война военных губернаторов—дучюнов—между собою ничего общего с подлинной китайской жизнью не имеет. Это мнение глубоко ошибочно. Борьба военных губернаторов прикрывает собою более глубокие процессы классовой борьбы, заострившейся в период китайской революции в 1911 году и после нее.

История знает случаи, когда происходящие на поверхности политической жизни события являлись при всей своей видимой, внешней разобщенности с первоисточником—отражением классовой борьбы, шедшей в самых глубинах «общества». Религиозные войны средневековья прикрывали собою классовое движение, борьбу буржуазии против феодальной аристократии.

Борьба китайских дучюнов—явление, всеми корнями уходящее в подпочву китайских общественных отношений, в социально-экономические условия жизни Китая. В своем основном признаке—гражданская война, временами принимающая характер длительных военных эпизодов в Китае, служит выражением незавершившегося процесса борьбы национально-раскрепощающегося Китая с остатками феодальной власти, цепко хватающейся за всякую возможность продлить свое существование. Одним из наиболее кризисных элементов в этом судорожном стремлении к жизни разлагающихся остатков феодальной власти является помощь и поддержка, оказываемая китайской контр-революции мировым империализмом.

Таковы основные признаки тех явлений, которые в своей совокупности обьют не только политическую «систему» Китая, отданного на «поток и разграбление» отдельным губернаторам-дучюнам, но и безвластное пекинское правительство, покорное воле «сверх-дучюнов», чуткое к настроениям дипломатического корпуса.

Борющиеся губернаторы, захватившие Китай, являются живым наследием эпохи китайской революции. Китай спавался воедино насильственным правлением династии манчжуров. На протяжении минувших веков Китай представлял собою чрезвычайно пестрый и разнообразный экономический рисунок. Крупнейшие районы Китая отличались друг от друга характером экономических условий, производственными отношениями, населением и бытовыми особенностями. В пределах этих районов—провинции или области не были связаны между собою органической нитью производства и обмена, живя каждая своею обособленной жизнью. В пределах провинций отдельные родовые, клановые натуральные хозяйства жили своим особым, внутри себя замыкающимся, кругом. В таких условиях идея политического централизма, выраженного к тому же в крайних формах азиатского деспотизма, была идеей чуждой хозяйственным отношениям Китая. Эта идея могла утверждать себя только насильственно в методах расквартирования по провинциям Китая чужеземного манчжурского войнства при вице-королях и бамбуках.

С внешней стороны, однако, Китай производил впечатление гиганта-колосса и целостного организма. Богдыханы «Поднебесной империи» умудрились внушать страх к своей «священной особе» не только своим собственным подданным, так как казнь и пытки, умножаясь в количестве, усиливались в своем качестве с каждым «счастливым» царствованием, но и иностранным посланникам.

Революция легко справилась с институтом богдыханов. Революционный процесс 1911 года резко вскрыл и выявил противоречия между политической формой правления и производственными отношениями, сложившимися в Китае между феодальной монархией и тенденциями индустриализирующегося Китая. Революция свалила династию, но не перенесла к власти нового класса. Она сняла последнего императора с трона, перенесла самый трон в исторический музей Пекина, но не вручила власти китайской буржуазии. Отношения между земельными собственниками и арендаторами-крестьянами не изменились. Революция 1911 года не была тем вихрем, который ломает столетние дубы реакции, открывая горизонты большого социально-политического творчества новым классам и народным массам. Восторжествовала в объективных условиях Китая контр-революция в формах диктатуры...

Идея военной диктатуры господствует над всем периодом, начиная с 1912 года, когда революция была вынуждена капитализировать перед объединившимся на мгновение севером, а партия революции Го-минь-дан должна была вновь перейти на нелегальное положение. Юань-Ши-кай—наиболее яркое выражение идеи диктатуры, пришедшей через этапы разгона «конституционного» парламента, расстрелы и подавление восстаний—к монархии. Юань-Ши-кай потерпел неудачу, но мысль о военной диктатуре не умерла. В 1917 году престарелый царедворец Чжан-Сунь борется за восстановление монархии манчжуров и терпит неудачу, а затем мучденский Чжан-Цзо-лин, откормленный на японских хлебах, продолжает то же дело.

Если силы революции оказались недостаточными, чтобы окончательно разбить все остатки феодальной власти, если буржуазия—«третье сословие»—интересы которой революция несла на своих знаменах, оказалась не в состоянии в то время взять власть в свои руки, то контр-революция в свою очередь никакого класса не имела. Естественно поэтому, что контр-революция в Китае должна была вырождаться в реставрационные группы и подгруппы, друг другу враждебные, борющиеся из-за власти, примиряющиеся сегодня между собою в виду третьего соперника, становящиеся после его ликвидации еще более ожесточенными и непримиримыми врагами. В первые годы после торжества контр-революции, этих враждующих военных груп-

Экс-президент, маршал Цао-Кунь.

пировок, преследовавших свои групповые интересы и цели, было немало. С каждой новой схваткой, с каждой новой вспышкой гражданской войны—их число сокращается.

В 1920 году главных контр-революционных группировок было три: Фян-тянь—группировка Чжан-Цзо-лин'а, Чжи-ли—группировка Цао-Куня и У-Пей-фу и Ань-фу—группировка маршала Дуань-Ци-чжуя. В июле 1920 г. У-Пей-фу разбил японофилов аньфуистов. Отдельные представители этой военной «партии», помнящие о днях своего господства и о величии своего учителя и военного настав-

ника маршала Дуаня, существуют на местах. Политической же роли эта «партия» не играла до осени 1924 года, когда дучзюн провинции Чжэ-цзян, генерал Лу-Юн-сян, аньфуист, в столкновениях с дучзюном провинции Цзян-су, генералом Ци-Сте-юанем, пытался в открытом бою восстановить попорченную военную честь и политическое влияние группы ань-фуистов. Эта задача отчасти удалась благодаря перевороту Фын-Ю-сяна.

Взаимно уничтожающая борьба идет не только между отдельными реакционными группировками, но и в пределах каждой из военных «партий».

Контр-революция в Китае—не вернула к власти контр-революционного класса, помещичьего землевладения, успевшего разложиться в медленном процессе трехсотлетнего пниения династии манчжуров. Военные группировки севера, одолевавшие революционный юг, находились в процессе распада и дальнейшего разложения в условиях действия центробежных сил в Китае. Дезинтеграция страны объективно обеспечила захват Китая по провинциям военными губернаторами-дучзюнами, по внешнему рисунку напоминающими бывших дальневосточных атаманов российской контр-революции... Пролетаризирующая деревня, выбрасывающая ежегодно в города большие резервы рабочих — кули — обеспечила существование наемных армий, состоящих на службе у отдельных дучзюнов, держащих в страхе и покорности ограбляемые ими провинции.

Дучзюны являются наследием династии манчжуров, не добитой решительными ударами революции 1911 года. Установление дучзюната Китая—по крайней мере северного и среднего Китая—сделалось возможным в условиях разрыва той тоненькой «исторической» нити, которая связывала монархию с экономикой страны. Наемные армии дучзюнов, бандитизм, в качестве метода управления, и борьба дучзюнов между собою выражают стремление к военной диктатуре, стремление, для которого нет соответственного знака в общественно-экономических условиях Китая...

На политической арене—в современном Северном Китае—до военных событий осени 1924 г. и выяснившейся роли «христианского генерала» Фын-Ю-сяна имелись две влиятельные военные группировки, претендовавшие на власть в масштабе всего Китая—фын-тяньская, мукденская, во главе с Чжан-Цзо-лином, и чжи-лийская—с фактическим главою генералом У-Пей-фу. Чжан-Цзо-лин хозяйничает в Манчжурии, говоря языком административного Китая—в трех восточных провинциях Китая—в Мукденской (Фын-тяньской), Гирнской (Цзи-линьской) и Хэй-лу-цзянской (Пикарской).

Чжан-Цзо-лин совершал свой бег по лестнице гражданской иерархии и военного командования с помощью и при поддержке... японских милитаристов и империалистов. В этом секрет его «карьеры» и разгадка его претензий и притязаний. Японский империализм еще с 1894—1895 годов, после победы над Китаем, устремил свой хищнический взор на Манчжурию. Напору японцев на Манчжурию, колониционными планами их захватнической, грабительской политики Чжан-Цзо-

лин — даже при предположении лучших его намерений — ничего противопоставить не мог. Манчжурия, предоставленная своим собственным силам, не могла справиться с японским милитаризмом. Для этой цели необходимо было привлечь весь Китай. Необходимы были совместные действия Китая и СССР, так как самая задача проникновения империализма на континент Азии усложнилась.... В самой Манчжурии — объективными условиями Чжан-Цзо-лин был поставлен в положение, когда он либо терял свои китайские черты и свойства, становясь проводником японских планов и предначертаний, либо он сохранял китайское «начало», и — в этом случае — Манчжурия должна была органическими нитями связываться с остальным Китаем, с «Собственно-Китаем».

Маршал Чжан-Цзо-лин.

В объективных условиях взаимоотношений Манчжурии с Японией, Чжан-Цзо-лин должен быть проводником японских стремлений... Другая возможность, — открывающаяся для Чжан-Цзо-лина и для Манчжурии в целом — это превращение Манчжурии в органическую часть Китая... Отсюда не только стремление перенести свою столицу из Мукдена в Пекин, в город, откуда видно на большое расстояние вглубь Китая и вокруг него... Отсюда — также и лозунг «объединения» Китая, лозунг значительно более мощный и широкий, чем требование только объединения Мукдена с Пекином. К слову говоря — идея объединения всего Китая, его собирания

в целостное единство ради борьбы с его иностранными поработителями и расхитителями настолько популярна в Китае, что даже отщепенцам китайского народа, махровым реакционерам и контр-революционерам, приходится апеллировать к этому лозунгу...

Истинной целью Чжан-а и других милитаристов является захват долины реки Ян-цзы... В историческом прошлом Пекину пришлось играть роль действительной столицы Китая, поскольку жизнь Китая разворачивалась в бассейне реки Желтой (Хуан-хе). Монгольский и манчжурский период в истории Китая опирались на район Хуан-хе, на провинции, лежащие по ее обоим берегам. Самая Монголия, полумонгольская провинция Гань-су, угольная провинция Шань-си, провинция Хэ-нань и Шань-дун, провинция Чжи-ли с господствующей над ней Внутренней Монголией (Чахар, Чэхол, Сюйюань) и, наконец, весь район Манчжурии — вот район земледельческого Китая, в котором феодальные династии творили свою расправу над трудовым крестьянством. Политическая роль бассейна Желтой реки — принадлежит уже истории.

Центр тяжести переместился в новейшее время к реке Ян-цзы. В провинциях, лежащих по обоим ее берегам на протяжении тысяч миль от ее истоков до устья зародилась китайская промышленность. В этом районе дымятся фабричные трубы, высятся и строятся фабричные корпуса, вертится маховое колесо китайского капитализма. Здесь — в Чанше, Хань-коу и в Шанхае — китайская буржуазия ведет настойчивую борьбу с мировой буржуазией за обладание китайским рынком, за насыщение его фабрикатами своего производства. В провинциях Ху-бей, Ань-хуэй, Ху-нань, Цзян-си, Цзян-су и Чже-цзян сложилось «общественное мнение» Китая, мнение китайской промышленности, буржуазии, со всем служащим ей аппаратом прессы и пылким авангардом буржуазии — национально-настроенным студенчеством. Долина реки Ян-цзы — объект воздыханий и пламенных мечтаний всех дучюнов и «сверх дучюнов». Вопрос об обладании рекой Ян-цзы является решающим в вопросе о господстве в Китае и над китайскими народными массами. Захват Пекина — лишь средство к цели. Целью же является захват долины Ян-цзы... Схема Чжан-Цзо-лина, само собою разумеется, предусматривает эту реальную цель...

При попытке осуществления этой цели, Чжан-Цзо-лин наталкивался на сильное препятствие, — на «сверх-дучюна» до разжалования в октябре 1924 года — генерала У-Пей-фу. Фактический руководитель и глава Чжи-лийской военной клики генерал У-Пей-фу в свою очередь оценил значение реки Ян-цзы и ее роль в будущих процессах строительства в Китае и его объединения. В этих целях У-Пей-фу еще в 1920 году, размещавшийся со своими войсками в провинциях Чжи-ли, Хэ-нань и Шань-дун, объявляет сферой своего влияния провинцию Шень-си, в апреле 1921 г. «присоединяет» к себе провинцию Ху-бей, контролируя и провинцию Ху-нань, по крайней мере, северную часть этой провинции.

Если Чжан-Цзо-лин, стремясь к объединению Китая, идет в направлении с севера на юг, то У-Пей-фу, также говоря прекрасные слова о воссоединении Китая под его генеральским недреманным оком, — идет от долины Ян-цзы на север, к Пекину. В каком-то месте пути Чжан-Цзо-лина и У-Пей-фу должны скреститься. Примирения между этими группировками быть не может. Одна из этих группировок должна быть ликвидирована. Столкновение между Чжан-Цзо-лином и У-Пей-фу было неизбежно. Скрещение ратир должно было произойти в районах Пекин-Пукоу'ской и Пекин-Хань-коу'ской железных дорог (1922 год) и в районе Тянь-цзинь-Мукденской железной дороги—у Шань-хай-гуаня (1924 год).

Ген. У-Пей-фу.

Исторические роли Чжан-Цзо-лина и У-Пей-фу окрашиваются в пестрые цвета волевой и неволевой «кооперации» с мировыми капиталистами. Чжан-Цзо-лина — «поддерживают» японцы. Опыт взаимоотношений с Чжан-Цзо-лином в Манчжурии убедил Японию в полной возможности «совместной» с ним работы. Японский империализм, притязания которого много шире возможностей, заложенных

в одной Маньчжурии, почему его стремления направлены на провинцию Шань-дун и долину реки Ян-цзы, живо заинтересован в продвижении Чжан-Цзо-лина к долине Ян-цзы, в поддержке Чжан-Цзо-лина в его претензиях на Пекин и Китай в целом. Отсюда инспирирование Чжан-Цзо-лина японскими милитаристами на новые храбрые подвиги, отсюда—оборудование Японией богатейшего оружейного завода и арсенала в Мукдене, отсюда—борьба японского посланника в дипломатическом корпусе в Пекине о предоставлении права войскам Чжан-Цзо-лина свободного передвижения по железным дорогам, заложенным иностранному капиталу, отсюда—щедрая денежная помощь мукденскому «правительству»...

В каком же положении находится У-Пей-фу? Генерал У-Пей-фу определенный, яркий японофоб. У-Пей-фу отдает себя целиком и безраздельно военному делу после поражения, понесенного Китаем от руки Японии в 1894—1895 году. То был один из ярких, переломных моментов в политической истории Китая, и в психологии так назыв. «передовых кругов» общества. Поражение Китая дискредитировало династию маньчжуров, стимулируя революционное движение в Китае, имевшее свою «главную квартиру» в Японии. Авторитет Японии, ее военный авторитет в особенности, стал быстро расти в Китае. Китайская интеллигенция и мещанство испытывали чувство боязливой, проникновенно-нежного обожания силы островной близкой Японии, вся площадь которой равнялась двум-трем провинциям Китая. «Паломничество» в Японию приняло в те годы массовый характер. Почтенные «отцы» посылали своих «детей» учиться в Японию, учиться военному искусству и... бухгалтерии...

Устоять против японофильской волны в те времена удавалось не многим. У-Пей-фу был один из тех немногих, кто в победе Японии над Китаем усмотрел начальный момент захватнической политики Японии на китайском материке, кто в японском победном и воинствующем милитаризме видел угрозу «мирному» развитию Китая. Лишенный маниловских черт, У-Пей-фу отказывается от гражданской «карьеры» чиновника, учителя или профессора—и уходит в армию ради ее реорганизации для выпрямления в будущем отношений Китая с Японией.

Анти-японские чувства весьма популярны в Китае. Естественно, У-Пей-фу — при всех своих грехах—и немалых—в своей политической деятельности—дерзал заявлять о своей ненависти к Японии тогда, когда весь официальный, чиновничий, мандаринский Китай, захваченный спазмами молчания в отношении сильной соседки, на смерть был запуган Японией, а китайские храбрые вояки, дучюны, милитаристы весьма нередко фигурируют в простейшей роли наймитов японского генерального штаба.

Но... сфера влияния генерала У-Пей-фу простирается на долину реки Ян-цзы. Долина реки Ян-цзы является сферой влияния Англии, получившей специальные права и привилегии в этом богатейшем районе Китая в компенсацию от маньчжуров за подавление антидинастического Тайпинского восстания. Долина реки

Ян-цзы — от Хань-коу до Шанхая — зона экономического господства Англии. Англичане не заинтересованы в осуществлении целей Японии, стремящейся — при посредстве Чжан-Цзо-лина — найти «выход» на Ян-цзы. Следовательно, англичане против Чжан-Цзо-лина. Англичане против расширения влияния южного правительства, вообще, и против распространения влияния партии Го-минь-дан на долину Ян-цзы. Южное правительство в Китае разворачивает свою деятельность на патриотических лозунгах и под национальными знаменами. Национально-независимый Китай со своими общественными классами настроен против специальных прав и привилегий иностранной буржуазии. Отсюда — иностранная буржуазия, ярче всего на долине Ян-цзы представленная Англией, настроена против национального южного правительства. Англия — за сохранение статус-кво на Ян-цзы.

Практически эта «линия поведения» ведет к... поддержке Англией генерала У-Пей-фу — против его постоянных врагов — против Чжан-Цзо-лина и аньфуистов и — против Кантона. Организация международного «добровольного» военного флота под командованием Англии на реке Ян-цзы, старания английского посольства в Пекине к недопущению усиления военных отрядов вдоль железной дороги Тянь-цзинь-Шань-хай-гуань, стремление к объявлению Пекина нейтральным городом — явления одного порядка и служат выражением именно этого желания закрепить статус-кво. В своем целом — эти мероприятия являются вмешательством во внутреннюю жизнь самого Китая и неприкрытой формой поддержки одной из борющихся группировок — в данном случае — поддержкой генерала У-Пей-фу.

Внутренний конфликт Чжан-Цзо-лина и чжилийцев во главе с У-Пей-фу — в исторических условиях взаимоотношения Китая с мировым империализмом — приобретает международный характер. В данной исторической стадии, конфликты враждующих между собою военных группировок являются в то же время конфликтами интересов двух наиболее сильных капиталистических государств — Англии и Японии, при дружественном к одной или другой стороне нейтралитете других держав...

В спорах северных группировок между собою и в общественно-политической жизни Китая в его целом, деятельную роль играет третья группировка — южное правительство — с Кантоном в качестве своей столицы. Южное правительство выражает и выявляет центристские тенденции Китая. Не случайно то обстоятельство, что южное правительство организовалось в Кантоне и распространяет свое влияние на весь юго-запад Китая. Именно в этом районе, связанном с мировой торговлей на протяжении длинного ряда десятилетий, угрожаемом империализмом Англии и Франции — в виду близости колоний этих государств — Бирмы и Тонкина, именно в районе, изобилующем минеральными и металлическими богатствами, — натуральное замкнутое хозяйство дало, раньше других мест, значительную трещину. Изолированная жизнь провинции со своим специфическим

хозяйственным укладом и своею местною денежною системою в юго-западном районе Китая стала распадаться. Провинции, вследствие новых производственных отношений, стали в более близкие экономические отношения между собою. Этой связью первоначально была торговая связь по обмену, чтобы на расширенном экономическом базисе сделаться связью производственной, связью добывающего района с районом обрабатывающим.

Раскрепощение провинций Китая от угнетающего их до сих пор политического наследия монархии и остатков феодальной власти путем автономной их организации и объединения провинций между собою на началах федерации—вот основные задачи, выдвинутые историей перед южным правительством. Основная «внутренняя» задача переплетается с основной «внешней»—борьбой за экономическое раскрепощение Китая от мирового капитала, за национальную и политическую независимость Китая.

Южное правительство может фигурировать лишь в роли всекитайского национального правительства, собирающего воедино весь Китай, все его провинции по линиям производственной связи между провинциями. Евгений Чен в следующих словах определяет задачи южного правительства: «а) политическое объединение Китая является настоятельной потребностью с целью избавить Китай от тяжких последствий правления мандарината; б) объединение Китая невозможно до тех пор, пока не будет положен конец положению вещей, господствующему в Пекине, когда самое пекинское правительство существует в вопиющем противоречии с основными законами страны. Когда это беззаконие в центре является причиною существования незаконного института дучюната на местах с непрерывно-развивающейся деградацией всей общественной жизни китайского народа. Никто не может отрицать тот факт, что Пекин, как правительство, фактически прекратил свое существование и что поддержание его бытия обязано тому факту, что иностранные государства признают Пекин в роли китайского правительства, в Кантоне же мы имеем правительство, организованное согласно требований конституции. Перенесение места пребывания правительства Сун-Ят-сена в У-ханьские города (в город Ханькоу) создало бы положение, которое существенно изменило бы все политические ценности в Китае. Не подлежит сомнению, что незаконное пекинское правительство прекратило бы свое существование и что политическое объединение страны явилось бы «неизбежным политическим последствием» этого перемещения столицы южного правительства» (Евгений Чен, «Чайна Пресс» от 28 декабря 1921 года).

Южное правительство имеет в качестве реальной задачи политическое объединение всего Китая, ставя себе целью борьбу с пекинским правительством, именующим себя центральным. Южное правительство сможет осуществлять свою программу в национальном масштабе. Этот всекитайский характер южного правительства огорчает его благонамеренных и умеренных иностранных «друзей»,

которые предпочли бы областные функции Кантона его национальным и политическим функциям.

Видный американский профессор Джон Дюй, проводивший два года в Китае и гласно объясняющийся в своих пламенных чувствах к Кантону—предпочитает видеть южное правительство в «местном аспекте». «Южная провинция Гуан-дун, — говорит либеральствующий профессор, — нашла в себе достаточно сил, чтобы изгнать из своих пределов всякого навязанного ей офицера и солдата, чтобы организовать и поддерживать в Кантоне и в его районе администрацию, состоящую только из уроженцев этой провинции. Правительство Сун-Ят-сена в его местном аспекте сделалось фактором большого значения. Организация дисциплинированной армии из уроженцев провинции, под руководством местных ответственных лидеров, борьба с азартными играми, с бандитизмом в далеких районах провинции, возложение ответственности на местные власти по борьбе с беспорядком, отказ от преследований за политические убеждения—все эти обстоятельства составляют резкий контраст положению вещей, существовавшему несколько времени тому назад, когда южный Китай стал под игом милитариста-губернатора и армии чуждой провинции». (Джон Дюй — «За что борется Китай»).

Южное правительство должно быть революционным. Историей поставленные задачи перед Китаем — и в существе, и в методе разрешения — революционные. Объединение Китая выражает собою идею перехода от замкнутого, застывшего мандаринского Китая к капиталистическому хозяйству, развивающемуся не на одной улице, не в одной провинции, а на обширной территории всего Китая. Центроспремительная тенденция, выявляемая югом, при встрече с центробежной, выявляемой северными группировками—должна дать искру гражданской войны. «Так как мозг реакционеров не воспринимает аргументов и доводов логики, на него необходимо действовать предметными физическими методами. По этим причинам мы и отправились в Кантон, чтобы собрать все силы к тому, чтобы превратить Китайскую республику в реальность и претворить ее в действительную» (Евгений Чен — «Марш, вперед»).

Национальное движение в Китае революционно и по тем значительным последствиям, какие оно с собою несет в отношениях с иностранным капиталом, строящим все свои расчеты на политическом хаосе в Китае, и на господстве в его экономике и над экспортным и импортным рынками Китая, и по процессам вовлечения широких масс в политическую жизнь и активное строительство... Национальное движение—революционно в своей активной сущности. Южному правительству приходится вести решительную борьбу со всеми внутренними и внешними силами реакции.

«Вопреки повторным ударам, полученным нами, внутренним неудачам и трудностям, расставленным иностранцами—все, что произошло в течение последних десяти лет, указывает на то, что основания Китайской республики прочно

заложены. Республика выдержит все удары, направленные на нее ее врагами. Подобно закаленной стали, Китай может гнуться, но не ломаться...». Так писал официоз южного правительства «Кантонское Время» 31 декабря 1921 года, заканчивая свою новогоднюю передовицу словами «окончательная победа демократии в Китае будет означать, что пятицветный флаг Китая будет иметь то же значение в Пекине, какое он имеет в Кантоне, и явится символом борьбы за мир и счастье китайского народа».

Идеология партии националистов—еще в путанных словах, в неясных противоречивых формулах. Идеология партии,—ее программа минимум и максимум,—хотя и сформулированная на последнем съезде партии в 1924 году, находится еще в процессе созидания, выражаясь в расплывчатых схемах государственного капитализма при господстве в экономике страны частного капитала, в требовании национализации земли при весьма долгом—во времени—существовании института частного землевладения и земельной аренды у частных собственников. Теоретический—«программный» эклектизм, мелко-буржуазная влюбленность и демократию и парламентаризм, противоречивые схемы, тактические шатания, колебания и зигзаги—все это от «сегодняшнего дня»,—от интеллигентского характера партии Го-минь-дан... Партия Го-минь-дан говорит сегодня языком мелко-буржуазного—митлоффера-попугайчика, вместо того чтобы митлоффер говорил языком партии, партии класса. Го-минь-дан, вбирая в себя другие элементы, должна стать и станет партией масс. Это будет «завтра», тогда, когда южное правительство перенесет свою столицу из Кантона в долину реки Ян-цзы в У-хань-ские города, в город Хань-коу. Овладение долиной реки Ян-цзы—органическая потребность для южного правительства.

Таковы те три группы, которые составляют главные действующие силы в гражданской войне в Китае: группа Чжан-Цзо-лина, выращенная на японские деньги, осколок в методах и формах власти—разбитой феодальной династии; милитарист У-Пей-фу с диктаторскими «тенденциями» — в демократической тоге; и национальное правительство—со столицей в Кантоне,—с партией, на которую оно опирается, с массами, вовлекающимися в политическую жизнь, с доктринерским демократизмом и верой в парламентаризм, южное правительство, несущееся навстречу своей социальной базе, своему общественному классу... мелкой буржуазии.

2) ЧЖАН-ЦЗО-ЛИН и ПЕКИН (1921 г.).

25 декабря 1921 года в Пекине сконструировался новый кабинет, во главе с Лян-Ши-и, бывшим председателем сената и главным соучастником монархической эпопеи, затеянной Юань-Ши-каем в 1915 году. Образованию нового кабинета предшествовала сложная игра, задуманная «некоронованным королем» Манчжурии Чжан-Цзо-лином, поставившим своей задачей овладение двумя правительственными банками в Пекине—«Банком Путей Сообщений» и «Банком Китая».

Оба эти банка питают соответственно министерство путей сообщения и министерство финансов в Пекине. Другие министерства в Пекине существенной роли в политической жизни Пекина не играют.

Кто владеет большинством акций в «Банке Путей Сообщений» и «Банке Китая», тому и принадлежит господствующее, командное положение над пекинским правительством. Этим обстоятельством объяснялось, что так наз. партия Цзяо-тун, «партия путей сообщений», благодаря своим связям с этими банками, сохранила себя со времени торжества контр-революции в Китае—с 1912 года на министерском положении в Пекине.

Эту-то элементарную истину в отношении пекинской политики усвоил себе также и Чжан-Цзо-лин. Он усиливал в течение всего 1921 года свое влияние в районе метрополии, в Пекине, ввел в Пекин свои войска и обложив его армией, превышавшей 40 тыс. человек; Чжан-Цзо-лину осталось лишь овладеть вышеуказанными банками, чтобы сделаться полным хозяином положения в самом Пекине и целиком овладеть так называемым «центральным правительством». «Операция» удалась.

Цзяо-тун'цами было инсценировано банкротство банков. Чжан-Цзо-лин внес в эти банки несколько миллионов «своих» денег и... спас положение. Обыватель стал получать в обмен на денежную бумажку серебро валютой, а Чжан-Цзо-лин получил в свое распоряжение орудие наиболее энергичного «давления» на пекинское правительство.

Первый и несомненный результат происшедших перемен в политической жизни Пекина, наиболее выпукло сказавшихся в образовании кабинета в декабре 1921 года, заключался в том, что влияние Чжан-Цзо-лина укрепились в Пекине.

Этот момент любопытен сам по себе, так как завершает собою длинный этап посягательств Чжан-Цзо-лина на власть внутри самого Китая. Вся история Чжан-Цзо-лина, — на протяжении от 1904 до 1920 года, была историей его борьбы за полное хозяйничанье во всем районе Манчжурии. Период от 1920 года до декабря 1921 года был периодом борьбы за перенесение «влияния» Чжан-Цзо-лина из Мукдена в Пекин. 25 декабря 1921 года отмечает собою момент торжества заветных чаяний Чжан-Цзо-лина. Его господство внутри Пекина, его диктаторское положение над пекинским правительством путем захвата в свои руки всех орудий «воздействия» в те годы не вызывали сомнений.

Апологеты Чжан-Цзо-лина в самом Китае пытались объяснить политическую обстановку, создавшуюся в Пекине, обстоятельствами, тесно связанными с Вашингтонской конференцией. Вашингтонская конференция, создавшая четверное соглашение Англии, Америки, Японии и Франции, развязывала на какой-то срок руки Японии. Империалистическая Япония всей своей тяжестью, — говорили политические друзья Чжан-Цзо-лина, — должна была обрушиться на Манчжурию и Монголию, углубляя свою политику «колонизации» этих громадных территорий. Если

Чжан-Цзо-лин оставался бы только «генерал-инспектором» трех Восточных провинций и Монголии, если Чжан-Цзо-лин будет предоставлен только самому себе, степень его сопротивляемости агрессивным затеям Японии будет ничтожной. Если же Чжан-Цзо-лин из «провинциального лидера» превратится в «национального героя», другими словами, если весь Китай под руководством Чжан-Цзо-лина объединится в борьбе против японского империализма, степень сопротивляемости Манчжурии должна была бы колоссально возрасти. Японские намерения при таких условиях были бы обречены на заведомую и полную неудачу. Отсюда, — говорили политические адвокаты Чжан-Цзо-лина, — вытекает необходимость «поддержать» Чжан-Цзо-лина, забыть его прошлые грехи, простить ему былые заблуждения и обеспечить ему возможность осуществить схему действительного воссоединения Севера и Юга, с целью превращения Китая в мощное, монолитное национальное государство.

С этой схемой не все обстояло благополучно. Начать с того, что в состав кабинета, организованного Чжан-Цзо-лином, вошли не только лица и группы, скомпрометированные своею контр-революционностью, своею активной поддержкой планов реставрации монархии. В кабинет вошли также лица, принадлежавшие к явным японофильским политическим группировкам, как, например, новая Цзяотун'ская партия. Организация Чжан-Цзо-лином правительства в Пекине не изменила реального соотношения борющихся классовых сил в Китае. В кабинете декабря 1921 г. — не была представлена китайская буржуазия, борющаяся против остатков феодальной власти.

Процессы объединения Китая — значительно более сложны, чем они рисуются пекинским и мукденским политикам. В процесс борьбы за раскрепощение Китая уже втянуты широкие массы, не повинующиеся указке мукденского «сверх военного лорда». Сопротивляемость всего Китая манипуляциям Вашингтонской конференции была резко ощущаема, вылившись в форму массовых демонстраций, устраивавшихся одними рабочими в наиболее промышленных центрах (город Чан-ша в провинции Ху-нань). Эти процессы шли мимо Чжан-Цзо-лина и Пекина или, говоря вернее, шли против Вашингтона и Пекина одновременно.

Чтобы уяснить себе действительное значение попытки утверждения политического влияния Чжан-Цзо-лина в Пекине для внутренней жизни самого Китая и для международных его взаимоотношений, необходимо вплотную подойти к обстановке борьбы Китая за свою независимость.

Существенный фактор, влияющий на северные политические группировки, — это события внутри самого Китая, поскольку эти события выявляют себя в действительном виде. Речь в первую очередь должна идти о той группе явлений, которая об'емлется одним словом «Кантон», развернувшим на широком фронте борьбу за национальный, политически-независимый Китай, строящийся по типу буржуазной демократии с лозунгами автономии и самоуправления провинций Китая.

Выражая идеологические требования буржуазии, движение юга Китая сделало большие завоевания в течение последних лет. Ряд провинций юга и юго-запада признали власть южно-революционного правительства. Идейное влияние Го-минь-дана, партии националистов, вышло за пределы юго-запада Китая и утвердилось в долине реки Ян-цзы, политическом, экономическом и стратегическом «сердце Китая», несмотря на военные неудачи, понесенные партией Го-минь-дан в летние месяцы 1921 года в период боев с генералом У-Пей-фу.

Кантонское правительство, в очень трудных международных условиях, в обстановке открытой вражды к нему северных милитаристов и мировых империалистов, развернуло обширную программу конструктивной работы, осуществляя принципы самоуправления городов, уездов и областей, упразднив систему военных губернаторов, осуществляя обязательное всеобщее обучение, развязав рабочее движение, быстро строящее свои профессиональные и политические организации, вмешиваясь в отношения между собственниками земли и крестьянами, путем регулирования арендных цен, реорганизуя армию из наемной в национальную, созывая съезды по различным вопросам политико-культурной жизни провинций... Все это, само собою разумеется, не выходило за пределы схемы реформ, уживающихся с буржуазным, классовым обществом. Центр тяжести вопроса, однако, именно в этом характере движения в Китае, ликвидирующего средневековые хозяйственные институты, остатки феодальной власти, и расчищающего почву для капиталистического способа производства.

Движение юга Китая—реальный фактор политической жизни Китая. Северным группировкам было необходимо на него реагировать и соответственно реорганизоваться. Та форма власти в Пекине, какая сложилась в результате Тянь-цзиньской конференции в апреле 1921 года*), была совершенно непригодной для осуществления задач, какие ставила себе контр-революция в Китае. Пекинское правительство не было связано ни с одной общественной группой, ни с одним общественным слоем или общественной прослойкой в Китае. Пекинское правительство апреля-декабря 1921 года было милитаристическим, мандаринским, состоявшим из невежественных и честолюбивых генералов и чиновников.

Восемь месяцев деятельности правительства реакционного генерала Цзин-Юн-пина не только не приблизили Пекина к разрешению его задач, но бесконечно отодвинули всякую возможность их разрешения. За этот именно срок борьба Юга против Севера вылилась в форму враждебных военных операций. В этот период политическое и идейное влияние Юга на Средний Китай сильно возросло. Влияние Пекина абсолютно пало. Массовые демонстрации во всех городах Китая, вместе с независимой китайской прессой, выражали недоверие пекинскому правительству, служившему только игрушкой в руках мирового империализма. Даже Чжан-Цзо-ли,

*) См. А. Е. Ходоров „Мировой империализм и Китай“.

контролировавший политику Пекина из Мукдена и принимавший участие в организации правительства Цзин-Юн-пина, пришел к необходимости заменить апрельский кабинет кабинетом декабрьским — коалиционным. Либо пекинский кабинет в дальнейших процессах политической борьбы разлагался бы, медленно сгнивая, не представляя собою ни политической, ни военной силы, либо его необходимо было в спешном порядке реорганизовать. Такова была политическая обстановка в декабре 1921 года.

Чжан-Цзо-лин избрал второй путь. Схема организации нового кабинета заключалась в потребности включения в его состав какой-то видимости «общественности», которая в то же время была бы абсолютно и безусловно покорна диктатору — Чжан-Цзо-лину.

Из каких же «общественных» группировок Пекина или, говоря шире, Северного Китая могла быть создана коалиция в 1921 году? Внимание Чжан-Цзо-лина в первую очередь было обращено в сторону маршала Дуань-Ци-чжуня, главы ань-фуистов, того самого маршала, которого Чжан-Цзо-лин вместе с генералом У-Пей-фу побеждал в июле 1920 года. Расчет Чжан-Цзо-лина был определенный. Ань-фуисты, не представляя собою политической партии в прямом значении этого слова, являются организацией генералов и военных специалистов, широко используемых японскими империалистами. Ань-фуисты имеют своих представителей на разных важных командных должностях во всем Китае в роли дучжонов или командиров воинских частей. Авторитет самого престарелого Дуань-Ци-чжуня — среди китайской военщины стоит на большой высоте. Коалиция Чжан-Цзо-лина с маршалом Дуань-Ци-чжунем, а через него со всеми аньфуистами была бы в глазах Чжан-Цзо-лина большим этапом на пути утверждения его влияния в Китае. Практически такая коалиция означала бы закрепление военного влияния во всех местах Китая, преимущественно же в долине Ян-цзы, где в ряде провинций командующими войсками являются аньфуисты, сторонники Дуань-Ци-чжуня. Результат коалиции с аньфуистами — «моральный» — выигрыш для Чжан-Цзо-лина, признание за ним права на активную роль во внутренней жизни самого Китая.

Следующей военной группировкой большого удельного веса на севере является «партия» Чжи-ли, с официальным главой — Цао-Кунем и фактическим главой чжилйской военной группировки генералом У-Пей-фу. Коалиция Чжан-Цзо-лина с У-Пей-фу в современных условиях органически невозможна. Фын-тинь-ская, чжан-цзо-лин-ская военная клика находилась уже в 1921 году в фазе наиболее враждебных отношений с чжи-лийской группой. Обе эти группы насыщены парами взаимной ненависти, борясь за власть в пределах Пекина и за пределами его, ожидая лишь удобного случая и такого соотношения сил, когда можно будет друг другу выцелиться в горло *).

*) История предоставила эту возможность Чжан Цзо-лину и У-Пей-фу в 1922 и 1924 годах, когда враждебные силы сошлись в открытом бою.

являлось всемерное ослабление партии Чжи-ли, в особенности и специально военное истощение генерала У-Пей-фу. Конкретной целью Чжан-Цзо-лина в декабре 1921 года являлась не коалиция с чжи-лийцами, а изоляция их от власти и всяческое провоцирование новых военных операций чжилийцев против южан, чтобы возможно больше истощить военные ресурсы генерала У-Пей-фу и тем подготовить свою военную победу над чжилийцами. О реальной политической коалиции Чжан-Цзо-лина, с одной стороны, и Цао-Куня и У-Пей-фу, с другой стороны, уже в политических условиях 1921 года не могло быть и речи. Это обстоятельство не мешало, однако, выполнению всех обрядов китайской вежливости, при личной встрече в Пекине Чжан-Цзо-лина и Цао-Куня, вежливости, принятой в Китае даже в отношениях между двумя заведомыми врагами до момента, когда враждебные чувства выливаются в форму открытых военных действий.

Правительство в Пекине в 1921 году не могло быть организовано на началах объединения всех северных военных группировок. Чжан-Цзо-лину необходимо было обратиться к гражданским «общественным» прослойкам. Таких «прослоек», сколько-нибудь влиятельных в политической жизни севера Китая, две: 1) Цин-пуган, «прогрессивная партия» и 2) Цзяо-тун, «партия путей сообщения», делящаяся в свою очередь на две «партии» — на «старую цзяо-тун» и на «новую цзяо-тун».

«Прогрессивная партия» имеет в роли своего лидера профессора Лян-Ци-чао и группу видных чиновников, бывшего премьера времен Юань-Ши-кая, Сион-Си-лина, бывшего министра иностранных дел того же периода Ван-Да-сиэ, Чжан-И-лина, Фан-Юань-лянь и других. Профессор Лян-Ци-чао, будучи профессором Пекинского университета, является чрезвычайно неустойчивым политическим деятелем, ярким представителем китайского политикана, прежде всего делающего политическую карьеру и ищущего личного благополучия. Пути возглавляемой им «прогрессивной» партии представляют собою непрерывные зигзаги, шатания, колебания, предательства и вызывают в широких массах населения недоверие к этой партии «политических маклеров», как ее называют в Китае.

Несколько справок из недавней истории Китая подтвердят сказанное. «Прогрессивная партия», в интересах борьбы с партией революции Го-минь-дан, отдала себя целиком в распоряжение диктатора Юань-Ши-кая. Разгон «конституционного» парламента в 1913 году являлся непосредственным результатом политических махинаций «прогрессивной партии» и Юань-Ши-кая. «Прогрессивная партия» была заинтересована в разгроме партии революции Го-минь-дан. Расчет основывался на том, что при выборах в новый парламент, произведенных в «определенной» обстановке, большинство будет на стороне «прогрессивной партии». Лян-Ци-чао объединяется с Юань-Ши-каем, чтобы душиить китайскую революцию.

Руководитель китайской контр-революции, твердыми шагами шедший

к восстановлению монархии в Китае, воспользовался услугами «прогрессистов» для борьбы с го-минь-дан'цами.

«Мавр сделал свое дело — мавр может уходить», — решил Юань-Ши-кай на следующий день после расправы над революцией. «Прогрессивная партия» обиделась на Юань-Ши-кай за недооценку ее «услуг» и перешла в... оппозицию. В 1915 году, в период «третьей революции», направленной против монархических планов Юань-Ши-кай, «прогрессисты» уже находятся в стане борющихся против него. После победы над Юань-Ши-каем и его смерти, «прогрессивная партия» вновь оказывается в меньшинстве в парламенте, созванном новым президентом Ли-Юань-хуном. Лян-Ци-чао и его «партия» объединяются тогда с ань-фуистами, помогая нового разгрома парламента. Ань-фуисты в свою очередь воспользовались «партией прогрессистов» в момент, когда им это было необходимо для созыва своего аньфуистского японофильского парламента, в 1918 году. Те же аньфуисты — по достижении этой цели — отказались от дальнейших услуг политических интриганов и маклеров, от «прогрессивной партии». «Прогрессисты» вообще не раз предлагали, в тяжелый период китайской истории, в моменты торжества китайской контр-революции над революцией, свои услуги в качестве душителей революции, то президентам Пекина, то реакционерам, военным командирам лишь-бы обеспечить себе «кусочек» власти. Репутация «политических маклеров» прочно установилась за этой группой, настолько прочно, что даже Чжан-Цзо-лин, не брезгающий ничьими услугами, отказался от коалиции с «прогрессивной партией».

Оставалась единственная политическая группа на севере Китая — это группа «Цзяо-тун» — «партия путей сообщения». «Цзяо-тун» владела двумя, наиболее значительными, банками — «Банком Китая» и «Банком Путей Сообщения». Эти банки раскинулись широкой сетью по всему Китаю и являются не только банками, «поддерживающими» правительство, но и банками, финансирующими китайскую промышленность. В учете этого обстоятельства группа «Цзяо-тун» рассматривается, как «общественная» прослойка.

Значение этой группы в экономической жизни Китая на самом деле весьма невелико. Развитая китайская банковская система находится в промышленных районах Китая, в долине реки Ян-цзы, в Хань-коу, в Чан-ше, в Хань-яне, в Су-чжоу и в других местах среднего и южного Китая. В пунктах оживленной промышленной жизни финансовый китайский капитал тесно связан с промышленным капиталом, объединяясь с ним в единые политические и классовые организации («коммерческие палаты»). Группа «Цзяо-тун» — органически не связана с промышленностью Китая, быстро развивающейся в долине реки Ян-цзы; она, вообще, стоит изолированно и в стороне от больших процессов, развивающих производительные силы Китая. Группа «Цзяо-тун» — группа северная, опирающаяся на свои банки для достижения, по преимуществу, политических целей в самом Пекине.

Лян-Ши-и, премьер пекинского кабинета 1921 года, глава партии «Цзяо-тун», бывший председатель сената, тесно связал свою судьбу и судьбу своей «партии» с монархическими планами Юань-Ши-кая. Крах этой контр-революционной затеи означал крах политической карьеры Лян-Ши-и и престижа партии «Цзяо-тун». Лян-Ши-и уехал в Гонконг, в «колонию короля Англии», в котором и перешел на положение «эмигранта» до тех пор, пока контр-революционная эпопея Юань-Ши-кая не была ликвидирована.

После смерти Юань-Ши-кая, Цзяо-тун», хотя и принимала участие в различных кабинетах Пекина, но не связывала себя политически с той или другой военной группировкой на севере, борющейся за власть в Китае.

Новая партия «Цзяо-тун» откололась от «старой» после «разрыва отношений» Лян-Ши-и с маршалом Дуань-Ци-чжунем, главою ань-фуистов. «Новая цзяо-тун партия» — ярко выраженная японофильская организация. Наиболее колоритными фигурами в этой политической группе являются Цао-Ю-лин, Лу-Цзун-и и другие. «Новая цзяо-тун» партия занимала министерские посты во времена правительства ань-фуистов и была тем орудием, при помощи которого Япония «финансировала» пекинское правительство, закабалая Китай — его народные богатства и его трудящиеся массы. Недаром во время широкого массового антияпонского движения в Китае в мае 1919 года — студенчество в Пекине забросало камнями трех «министров-предателей» из состава «Новой цзяо-тун партии», объявив всеобщую забастовку во всей стране, остановив всякую жизнь в Китае, требуя отставки «новых» цзяо-тунцев.

Политическая репутация этой «партии» весьма определенная. В общественных кругах Китая она известна, как «партия» реакционная, контр-революционная, продажная, находящаяся на службе у японского империализма, предательская по отношению даже к самым умеренным буржуазным элементам Китая. Взрыв ненависти и вражды всегда вызывает в Китае даже самое упоминание об именах «ново-цзяо-тунцев».

Вот к этим-то двум политическим группам и прибег Чжан-Цзо-лин, в декабре 1921 года, когда за невозможностью организовать боевой коалиционный министерский кабинет, который собрал бы воедино всю действительную контр-революцию, он был вынужден обратиться к пекинской «общественности».

Лян-Ши-и, «бог долларов», как его называют в Пекине, человек недюжинных способностей и реакционной политической карьеры, возглавлял правительство. Предварительным основным и бесспорным условием образования кабинета являлось признание им, Лян-Ши-и, и всеми «министрами» нового кабинета верховного главенства и политического суверенитета Чжан-Цзо-лина — в решении всех вопросов политической жизни Пекина.

Правительство конца 1921 года было по составу объединением реакционных элементов севера Китая, искавших новых форм своей организации в виду разверты-

вавшихся событий в Китае. Объединение реакционеров вышло далеко не полным, оно не включало в себя наиболее действенные военные группировки Ань-фу и Чжи-ли, не только остававшихся за ботом, но перешедших в еще большую оппозицию к Чжан-Цзо-лину и к фын-тянь-ской партии. Об участии китайской буржуазии в правительстве не было и речи. Кабинет политически возглавлялся Чжан-Цзо-лином.

Пекинские кабинеты отражают в себе не только процессы, происходящие в глубинах самого Китая, но и влияние держав, весьма заинтересованных во внутренних делах Китая. С этой точки зрения надо отметить, что правительство конца 1921 года давало некоторое усиление американского влияния. Вся «Старая цзяо-тун партия» — американофильская. Этот момент особенно характерен в современных условиях жизни Китая, когда массовое движение в Китае, вновь поднимающееся на гребень, имеет своим лозунгом борьбу против мирового империализма, включая американский. Америка растеряла, в результате Вашингтонской конференции и ее детища — четверного соглашения, симпатии обывательских, мещанских и буржуазных кругов Китая.

Усиление американского влияния в новом кабинете объясняется тенденцией Америки играть руководящую роль в делах Китая после Вашингтонской конференции. Это обстоятельство не упраздняет, впрочем, «основного» момента японского влияния на пекинскую «политику» в китайских делах. Коронная роль, принадлежавшая Чжан-Цзо-лину в пекинской политике 1921 года, была лучшей гарантией проникновения японского влияния в новый кабинет. Участие члена японофильской партии в правительстве в роли министра финансов Чжан-Ху, только лишнее доказательство того, что японские империалисты были не забыты в Пекине в декабре 1921 года.

Правительство в Пекине в 1921 году отличалось всеми «добродетелями» своих предшественников, являясь точкой приложения «влияния» и интересов мирового империализма. Степень «влияния» империалистов на пекинский кабинет определялась соотношением сил империалистов между собой.

Кабинет сформировался, но своей программы он не объявил. Иностранные советники при новом правительстве, больше всего заинтересованные в придаче кабинету румянца, внешнего «либерального» оттенка, подсовывали премьеру Лян-Ши-чи проекты программной декларации. В них шла речь о необходимости посвятить все усилия скорейшему воссоединению Китая, неотложной потребности созыва представителей провинций для выработки конституции, избирательного закона, избрания «ответственного» правительства, финансовых реформ и ряд других сладеньких, ни к чему не обязывающих фраз. Однако, даже и эта купчая, приплюснутая, «программа» показалась, очевидно, слишком радикальной главному «советнику» пекинского правительства — Чжан-Цзо-лину. Кабинет вступил в исполнение обязанностей без программных жестов и речей.

Каково было отношение к кабинету внутри самого Китая? Отношение южного правительства, с доктором Сун-Ят-сеном во главе, к перегруппировке реакционных сил на севере было резко враждебным. Важно отметить отношение к новому кабинету «третьего сословия» в Китае, китайской буржуазии, именно буржуазии долины реки Ян-цзы.

Наиболее ярко отношение китайской промышленной и банковской буржуазии выявилося в циркулярной телеграмме Шанхайской Коммерческой Палаты всему народу, посланной в копии пекинскому президенту, гласящей, что пребывание всяких монархистов на политической арене Китая угрожает благополучию Республики и не должно быть признано гражданами демократического Китая.

Тянь-цзинская газета «Син-мин-и-бао» по вопросу о новом кабинете в Пекине говорила: «Дипломатия Пекина никогда не была независима от иностранных держав, а в настоящее время иностранное влияние будет более сильным, чем когда-либо ранее. Китайский народ, ведущий борьбу против Японии с целью своего освобождения от японского ига, отчетливо понимает, что японцы препятствуют установлению добрых отношений Китая с Россией. Мы чувствуем, что сам китайский народ должен освободить себя от нависшей над ним опасности».

Общее мнение шанхайских китайских газет, точнее выражающих настроения китайской буржуазии, гласило о том, что новый кабинет явится прелюдией к новым политическим авантюрам.

Военные группировки севера Китая, не вошедшие в состав кабинета, заняли резко враждебную позицию к новому премьеру. Орган партии Чжи-ли «Гуо-бао» в статье от 29 декабря 1921 года говорил: «Любопытно посмотреть, когда и как «цзяо-тунские» ребята осуществят следующие задачи: 1) по объединению Китая; 2) по воссоединению Монголии с Китаем; 3) по укреплению финансов и финансовой системы в Китае».

Таково было отношение к новому кабинету, фактически возглавлявшемуся Чжан-Цзо-лином. Буржуазия, главный потенциальный претендент на власть, — осталась за бортом кабинета. Правительство было беспомощно во всех своих реформаторских попытках, так как органически не было в состоянии справиться ни с одной из социально-политических проблем, поставленных историей на разрешение Китаю. Правительство в Пекине в 1921 г., как и предшествовавшие, было опутано тенетами «держав», зорко следивших за каждым шагом его деятельности. Правительство 1921 года было лишь перегруппировкой реакционных сил на Севере, стремившихся к сохранению себя и своего положения. Противоречия между потребностями страны и Пекином, как формой власти, делали политическое положение Пекина весьма шатким, неся в себе зародыши новых конфликтов и вооруженных столкновений между Чжан-Цзо-лином и У-Пей-фу, встретившихся в открытом бою впервые — в мае 1922 года.

3) МАНЧЖУРСКАЯ ПРОБЛЕМА.

Борьба между Чжан-Цзо-лином и У-Пей-фу в 1922 году должна была закончиться победой У-Пей-фу и разгромом Чжана. Быстрота, с какой эта победа была одержана, в своем объективном значении лишь выявила процессы разложения и развития, которые обусловили самое столкновение двух милитаристических группировок на севере Китая, обеспечив победу одной из них.

Чжан-Цзо-лин не органичен, не-продукт социально-экономических условий современного Китая, являясь лишь осколком разбитой монархии в Китае, тем орудием, которое чужеземный империализм легко приспосабливает к своим интересам.

У-Пей-фу олицетворяет живую попытку истории к политической диктатуре военщины, выросшей и сложившейся в условиях императорского Китая.

В войне Чжан-Цзо-лина с У-Пей-фу, в борьбе за власть пораженным должен был — в 1922 году — выйти Чжан-Цзо-лин... Так называемое «общественное мнение», напедшее формы своего выявления в органах печати, митингах и организациях, было на стороне У-Пей-фу, тогда еще извавшим всеми либеральными словами. Это обстоятельство было решающим в борьбе... Не только все городское население в период схватки — от 29 апреля по 10 мая 1922 г. — было враждебно настроено в отношении Чжан-Цзо-лина. Крестьяне всего района военных действий вместе с другими классами разделяли чувства вражды к контр-революционным действиям мукденского сатрапа. Общественные настроения являются одним из факторов победы или поражения военных лордов Китая. В 1924 году китайская общественность была решительно против У-Пей-фу, успевшего выявить свои диктаторские способности.

Наемная армия Чжан-Цзо-лина в 1922 году дрогнула. Первый фланговый обход войск генерала У-Пей-фу под Пекином у станции Чжан-синь-тянь вызвал панику в рядах Чжан-Цзо-линовских войск, бросивших орудия, снаряды и позиции, искавших спасения в бегстве и погромах. С предметною наглядностью история еще раз преподала урок актерам и режиссерам мирового капитала в том, что в условиях борьбы с контр-революцией — и пушки и ружья интервентов остаются в стране лишь в качестве военных трофеев. «Армия Чжан-Цзо-лина не выявила ни интереса к сражению, ни воли к победе», в таких словах генерал У-Пей-фу характеризовал настроение армии «партии» Чжан-Цзо-лина, несмотря на прекрасное вооружение его армии, несмотря на участие в ней японских инструкторов и артиллеристов, несмотря на щедрую денежную помощь со стороны «известной державы» (Японии), пользуясь эзоповским стилем китайской прессы. Общественные настроения против Чжан-Цзо-лина, независимо от того, на кого история возложила задачу ведения борьбы, были протестом против ставленника японского империализма. Павел Рейнш, бывший американский посланник в Пекине, в период от 1913 до 1919 года,

в нью-йоркской «Нэйшен» от 3 мая 1922 года говорил о Чжан-Цзо-лине в следующих выражениях: «О Чжан-Цзо-лине вряд ли можно услышать два одинаковые мнения. Некоторым он представляется авантюристом чистейшей воды, бесстыдным в своих действиях, направленными на собственное обогащение. Другим он рисуется лишь в виде орудия в руках Японии... Все же о нем говорят, как о манчжурском бандите... За ним вечно следит зоркий глаз китайцев, готовый уловить каждый жест его нелояльности по отношению к китайскому народу или его угодничества перед иностранцами.... Чжан-Цзо-лин не может вступить в конфликты с японцами: он должен кооперировать с японцами по ряду вопросов. Однако, если Чжан-Цзо-лин не сумеет обеспечить себе свою персональную долю свободы действий, он не сумеет удержаться на своем месте...».

Чжан-Цзо-лин, сжатый в железный круг противоречий, пытался выйти из Мукдена и перенести центр тяжести своей «диктаторской» деятельности в Пекин. История заставила его тащить с собой и японцев. Чжан-Цзо-лин, разгребывая эту задачу, оказался лицом к лицу с объективным «общественным мнением» Китая и с сильною рукой У-Шей-фу. Манчжурский колосс, завоевывавший себе положение в течение двух десятилетий, казался побежденным на историческое мгновение.

Основным конкретным содержанием борьбы 1922 года был вопрос о судьбе Манчжурии. Быть ли Манчжурии органической частью Китая, или превратиться ей в колонию Японии—вот «больной» вопрос, историей поставленный на решение трудящимся массам Дальнего Востока. Манчжурская проблема выдвинулась во весь исполинский свой рост в момент, когда скрестилось оружие враждующих военных группировок.

Говоря о Манчжурии, надо иметь в виду обе ее части. Южная Манчжурия, отошедшая к Японии по Портсмутскому договору после русско-японской войны—в территориях от Порт-Артура до Чан-чуня со всей промадной площадью, неисчерпаемыми богатствами и железными дорогами на началах вечной, долгосрочной «аренды» — фактически уже превратилась во «владение» Японии. Северная Манчжурия и прилегающая к ней Внутренняя Монголия—представляются лишь полем для экспериментов японского империализма. Благодаря Южно-Манчжурской железной дороге, империалистическая Япония экономически господствует над всей территорией, монополизировала торговлю с Манчжурией, увозит к себе на фабрики богатейшие запасы угля и железа, подкрепляя свое беззастенчивое хозяйничанье аргументами наличной интервенции и угрозой увеличения количества японских дивизий.

В Северной Манчжурии — японский империализм еще чувствует себя пионером, прокладываям пути и тропы для будущей ее аннексии. На этой территории Японии пока еще необходима китайская фигура, осуществляющая задания японского капитала.

Японские империалисты объясняют необходимость присоединения Манчжурии и других территорий к Японии перенаселенностью страны, вызывающей необходимость в колонизации.

Суть вопроса не в колонизации, а в японском толковании «доктрины Монроэ», в плане создания паназиатской империи под руководством милитаристической Японии. Захват чужих территорий, вывоз угля и железа и монополия рынка — обуславливают тяготение Японии к матерiku и господство Японии в Манчжурии. Тенденция японского капитала превратить Манчжурию в свое «владение» с откровенностью, не вызывающей сомнений, выявилась и в методе разрешения манчжурского вопроса в момент заключения мира с царской Россией в 1905 году. Япония договаривалась с царским посланником о дальнейшей судьбе Манчжурии. С Китаем же, «собственником» этих территорий, Япония подписала в декабре 1905 года «договор», состоящий из двух пунктов, в силу которых китайское правительство соглашается на передачу всех прав, принадлежавших царской России в районе Южной Манчжурии — Японии.

Еще задолго до выяснения своих взглядов на Манчжурию, как на источник угля и железа (Фу-шунь и Янь-дай) и возможности использования Манчжурии, как рынка, — милитаристическая Япония мечтала о буферном государстве на континенте. Первые попытки этого рода относятся к периоду японо-китайской войны 1894—1895 годов, когда Япония захватила Ляо-дунский полуостров. Задачей Японии в те времена являлась изоляция Кореи от интриг манчжурского двора, интриг, направленных против японских посятательств в Корею. Лучшим средством к осуществлению этой цели было бы образование из Манчжурии буферного государства, которое отделяло бы Китай от Кореи. С того времени Корея превратилась в интегральную часть Японской империи, Южная Манчжурия — в колонию японского капитала, Северная Манчжурия — частью в полуколонию, частью в опытное поле для эксплуатации китайского населения.

Идея буфера еще не забыта. Исторически она не изжита. Буфер является той формой, в которой выявляет себя японский империализм в Манчжурии. Недаром Чжан-Цзо-лин, на второй день после своего поражения в 1922 году, по «совету» своих японских «друзей», объявил о независимости Манчжурии, Внутренней и Внешней Монголии. Пробный шар «независимости» вызвал бурю протеста внутри Китая, расценившего эту «независимость», как воскрешение идеи японо-манчжурского буфера. Чжан-Цзо-лин переименовал название и вместо «независимой» Манчжурии стал называть эти северные области «автономными». Японский буфер и в этой «редакции» сохраняется, неся на себе признаки японского солнца — символ японской государственности. Всякая форма «независимости» — Манчжурии в данных исторических условиях жизни Дальнего Востока — является проводником идей японского империализма.

Япония, расчищая себе путь для аннексии Манчжурии с ее многомиллионным китайским трудящимся населением, должна была позаботиться не только о создании своего, китайского агента—в лице Чжан-Цзо-лина, но и об устранении всяких влияний других капиталистических государств. Политике русского царизма в Манчжурии был нанесен Японией жестокий удар в 1905 г. Необходимо было также оказать противодействие планам Соединенных Штатов Америки. Японо-американские отношения в Манчжурии представляют одну из мало исследованных, но в то же время одну из наиболее интересных страниц в действительной истории мирового империализма на Дальнем Востоке. Американский сенатор Нокс еще в 1910 году разработал известную «схему» нейтрализации Кит.-Вост. жел. дороги, имевшей своею целью «опрадать» Манчжурию от царской великодержавности и японского империализма в интересах... американских банкиров. Нью-йоркские банкиры решили, что эта схема может принести им новые и большие прибыли... Схема Нокса предусматривала «выкуп» Китайско-Восточной железной дороги у царизма с отбрасыванием интересов царской России к району реки Амур. Период 1910 и следующих годов был периодом расцвета американской схемы, приведшей к консолидации американских банков, к первым проблемам дальневосточной политики Америки, к созданию международного консорциума банкиров, к большому плану «индустриального развития Манчжурии при содействии американского капитала» в случае, если китайское правительство решит пригласить иностранных капиталистов для совместного участия с китайским капиталом для развития Манчжурии.

Эти первые попытки американского капитала, нащупывавшего пути империалистической политики на азиатском континенте, реального значения не имели. Схема «нейтрализации», в свою очередь, была нейтрализована объединенными усилиями вчерашних врагов—царской Россией и милитаристической Японией. Неудача американского капитала в его стремлении закрепиться в Манчжурии в свое время характеризовалась, как поражение американской дипломатии, примитивной в своей концепции и наивной в методах действия... Знаменательным последствием этого периода, несмотря на всю его неблагоприятность для интересов американского капитала, является концентрированное внимание Америки на Манчжурии, «поворот» в сторону агрессивности страны «демократии». Участие Соединенных Штатов Америки в интервенции в Сибири в 1918—1920 годах, создание междусоюзного технического комитета на Китайско-Восточной железной дороге под руководством инженера Стивенса, самая деятельность в Манчжурии Стивенса—строителя Панамского канала, постановка Сибирского вопроса на повестку дня Вашингтонской конференции, резолюция о Китайско-Восточной железной дороге, проводящая близкий к принципу нейтрализации—принцип интернационализации этой дороги, и ряд явлений того же качества и порядка—служат живым выражением американской заинтересованности в манчжурских делах. Эта заинтересованность до сих пор является одним из основных факторов политической обстановки на Дальнем Востоке.

Манчжурия продолжает оставаться основным путем для проникновения американских товаров на китайский рынок.

«Хотя Америка ни при каких обстоятельствах не приобретет в собственность ни одного квадратного фута земли ни в Китае, ни в Манчжурии, разве только на началах аренды и в согласии с принципом международного муниципального сэттельмента, Америка должна тем не менее защищать растущую свою торговлю в Манчжурии и Китае, равно как потенциальные возможности этой торговли, на путях развития которой Америка всегда наталкивается на сопротивление Японии. В настоящих условиях нет данных, которые вызывали бы необходимость войны между этими государствами. Однако, имеется уже достаточно много данных для пререканий и соответственной аргументации»... (Джон Стюарт Томсон «Революционирующий Китай», стр. 264).

Джон Стюарт Томсон, писавший в 1913 г. о «неимении данных» для войны в настоящих условиях между Японией и Америкой по вопросу о Манчжурии, не отвергает самой возможности войны. «Как бы понравился Японии факт приобретения Америкой угольной станции в Манчжурии? Япония и Россия однажды уже заставили Китай отказать Америке в железнодорожной концессии в районе Чжилйского залива в 1900 году». Речь идет о неудавшемся проекте американских империалистов на сооружение железной дороги от порта Цинь-ван-дао вдоль всей Манчжурии до Айгуня.

Томсон, увлекаясь перспективой разногласий между Японией и Америкой, имеющих своей первопричиной Манчжурию, доводит эти разногласия до момента вооруженного столкновения этих двух капиталистических держав.

«Америка будет в состоянии контролировать положение в Великом океане, имея Филиппинские острова в качестве своей базы с момента, как только Соед. Шт. Америки соорудят достаточное количество доков. В двух вещах можно быть уверенным — в том, что, во-первых, Америка и Англия никогда не будут воевать между собой, и в том, во-вторых, что коммерческие и политические интересы Англии и Америки тождественны по своей природе на Востоке... Если Америка будет господствовать в Великом океане, японская армия ничего не сумеет сделать ни в Корее, ни в Манчжурии... Америка нуждается в тихоокеанском флоте двойной силы, потому что на Америке, как на приемной матери цивилизации, лежит обязанность по оказанию помощи Австралии, Южной Америке, Филиппинам, Канаде и республиканскому Китаю.... С Британией, осуществляющей контроль над Суэцким каналом, и Америкой, осуществляющей права собственности над Панамским каналом, имеется достаточно много уверенности в том, что политический прогресс и обеспечение мировой торговли будут обеспечены на более широком и свободном базисе» (Джон Томсон — «Революционирующий Китай», стр. 267—268).

Даже фразеология империалистической войны выдержана у Томсона во всех нюансах, в предвидении будущего столкновения хищников Тихого океана. Если империализм Японии толкал ее на путь так называемой континентальной политики, скрепляемой слезами и кровью корейских, китайских и русских трудящихся масс, то и «либеральная» Америка облюбовала Манчжурию, как территорию для «нейтрализации», как путь, по которому должны следовать товары американского производства.

Не безразлична судьба Манчжурии и для французского империализма с момента предъявления дутых счетов и фальшивых претензий Русско-Азиатского банка, крещенного во французскую веру, на Китайско-Восточную жел. дор. Французский финансовый капитал искал тесного союза с милитаристической Японией, из всех сил совместно поддерживая белогвардейские банды на Дальнем Востоке.

Манчжурия была объектом большого внимания и забот также Англии, стремящейся к поддержанию своего авторитета в северных, средних и южных морях и областях Китая и к защите интересов той английской банковской группы, на средства которой была построена Пекин-Мукденская железная дорога.

Манчжурия таит в себе все возможности конфликтов мировых империалистов между собою. В своем нынешнем состоянии Северная Манчжурия представляется районом наибольшего влияния Японии, выявляющей тенденции превращения Манчжурии в японскую колонию... Отсюда встраивание японцами Чжан-Цзо-лина в борьбу с реакционными генералами, захватившими Пекин, отсюда и поддержка Чжан-Цзо-лина в момент его военных схваток с У-Пей-фу, отсюда, наконец, проекты отделения Манчжурии от Китая на началах государственной суверенной независимости от Китая, или объявление 3 восточных провинций «автономными» областями Китая..

Японский империализм, простерший свою длань над Манчжурией с тем, чтобы ее аннексировать, наталкивается не только на интересы капиталистических государств, заявляющих о своих правах на Манчжурию, но наталкивается на весь Китай, на потенциальные возможности развития его экономики и на организованное буржуазное «общественное» мнение Китая. Все толки, распространяемые иностранцами в Китае, о полном безразличии самого Китая к судьбе Манчжурии, о политическом индифферентизме в отношении к Манчжурии, самой историей предназначенной пополнить собою «владения» чужеземных королей, империалистов или банковых магнатов, лишены основания. Манчжурия нужна Китаю. Китай давно осознал необходимость органической связи своих территорий. Осознают эту истину и «передовые» иностранцы.

Павел Рейниш в цитированной выше статье «Манчжурия, Монголия и Сибирь» говорит: «Сейчас стало ясно, что северо-запад азиатского континента превращается в главный театр событий будущего... Манчжурия и Монголия расцени-

ваются китайцами, как неисчерпаемый резерв будущего развития Китая. Население Манчжурии быстро растет. В период китайско-японской войны население Манчжурии измерялось в 7 миллионов человек. В настоящее время оно возросло до 15 миллионов. По подсчетам Путнам Уила, население Манчжурии превышает уже сейчас 25 миллионов. Манчжурия наводняется потоком колонистов с юга, в особенности из провинции Шань-дун и Чжи-ли. В виду развития Китая, а также в виду роста патриотических настроений среди китайцев, их отношение к этим территориям существенно изменилось. Манчжурия и Монголия не рассматриваются больше, как «владения», а расцениваются, как интегральная часть Китайской республики, представленной в своих центральных учреждениях. Манчжурия и Монголия отличаются от всего остального Китая характером населения и климатическими условиями, но для китайцев вся республика образует единое государство, внушительное по своим размерам и естественным богатствам, но не переросшее потребности огромного населения» («Нэйшюн», от 3 мая 1922 г.).

Еще более важны оценки и отзывы самих китайцев. В книге «Китай во взаимоотношениях с иностранными государствами», принадлежащей перу Бао-Мин-Цянь, мы находим следующие строки:

«Китай должен оказать сопротивление территориальной агрессивности или политическим замыслам Японии... Китай должен отвоевать для себя все права, связанные со своим суверенитетом, подчиненным ныне Японии... Китай должен действовать в отношении к Японии точно так, как Япония действует в отношении к Китаю. В виду того, что Япония действительно нуждается в сырье, в угле, в железе и в стали, а Китай обладает этими материалами в изобилии, мы должны быть великодушны и удовлетворить действительные потребности Японии. Китай, однако, не должен позволить Японии монополизировать свои железные копи или вообще какую-либо важную отрасль своей промышленности. Китай не должен позволить Японии заниматься экономической эксплуатацией его богатств в эгоистических интересах Японии во вред интересам Китая и других государств».

По вопросу о Манчжурии Бао говорит: «Китай должен оказать сопротивление политике Японии в Манчжурии и Монголии, так как Япония преследует цели территориальных захватов. Завоевание и аннексия Японией Манчжурии и Монголии неизбежно приведет к японскому игу над Китаем. То государство, которое осуществляет контроль над этими областями, держит в своих руках ключ к завоеванию всего Китая. По этим соображениям, Манчжурия и Монголия какою угодно ценою должны быть сохранены за Китаем. Что же касается стремления Японии к осуществлению политического контроля над этими территориями, то Китаю не представлено другой возможности, совместимой с его достоинством и честью, как решительное сопротивление такой политике. Не только «рекорд» Японии в Корее вселяет ужас в душу каждого китайца и служит вечным напоминанием о японском

терроре, но успех Японии в осуществлении этой политики будет означать конец независимости Китая»... (Бао—«Китай во взаимоотношениях с иностранными государствами», стр. 505—507).

Манчжурская проблема является проблемой всего Китая, органически переплетаясь с вопросом экономического развития Китая и его политическим будущим. Япония, «развертываясь» в Манчжурии, несет с собою угрозу Пекину.

В подтверждение этой точки зрения можно сослаться на взгляды С. К. Хорибека, который в своей книге «Современная политика на Дальнем Востоке» пишет: «Владея манчжурскими железными дорогами, проникающими в самое сердце Манчжурии, и Шань-дунскими дорогами, проникающими в сердце провинции Шань-дун, с правом удлинить эту дорогу до соединения с Пекино-Хань-коуской железной дорогой, Япония в состоянии в любой момент по собственному усмотрению размотать Пекин на жерновах своей милитаристической мельницы. Поскольку речь идет о задачах стратегии, Япония господствует в Северном Китае—экономически, политически и стратегически».

Китай все время живет под этой угрозой. Манчжурская проблема не только «цель в себе», но и «стратегический ключ» к решению дальне-восточной проблемы. Исторически задача переплетается с дальнейшей ролью воинствующего империализма Японии на Дальнем Востоке с ролью империализма вообще, с будущей судьбой самого Китая, с судьбой трудящихся масс Китая, Кореи и Дальнего Востока СССР.

Борьба между Чжан-Цзо-лином и У-Пей-фу в 1922 году являлась резко вычлуклым выражением «тенденции» японского империализма, опирающегося на китайские группировки—перенести «Мукден в Пекин», другими словами, установить свое господство и над собственно Китаем. Эта попытка потерпела поражение в 1922 году. Чжан-Цзо-лин не выдержал встречи со своим противником У-Пей-фу. Победа в 1922 году осталась на стороне У-Пей-фу, использовавшего в своих целях благоприятную историческую обстановку, располагавшего тогда общественным сочувствием; Чжан-Цзо-лин ушел со своими войсками на ту сторону Шанхай-гуаня.

Процессы в Китае идут в двух направлениях. Первая группа процессов ведет к объединению Китая, к воссоединению Севера и Юга, к собиранию всех провинций в единое целое, к созданию «центрального правительства», в котором национальные интересы политически независимого и экономически самостоятельного Китая были бы господствующими. Эти процессы, сформулированные китайской буржуазией, охватывают вопросы конституции Китая, парламента, избрания «законного» президента, создания твердой власти, сокращения провинциальных армий и власти дучжоунов, финансовые вопросы, займы, вопросы организации национальной

армии, словом — всю ту сумму вопросов, которая должна привести китайскую буржуазию к власти.

Другие процессы идут в сторону сближения Китая с СССР. Манчжурская проблема в этом сближении играет и будет играть решающую роль. Диалектика истории выявила себя с красочной наглядностью. Манчжурская проблема во времена царизма, захватившего Порт-Артур, город Дальний (ныне Дайрен), подавившего восстание боксеров, утопившего тысячи китайцев в реке Амуре, ведшего политику борьбы против желтой опасности, проводившейся Говдатти, была источником ненависти Китая к царской России. Манчжурская проблема в статике и динамике восточной политики Советского Союза является источником надежд Китая на свое освобождение от цепей дальневосточного хищника — Японии — и от типа мирового империализма вообще.

4) СОБЫТИЯ В КИТАЕ ЛЕТОМ 1922 г.

I. Военная обстановка.

Соглашение Сун-Ят-сена и Чжан-Цзо-лина подверглось и в печати, и в политических кружках и в рядах самой партии Го-минь-дан жестокой критике. Сторонники же соглашения настаивали на его тактической целесообразности, вызывавшейся необходимостью объединить различные группировки в Китае, даже враждебные по природе, в политически-причудливые комбинации, ради неуклонного ослабления противника — генерала У-Пей-фу. Основная мудрость соглашений в Китае — в оценке идеологов соглашательства — заключается в действии всех против одного, наиболее сильного врага, чтобы продолжать затем борьбу по тому же принципу для ликвидации другого противника. Этот метод тщательно проверен на опыте китайской политической истории.

Борьба враждующих групп в 1922 году шла под лозунгом «объединения» Китая — лозунгом, могущим быть брошенным в современных объективных условиях в массы в расчете на его популярность в Китае... На деле этот лозунг означал борьбу против генерала У-Пей-фу и руководимой им военной «партии» Чжи-ли. Генерал У-Пей-фу расположился со своими войсками в собственно Китае, в провинциях Чжи-ли, Шань-дун, Хэ-нань, Шань-си. К моменту столкновения он владел двумя важнейшими железными дорогами в Китае — Пекин-Пужоу'ской дорогой на Шанхай и Пекин-Ханькоу'ской дорогой. У-Пей-фу распоряжается в провинциях долины реки Ян-цзы, в провинциях Ху-бей, в северной части провинций Ху-нань, «контролирует» провинцию Цзян-си и складывает различные комбинации с провинцией Цзян-су, с ее военным губернатором Ци-Сие-юанем. Против У-Пей-фу направлены все стрелы соглашения...

Картина военных передвижений и действий, применительно к основному заданию, свидетельствовала о стремлении «соглашателей» взять чжилийцев в «кольцо». Северо-восток Китая — Манчжурия, состоящая из трех провинций, и Внутренняя Монголия, в свою очередь состоящая из трех провинций (Сюй-юань, Че-хол и Чахар), — находилась под контролем и командованием Чжан-Цзо-лина. Юго-восток — провинция Чжэ-цзян — находилась под командованием аньфуистского генерала Лу-Юн-сяна, ныне союзника Чжан-Цзо-лина и Сун-Ят-сена. Южная часть провинции Ху-нань была в руках «Го-минь-дана». Район юго-запада Китая — провинции Сы-чуань и Шэнь-си — был наводнен остатками войск аньфуистов и «националистов», время от времени тревоживших чжи-лийцев. Генерал У-Пей-фу был в центре железного окружения.

Актуальная роль в гражданской войне в Китае в 1922 г. принадлежала Чжан-Цзо-лину. Он поколебал «трон» пекинского президента Сюй-Ши-чана и поддерживал «разложение» пекинского правительства, в своем большинстве переехавшего из Пекина на иностранные концессии Тянь-цзиня, возложив ответственность перед страной за войну на У-Пей-фу. Чжан-Цзо-лин пытался внести раскол в ряды чжи-лийцев, запугивая официального главу «партии» Чжи-ли — маршала Цао-Куна, добиваясь его разрыва с У-Пей-фу. Он, «мобилизовав» весь подвижной состав на Пекин-Мукденской железной дороге, энергично занялся передвижением и концентрацией своих войск вокруг Тянь-цзиня и Пекина, создавая опорные военные базы...

Войсковые перемещения Чжан-Цзо-лина не остались без соответственного действия и со стороны У-Пей-фу. «Христианский генерал» Фын-Ю-сян, — тогда еще преданный друг генерала У-Пей-фу — занялся мобилизацией чжи-лийских войск. Сам У-Пей-фу «укреплял» свое положение в провинции Хэ-нань против дущюна этой провинции генерала Чжао-ди, сторонника Чжан-Цзо-лина, изыскивал военные совещания в своей ставке, в городе Ло-яне, для закрепления своего «тыла» — должны были Ян-цзы, на случай борьбы с Чжан-Цзо-лином, и своего «фронта» — та же долина — на случай борьбы с югом. Особым вниманием со стороны обоих готовящихся к бою группировок пользовалась провинция Шань-дун, в виду своего стратегического положения и значения, располагающая богатейшим пороховым заводом и арсеналом в городе Де-чжоу, севернее столицы провинции Шань-дун, — Цзинань-фу.

2. Империалисты о «соглашении» Сун-Ят-сена и Чжан-Цзо-лина.

Применительно к событиям в Китае летом 1922 года, милитаристическая Япония выявила себя сторонницей «соглашения» Чжан-Цзо-лина с Сун-Ят-сеном, впрочем, при обязательном участии в блоке и ань-фуистов.

Причины заинтересованности Японии в этом «соглашении» очевидны. Япония вновь находит своего утерянного друга — партию ань-фуистов, стремящихся

занять, на арене борьбы за влияние и власть, крупное место. Вместе с захватом власти ань-фуистами должно было бы прийти и усиление японского влияния в китайских делах. Япония «поддерживает» Чжан-Цзо-лина в Манчжурии и с большой готовностью будет «поддерживать» Чжан-Цзо-лина и в собственно Китае, в его борьбе за долину реки Ян-цзы. Япония, вообще говоря, «поддерживает» всякого, кто возьмет на себя задачу распространения ее влияния вглубь Китая. «Усиленная» поддержка северных группировок в их политике «соглашения» с югом создавала в 1922 году «реальное соотношение сил», ослаблявшее Сун-Ят-сена в самом соглашении.

Япония на деле пыталась развернуть свою «программу действий» применительно к создавшемуся политическому положению в Китае. Для военного и политического «союза» необходимо было прежде всего овладеть Пекин-Хань-коу'ской железной дорогой. С этой целью Япония предложила министерству путей сообщения, находившемуся в руках партии Цзяо-тун, заем под залог Пекин-Хань-коу'ской железной дороги. Если бы эта операция удалась, У-Пей-фу в первую очередь лишился бы денежных источников, так как главным денежным источником для него является Хань-коу'ская дорога. У-Пей-фу столкнулся бы в дальнейшем с предложением японцев не вести военных операций вдоль железной дороги, отданной в залог Японии, так как военные операции угрожают интересам мирных японских граждан на территории дороги...

В дополнение к этой практической мере «содействия», были зарегистрированы случаи ввоза японцами большого транспорта оружия в Китай. В таких реальных шагах и действиях Япония, вместе с упорным вмешательством во внутренние дела Китая, оказывает свои «услуги» соглашению Чжан-Цзо-лина с Сун-Ят-сеном.

Америка также была на стороне соглашения. Посредничество Соединенных Штатов Америки между различными группировками в Китае объяснялось домогательствами Америки на большую роль в политике Китая, для закрепления своего экономического влияния в Китае. Для благополучного достижения этих целей, прежде всего Америке было необходимо укротить «строптивость» южного правительства, подрезать лозунги национального раскрепощения Китая, провозглашенные южанами, сокращавшими размах деятельности мирового империализма. Америке было необходимо далее вырвать Чжан-Цзо-лина из-под исключительного влияния Японии. Эти задачи легче всего были бы осуществимы, по мнению американских политиков, при амальгамировании Чжан-Цзо-лина с Сун-Ят-сеном, при появлении Чжан-Цзо-лина внутри Великой Китайской стены — в качестве фактора политики всего Китая, а не одной только Манчжурии. Идеологию американского вмешательства в политическую жизнь Китая можно найти в формуле американского сената, принятой по поводу постановлений Вашингтонской конференции, го-

ворящей о необходимости со стороны Америки оказывать содействие образованию «устойчивого правительства» в Китае.

Линия политического поведения Англии применительно к сложившейся обстановке определялась двумя моментами: 1) ненавистью к Кантону и к южному правительству и 2) стремлением сохранить свои исключительные права в долине реки Ян-цзы, обеспеченные за Англией в виде компенсации за подавление анти-династического Тайпинского восстания в Китае. Ненависть к Кантону вызывается той ролью, какую Кантон уже сейчас играет во взаимоотношениях к Гонконгу и его потенциальными возможностями. Всеобщая забастовка в Гонконге в 1922 году, в отношении которой Кантон играл роль «главной квартиры», долго будет памятна англичанам. Англия всеми силами противится усилению влияния Японии в долине реки Ян-цзы. В учете этих соображений, Англия заинтересована в сохранении «статус-кво» в долине реки Ян-цзы. Англия разместила свои речные крейсера в главных портовых городах Ян-цзы, заявив, что не допустит военных операций в районах английской торговли.

Это означало желание Англии оказать активное содействие генералу У-Пей-фу против шедших на него сил с юга.

3. Повод к военным действиям.

Развернувшаяся в конце апреля 1922 г. война между Чжан-Цзо-лином и генералом У-Пей-фу требует характеристики моментов, послуживших поводом к началу военных операций. Конфликт, сам по себе подготовлявшийся в течение ряда последних лет, берет свое официальное начало в декабре 1921 года, когда У-Пей-фу объявил премьеру пекинского правительства Лян-Ши-и, поставленного у власти Чжан-Цзо-лином, предателем и агентом Японии. У-Пей-фу обвинил премьера в ведении тайных переговоров с Японией по вопросу о Шань-дуне. Лян-Ши-и, немедленно же уехавший из Пекина в Тянь-цзин в отпуск «по болезни», и Чжан-Цзо-лин, благословивший Лян-Ши-и на премьерство, печатно отрицали какую-либо причастность к тайным соглашениям с Японией о провинции Шань-дун.

Однако, вернувшийся в Пекин из Вашингтона один из членов китайской делегации удостоверил, что Лян-Ши-и немедленно же по вступлении в премьерство телеграфно предложил китайской делегации в Вашингтоне прекратить переговоры с японской делегацией о Шань-дуне ввиду предстоящего ведения непосредственных переговоров с Японией в Пекине.

«Непосредственные» переговоры Китая с империалистической Японией в условиях времени отождествлялись с угрозой дальнейшей оккупации Шаньдуна, так как пекинское правительство лицом к лицу с милитаристической Японией безропотно принимало все навязываемые Японией Китаю условия. Опыт с 21 требованием в мае 1915 года, ущемивший суверенные права Китая и лишивший

его прав в Северной Манчжурии и Внутренней Монголии, был еще свеж в памяти Китая.

Шаньдунский вопрос явился поводом, заострившим конфликт между враждебными группировками в Китае, конфликт, перешедший в открытую войну этих группировок на большом фронте внутри самого Китая. У-Пей-фу использовал японофильство своих врагов, чтобы дискредитировать в глазах китайских масс Чжан-Цзо-лина и пособника Юань-Ши-кая—монархиста Лян-Ши-и.

Шаньдун и в военных операциях враждующих группировок играл крупную роль, давая японцам возможность развить свою помощь Чжан-Цзо-лину до максимальных размеров, используя Южно-Манчжурскую дорогу для перевозки войск от Мукдена до Дайрена и Циндао—как порт выгрузки Чжан-Цзо-линовских войск, для дальнейшего их накопления в Шаньдуне.

Пять моментов обычно предшествуют военным действиям военных «лордов» в Китае: 1) «Война по телеграфу» — является первым этапом, выясняющим взаимные отношения враждебных сторон. Этот этап охватывает собою циркуляры к народу, усиленно посылаемые соперниками, взаимные угрозы, перечисление грехов противников. 2) «Стадия союзов и альянсов» — когда обе группировки ищут для себя друзей, примыкающих к союзу либо из политических, либо из личных соображений. 3) «Стадия посредничества» — является лишь пустой формальностью, не рассчитанной на достижение реальных результатов. 4) «Решительный момент» — когда при кажущейся надежде на примирение идет усиленная военная подготовка, концентрация и развертывание войск, захват железных дорог, выселение крестьян из насиженных мест и реквизиция зерна и скота и, наконец, 5) «Война и... победа» — закрепляющая за торжествующей стороной плоды ее стратегии и тактики.

В первом из указанных пяти этапов — в «войне по телеграфу» — Чжан-Цзо-лин пытался предстать перед общественным мнением Китая в роли «объединителя» Китая, изображая У-Пей-фу противником идеи воссоединения Китая. «Нет надобности указывать», — говорит Чжан-Цзо-лин, — что граждане Фын-тянь'я (Мукденская провинция) и Чжи-ли являются членами одной и той же семьи. Я сам уроженец провинции Чжи-ли и ничего дурного в отношении к этой провинции не замышляю... Манчжурия должна рассматриваться, как вторая родина для чжилийцев. В виду природных богатств Манчжурии, граждане Чжи-ли переселяются в нее и прочно в ней устраиваются».

«Миротворение» Чжан-Цзо-лина не показалось убедительным для У-Пей-фу, требовавшего безоговорочной эвакуации войск Чжан-Цзо-лина из провинции Чжи-ли и увода их из пределов Великой Стены.

Самые бои между войсками Чжан-Цзо-лина и У-Пей-фу развернулись в направлениях: 1) на так наз. западном фронте — по Пекин-Ханькоу'ской железной дороге в 10—15 милях от Пекина; 2) на так наз. срединном фронте в углу,

образуемом Пекин-Ханькоу'ской и Пекин-Мукденской железной дорогой в 25—30 милях от Пекина к северу, и 3) на так наз. восточном фронте—по Тянь-цзин'ской железной дороге в 25 милях к югу от Тянь-цзина.

Самая война тянулась несколько дней, закончившись победой генерала У-Пей-фу над Чжан-Цзо-лином.

Гражданская война 1922 года не ликвидировала всех вопросов, поставленных на разрешение Китая. Победа генерала У-Пей-фу над коалицией противников лишь отодвигала момент нового столкновения враждебных сил.

Это столкновение, на этот раз к невыгоде генерала У-Пей-фу, произошло осенью 1924 года—в иной социально-политической обстановке чем та, которая характеризовала собою обстановку лета 1922 года.

5) ГЕНЕРАЛ У-ПЕЙ-ФУ — НА ПУТИ К ДИКТАТУРЕ.

I.

Эпоха побед генерала У-Пей-фу, начавшаяся в 1920 году и усиленная победою над маршалом Чжан-Цзо-лином в 1922 году, закрепила его политическое влияние на севере Китая. Особенности политического положения Пекина заключались и заключаются, однако, в том, что одержавший победу генерал не всегда сам становится у кормила власти. С внешней стороны герой момента—победивший генерал — продолжает стоять как бы в стороне от политических дел, сохраняя за собою лишь руководящую роль в направлении событий.

У-Пей-фу в 1922 году, как и в 1920 году, концентрировал всю полноту власти в своих руках, несмотря на то, что он пробыл в Пекине всего лишь несколько дней, отправив свою образцовую 3-ю дивизию в город Ло-ян (Хэ-нань-фу) в провинции Хэ-нань.

Май месяц 1922 года был периодом восхождения политической звезды генерала У-Пей-фу к зениту. Он излагал свою точку зрения на ряд вопросов общественной жизни Китая, перерастая роль командира нескольких дивизий и усваивая позу национального героя, ставящего себе определенные политические цели в конкретной исторической обстановке.

Под влиянием своих побед генерал У-Пей-фу в первую очередь формулирует свою точку зрения по вопросу об объединении Китая. Этот вопрос для обширного Китая представляется основным. В Китае действуют две тенденции, взаимно друг друга исключаящие. Первая из них — центробежна. Она ведет к раз'единению провинций и областей Китая, к дезинтеграции отдельных районов Китая. Это явление находит свое объяснение в экономических условиях развития Поднебесной республики. Полуфеодальный замкнутый хозяйственный организм Китая не ощущал

экономических потребностей к объединению отдельных районов между собой. Полунатуральное хозяйство той или другой области обладало способностью само себя поддерживать. Это явление было характерно для целого ряда районов Китая того периода, когда эти районы жили своею обособленной хозяйственной жизнью.

Китай при обширности своей территории, при недостаточности железнодорожных путей сообщений, при отсутствии речных и шоссейных дорог, при неравномерной роли территорий в экономической судьбе страны распадался на огромные части, каждая из которых имела свою собственную экономическую историю. Этими причинами вызывались центробежные тенденции, дававшие в политике тот эффект, благодаря которому политическое господство в каждом районе проявляло склонность не признавать авторитета политического режима соседнего района. Весьма нередко эти районы находились между собой в условиях политической вражды и гражданской войны.

Развитие производительных сил в XX веке противопоставило центробежным тенденциям—тенденции центростремительные. Экономика страны потребовала связи отдельных территорий в пределах района и связи районов между собой. Переход Китая на новые пути развития выявлял эту тенденцию с рельефной наглядностью.

Весь приморский, прибрежный Китай втянулся в товарооборот с мировым хозяйством. Условия хозяйства в приморских провинциях не только позволяют населению этих территорий быть покупателями фабрикатов продукции иностранных государств, но и ведут к приспособлению хозяйства этих провинций к экономическим взаимоотношениям с мировым капиталом. Приморские провинции Китая экспортируют в капиталистические государства не только продукцию своего хозяйства, но и привлекают продукцию крестьянского хозяйства других более отдаленных районов. Торговая жизнь есть ключом в крупных провинциальных центрах прибрежного Китая. Экономика этих пунктов играет роль фактора, господствующего над экономикой прилегающих районов.

С точки зрения развития народного хозяйства Китая, процессы раз'единения Китая, его распада,—должны отойти в область истории. Собираение Китая воедино, на базе экономики страны, учитывающем характерные особенности народного хозяйства каждого из районов, — вот те задачи, которые новый Китай — Китай промышленного расцвета — ставит перед собой.

Даже Юань-Ши-кай — этот наиболее колоритный выразитель идеи генеральской диктатуры в Китае — учтя значение объединения Китая, как фактора его экономического могущества, пытался держать территории Китая в политическом единстве, — правда, при помощи железных тисков личной диктатуры.

Со смертью Юань-Ши-кай, процессы распада политических сил, представлявших интересы разных провинций — Ань-хуэй, Чжи-ли и Цзян-су — выяви-

лись в образовании двух военных групп, некогда составлявших единую военную клику Северного Китая. Эти военные группировки были: 1) Чжи-ли, с генералом Фын-Го-чжаном во главе, и 2) Ань-фу, с маршалом Дуань-Ци-чаном в качестве призванного авторитета и ответственного руководителя этой группы.

Наличие этих двух группировок, осложненное рождением новых военных групп в последние годы, не снимало с очереди вопроса об объединении Китая, о такой его консолидации, которая отвечала бы потребностям экономического развития Китая.

Общественная мысль Китая—по преимуществу либеральной интеллигенции—выдвигала идею автономии провинций с проведением принципа федерации Китая, как верховного государственного принципа республики. Идея автономии провинций требует еще конкретизации и заполнения своих условных рамок реальным экономическим содержанием.

В условиях современного развития Китая накапливаются признаки, вынуждающие даже военных генералов — героев исторической минуты жизни Китая — ставить вопрос об объединении страны. Генерал У-Пей-фу, также в учете выявившихся потребностей, сейчас же после победы выдвинул идею объединения Китая под контролем сильного центрального правительства. Победа над Чжан-Цзо-лином содействовала развитию концепции, в силу которой генерал У-Пей-фу объявил программную решительную борьбу идее «независимости» провинций. Те провинции или области, которые не признавали бы власти центрального правительства, т. е. власти режиссера этого правительства—генерала У-Пей-фу — должны были быть приведены к покорности силой оружия. Диктаторские устремления генерала У-Пей-фу подменили идею объединения Китая, вырастающую из экономических потребностей развивающегося Китая, идеей военных экспедиций в непокорные районы.

Выявление взглядов генерала У-Пей-фу по вопросам объединения Китая звучало, как целая программа. Она знаменовала собою заострение гражданской войны в ближайшее уже время и организацию фронтов в разных пунктах Китая.

Программа У-Пей-фу, рассчитанная на диктаторские методы, была вызовом, брошенным другим военным группировкам. Ввиду этих соображений, кульминационный пункт политического и военного могущества генерала У-Пей-фу, достигнутый им в 1922 году, был в то же самое время поворотным пунктом в его судьбе, как диктатора Китая. Этот же момент отмечал собою начало кризиса в жизни военной «партии» Чжи-ли, одновременно обозначая близкое начало сложной сети политических интриг и скандалов, ведущих к открытой военной борьбе.

Несмотря на все эти как бы угрожающие признаки, приходится признать, что программа насильственного объединения Китая, выброшенная, как лозунг, сейчас же вслед за победой над Чжан-Цзо-лином, была для военной группировки Чжи-ли неизбежной. Генерал У-Пей-фу, одержав победу над наиболее значительными

своими врагами, должен был ставить вопрос о признании своего авторитета во все-китайском масштабе.

В учете препятствий, стоявших на пути осуществления диктаторских планов генерала У-Пей-фу, он избирает путь такого воздействия на жизнь провинций, который вел бы к созданию внутри «независимых» провинций ударного кулака для борьбы с враждебными генералу У-Пей-фу группами.

Этот момент является программным в тактической линии генерала У-Пей-фу, стремящегося к созданию контакта между Ло-яном — своей военной ставкой — и отдельными группировками в провинциях Сы-чу-ань, Ху-нань, Гуан-дун и Фу-цзянь. Оказание максимальной поддержки такой группировке, снабжение ее материальными средствами и военным снаряжением, создание наиболее благоприятных условий для борьбы и победы этой группировки, — вот тот метод, которым шел генерал У-Пей-фу к укрощению строптивых, к подчинению себе непокорных. Единственное условие, которое генерал У-Пей-фу ставил местным группировкам при оказании им щедрой помощи, было признание этими группировками его военного руководства и политического авторитета.

Эта теория военного, диктаторского, механического объединения Китая требовала дополнения в виде юридической квалификации тех, кто этой теории не признавал, государственными преступниками подлежащими применению максимума карательной санкции со стороны государства. С этой точки зрения характерно, что государственными преступниками были объявлены все несогласные с генералом У-Пей-фу — маршалы Чжан-Цзо-лин, Дуань-Ци-чжуй, доктор Сун-Ят-сен, генерал Лу-Юн-сян и другие.

Господство идеи личной диктатуры являлось характерным элементом политической обстановки после победы генерала У-Пей-фу над Чжан-Цзо-лином. У-Пей-фу даже не допускал обсуждения вопроса о целях и средствах осуществления своей политической линии. Он становился в решительную оппозицию к проектам коллективного обсуждения вопроса об объединении страны путем созыва конференции всех претендентов на власть.

Генерал У-Пей-фу был последовательным противником конференции, несмотря на то, что сторонниками конференции были такие выдающиеся «фигуры» в рядах партии Чжи-ли, как генерал Ци-Сие-юань, дучжун провинции Цзян-су, имеющей огромное значение для судеб Китая и самой партии Чжи-ли, и «христианский генерал» Фын-Ю-сян, игравший исключительную роль в момент военного столкновения «партии» Чжи-ли с Чжан-Цзо-лином. Судьба «партии» и генерала У-Пей-фу была решена в пользу для Чжи-ли в 1922 году благодаря активному вмешательству «христианского генерала» Фын-Ю-сяна, отведшего от «партии» Чжи-ли главный удар, занесенный над ней в ее глубоком тылу — в провинции Хэ-нань — генералом Чжао-ди, являвшимся союзником маршала Чжан-Цзо-лина.

Генерал У-Пей-фу, подводя итоги своеобразной дискуссии по вопросу о методах объединения Китая, заявлял, что «при наличии современных условий, господствующих в стране, умиротворение страны возможно лишь при помощи силы» *).

Сопротивление генерала У-Пей-фу идее конференции объясняется тем противоречием, какое конференция несла бы идее персональной диктатуры. Любопытны отрицательные оценки, какие генерал У-Пей-фу давал конференциям вообще. Он не верил в успех конференций, полагая, что конференции — наименее совершенный метод разрешения больших проблем. У-Пей-фу ссылался при этом, в виде доказательства, на безуспешность обильного числа конференций мирового характера, в том числе и на безуспешность Вашингтонской конференции.

II.

Идея военного объединения Китая была определяющим моментом для целого ряда политических мероприятий, рекомендовавшихся Пекину генералом У-Пей-фу. У-Пей-фу настаивал на созыве «старого парламента». Это — тот самый парламент, который был создан китайской революцией. Избирательный закон, основанный на высоком имущественном цензе, с одной стороны, долголетнее пребывание членов парламента в звании «народных представителей», несмотря на то, что вся политическая обстановка Китая за 10 лет по избрании парламента изменилась в целом и во всех частях, с другой стороны, — превращали «старый парламент» в орудие борьбы за власть сильных военных группировок. Парламент в объективных условиях развития Китая не мог уже играть значительной роли в политической истории страны. События в Китае далеко оставили позади себя «старый парламент». Содержание этих событий переросло те возможности, какие «старый парламент» и вообще идея парламентаризма несли с собой в Китае.

Однако, созыв «старого парламента» был шагом политического значения. «Старый парламент» жил отраженной славой большой эпохи, эпохи Великой Китайской Революции. «Старый парламент» выдержал отчаянную борьбу против Юань-Ши-кая и против китайской контрреволюции в целом. Он был разогнан аньфуистами, создавшими свой «новый парламент». Ликвидация аньфуистского парламента и возвращение к деятельности «старого парламента» были тем даром китайскому либерализму, который генерал У-Пей-фу подносил китайской интеллигенции без всякого риска для идеи генеральской диктатуры.

У-Пей-фу знал, что парламент в целом никакой угрозы его планам не представляет, что основное ядро парламента — бывшие народные трибуны — успели «приспособиться» к условиям восторжествовавшей реакции в стране, что «старый парламент» переродился, что он живет уже идеалистическими революционными воспоминаниями и «реалистической» зависимостью от «руки дающей».

*) „Journal de Pekin“ — от 14 декабря 1922 г.

Однако, созыв «старого парламента» достигал двух политических целей—ликвидации анфуистского парламента, являвшегося в значительной степени орудием японского влияния, и ликвидации того парламента, который заседал в Кантоне, составившись из части «старого парламента», не пожелавшей подчиниться приказу о разгоне. С точки зрения политической, маневр генерала У-Пей-фу был рассчитан на определенный эффект. Эффект был достигнут, при чем политический престиж генерала У-Пей-фу в глазах буржуазной интеллигенции был даже несколько поднят.

Чтобы перестраховать себя от возможности вмешательства парламента во внутренние дела и избавить себя от опасности превращения парламента в орудие политической борьбы против себя — генерал У-Пей-фу со всей категоричностью наметил задачу, которую парламент должен был поставить перед собою для практического разрешения. Эта задача заключалась в составлении «постоянной конституции» Китая. Генерал У-Пей-фу старался придать этому вопросу характер основной проблемы, от удачного разрешения которой зависит дальнейший ход политического развития Китая.

Марксистский взгляд на конституцию как на «реальное соотношение сил» как нельзя более соответствовал обстановке, создавшейся в Китае. Конституция диктовалась реальным соотношением сил, а в реальном соотношении сил центральное место принадлежало генерату У-Пей-фу.

Мотивом, в силу которого генерал У-Пей-фу выдвигал, в качестве первейшей задачи, создание «постоянной конституции», было то соображение, что в Китае действовала «временная конституция», наспех сколоченная в эпоху революционной бури. Эта «временная конституция» не могла рассматриваться, как основной закон страны.

В самом предложении генерала У-Пей-фу о создании «постоянной конституции» китайский либерализм также усмотрел шаг вперед, так как осуществлению именно этой задачи в свое время препятствовали контрреволюционные силы, разгонившие парламент в тот самый момент, когда он принимался за составление «постоянной конституции». «Старый парламент», по мнению генерала У-Пей-фу, необходимо было наделить учредительными функциями. Закончив разработку конституции, парламент должен был бы уйти, очистив место для вновь избранного парламента, который должен был заняться текущей работой.

Такими мазками чертил генерал У-Пей-фу схему работ парламента, им восстановленного к жизни. Генерал У-Пей-фу, сохраняя за собою политическое руководство, заполнял эту схему конкретным содержанием, настаивая на том, чтобы основной идеей «постоянной конституции» был бы принцип централизации власти. На долю центральной власти, по мысли генерала У-Пей-фу, должны лечь функции контроля над вопросами государственной жизни всего Китая—во всем его территориальном охвате. Местам предоставлялись на разрешение лишь незначительные вопросы, лишённые принципиального характера.

Даже в вопросе о государственном аппарате централизм генерала У-Пей-фу доходил до того, что он проектировал назначение военных и гражданских должностных лиц из центра на места. «Постоянная конституция» не должна была, согласно воли генерала У-Пей-фу, оставить какой-либо простор для так называемой автономии провинций.

Законченная система взглядов генерала У-Пей-фу, раскрытая им после победы над Чжан-Цзо-лином, сводилась к утверждению одной политической формулы — к господству бронированного кулака. Некоторые из сторонников взглядов генерала У-Пей-фу квалифицируют его систему, как заимствование идей китайских классиков, преимущественно Конфуция. У-Пей-фу, по мнению его сторонников, лишь приспособляет взгляды классиков к современным условиям жизни Китая, видоизменяя отношения между китайским императором и подданными — отношениями политически подчиненных провинций сильному правительственному центру.

Суть вопроса — не в мудрых правилах классической древности, а в том, что генерал У-Пей-фу представляет собою чрезвычайно колоритную фигуру уходящей в небытие социальной группы. Эта группа военных феодалов привыкла управлять сама, бесконтрольно распоряжаясь всеми ресурсами страны. Ее первым и последним оправданием служит ее сила. Распоряжение доходами страны, судьбой провинций и жизнью граждан лучше всего достигается при системе жесткой централизации аппарата, подчиненного генеральской диктатуре.

Те же качества выявляют дучжоуны в каждой провинции. Спор идет не о качестве, не о принципе, не о системе власти, а о количестве, об объеме власти. Этим духом генеральской диктатуры полна политическая обстановка во всей стране и все ее военные группировки. Претендентов на генеральский трон было не мало со времени Юань-Ши-кая. Этот трон был занят после победы над Чжан-Цзо-лином генералом У-Пей-фу не по воле классиков и Конфуция, а в силу тех общественно-экономических условий, благодаря которым еще сейчас существует институт «военных лордов», дучжоунов и наиболее смелых среди них — генералов У-Пей-фу, Чжан-Цзо-лина, Фын-Ю-сяна и других.

Такая концепция государственной власти предполагает максимум политической «добродетели» в личных качествах той персоны, которая сегодня управляет Китаем. В одном из интервью, данном генералом У-Пей-фу редактору «Peking Leader», в августе 1923 года, он сказал: «совершенно неважно, называется ли глава государства министром, или президентом, или председателем исполнительного комитета. Если только правитель — хороший человек, то народ должен быть счастлив. Если же он плохой человек, то народу придется страдать. Самое важное — это характер правителя, а не номинальная форма правления» *).

*) Цитировано по «Бюллетеню информационного бюро при чрезвычайном полномочном представительстве СССР в Китае», август 1923 г., № 13.

III.

Созыв старого парламента должен был поставить вопрос и о президенте республики. Все военные группировки сходились на мысли о необходимости «снять» с поста президента — Сюй-Ши-чана. Он был поставлен у власти маршалом Дуань-Ци-чжуем. Когда аньфуисты были разбиты, президент Сюй-Ши-чан, доктор honoris causa Парижского университета, лишил своего друга и благодетеля — маршала Дуань-Ци-чжуня — всех его титулов и рангов, спасая этою ценой свое положение президента на период от 1920 до 1922 года — до момента столкновения Чжи-ли с мукденским маршалом Чжан-Цзо-лином.

В решительную минуту — в 1922 году — Сюй-Ши-чан старался уравновесить обе враждующие группировки, опираясь и на Чжан-Цзо-лина и на У-Пей-фу и на Цао-куня, и тем самым закреплял свое положение. Эта игра не предотвратила военного столкновения и не избавила Чжан-Цзо-лина от поражения. Мукденский маршал имел все основания быть недовольным хитроумным Сюй-Ши-чаном — мандарином времен манчжурской монархии — после того, как «поэт-президент» лишил Чжан-Цзо-лина его высоких чинов и званий, объявив его мятежником. Недовольными президентом Сюй-Ши-чаном оказались также Цао-Кунь и У-Пей-фу, так как ими не были еще забыты заигрывания президента с Чжан-Цзо-лином, не оставлявшие сомнений в том, что Сюй-Ши-чан для ослабления позиций «партии» Чжи-ли будет играть на примирении обеих враждующих группировок.

Ловкость тактических маневров Сюй-Ши-чана была воспитана в нем долгими годами службы у богдыхана. Это его свойство было оценено династией Дай-цинов, в награду за что Сюй-Ши-чан был назначен комиссаром по обучению императорской гвардии и приставлен, как «хранитель», к последнему богдыхану — малолетнему императору, сброшенному с престола в 1911 году. Должность «хранителя» считалась наиболее почетной в системе должностей времен монархии.

Сюй-Ши-чан в революционном движении не принимал никакого участия. Лишь после того, как революция была разгромлена, и утвердилась власть контрреволюции, Сюй-Ши-чан вновь появляется на политической арене. Он был одним из тех «четырех», которые помогали Юань-Ши-каю в учинении монархического переворота в 1915 году. Провал монархического «coup d'état» привел Сюй-Ши-чана к отставке. Он вновь вернулся к власти — на этот раз уже в качестве президента Китайской республики — в эпоху злой реакции, когда правительственными судьбами Китая распоряжался маршал Дуань-Ци-чжун *).

Сюй-Ши-чан был «снят» с поста президента генералом У-Пей-фу. Его уход

*) Биографические сведения о Сюй-Ши-чане нами заимствованы из книги „Who's Who in China“, 1920 года.

не был квалифицирован даже как сколько-нибудь значительное явление в политической жизни страны.

К роли президента республики был призван Ли-Юань-хун, живший в Пекине на территории английской концессии в особняке, сооруженном по европейскому образцу.

Ли-Юань-хун был вынужденным героем китайской революции 1911 года. Войсковые части заставили Ли-Юань-хуна, тогда полковника в городе У-чане, столице провинции Ху-бэй, принять командование над революционными частями против манчжурских войск. Ли-Юань-хун принял на себя впоследствии задачи по посредничеству между Пекином и революционными войсками, добившись созыва Шанхайской конференции, на которой были приняты условия отречения от политической власти династии Дайцинов.

Ли-Юань-хун в последующие этапы революционного движения был избран в вице-президенты Китайской республики. В этой роли он был «ручным» при Юань-Ши-кае. Ли-Юань-хун вообще не проявлял себя, как активный политический деятель, держась на весьма скромных позициях в период торжества китайской контр-революции.

После разгрома Юань-Ши-каевского монархического плана и ухода Юань-Ши-кае в 1916 году с политической арены и от жизни вообще, Ли-Юань-хун был избран президентом. Он бросил президентское кресло и бежал в посольский квартал дипломатического корпуса в 1917 году, когда генерал Чжан-Сун восстановил на короткое историческое мгновение малолетнего богдыхана на монархический трон.

За время своего политического бездействия Ли-Юань-хун энергично был занят торгово-промышленной деятельностью, участвуя в качестве акционера в ряде смешанных англо-американско-китайских обществ. Из Тянь-цзиня он и был извлечен генералом У-Пей-фу, вспомнившим, что Ли-Юань-хун еще не исчерпал срока своих президентских полномочий. Генерал У-Пей-фу при посредстве своей печати поднял кампанию за возвращение Ли-Юань-хуна в Пекин для восстановления «конституционной власти», которую-де аньфуисты и Чжан-Цзо-лин заменили властью реакционной.

Ли-Юань-хун был наиболее подходящим, с точки зрения генерала У-Пей-фу, кандидатом на президентский престол. Вокруг вопроса о президентстве в Китае разыгрываются наиболее жаркие бои. Вопрос о президентстве почти всегда является центральным в судьбе военных столкновений генералов между собой. После победы над Чжан-Цзо-лином в числе претендентов на вакантное президентское место были маршал Цао-Кунь и доктор Сун-Ят-сен. Генерал У-Пей-фу был решительно настроен против избрания в президенты Цао-Куня или Сун-Ят-сена.

Мотивы оппозиции генерала У-Пей-фу против маршала Цао-Куня, своего учителя и официального главы военной группировки Чжи-ли, заключались в том,

что приход к власти Цао-Куня, во-первых, разоблачал бы планы Чжи-ли, свидетельствуя об эгоистических стремлениях руководителей этой военной группировки и, во-вторых, содействовал бы значительному росту влияния самого Цао-Куня, которое привело бы к ослаблению влияния генерала У-Пей-фу. Аргументами против избрания доктора Сун-Ят-сена служило то обстоятельство, что доктор Сун-Ят-сен — революционер большого стажа и большой политической репутации. Его избрание в президенты ликвидировало бы заносчивую идею генеральской диктатуры или, во всяком случае, отодвинуло бы ее осуществление на долгий срок.

Избрание Ли-Юань-хуна в президенты Китайской республики представлялось удобным также и потому, что Ли-Юань-хун в этот период не был связан с группировками, враждебными генералу У-Пей-фу. Бывший президент согласился на принятие «высокого» назначения, сохранив, однако, весь тот декорум китайских церемоний—многочисленных отказов от принятия поста, приема делегаций, колебаний и, наконец, согласия,—без которых в мандаринском Китае не может быть учинен ни один акт большого политического значения.

Следующим вопросом был вопрос о кабинете. Этот момент был решающим для будущей судьбы «партии» Чжи-ли и ее единства. Еще до столкновения генерала У-Пей-фу с маршалом Чжан-Цзо-лином, в рядах «партии» Чжи-ли намечались разные группировки, складывавшиеся по признаку тяготения военных командиров к отдельным сильным фигурам. Среди этих группировок наиболее значительная была—Тянь-цзинская.

Во главе этой группировки стояли Цао-чжуй — брат официального главы «партии» Чжи-ли—Цао-Куня, и Бянь-Шоу-цзин — председатель провинциального чжилийского собрания, напоминавшего дореволюционные цензовые земства. Цао-чжуй был гражданским губернатором провинции Чжи-ли. Самое положение этих лиц предопределяло их претензии на руководящую роль в политике Пекина. Особенно энергичным в политических притязаниях был Бянь-Шоу-цзин, получивший высшее юридическое образование в Токийском университете. Бянь-Шоу-цзин принимал участие, правда, весьма скромное, в революционных событиях 1911—12 годов. Он был избран вице-председателем провинциального собрания Чжи-ли в 1912 году. Для Тянь-цзинской группы в целом Бянь-Шоу-цзин представлялся важной персоной, служившей как бы связью военной клики с общественностью провинции Чжи-ли. Бянь-Шоу-цзин успел себя проявить, как сторонник активного сближения китайской торговой буржуазии с иностранным капиталом, организовав в Тянь-цзине англо-американско-китайский коммерческий клуб, вовлекший в орбиту своего влияния китайскую буржуазию.

Цао-чжуй и Бянь-Шоу-цзин были лидерами так называемой Тянь-цзинской группы, занявшей с первых дней своего образования враждебное положение по отношению к генералу У-Пей-фу. Основанием для оппозиции служило то обстоя-

тельство, что влияние У-Пей-фу непрерывно росло, что взаимоотношения между генералом У-Пей-фу и маршалом Цао-Кунем не оставляли простора для развития политической деятельности,—а в условиях пекинской действительности—и личного обогащения Тянь-цзинской группы.

Чтобы сохранить известную долю влияния на политическую обстановку, складывавшуюся в Пекине после победы над Чжан-Цзо-лином, Тянь-цзинская группа выдвинула на пост премьера кандидатуру генерала Чжан-Шао-цзена — сторонника Цао-Куна. Чжан-Шао-цзен в роли премьера предоставил бы Тянь-цзинской группе возможность осуществления своих планов и реализации политических интриг в самом Пекине. Этому назначению со всей решительностью воспротивился генерал У-Пей-фу.

С своей стороны, У-Пей-фу выдвинул на пост премьера «нейтральную» кандидатуру—доктора Ван-Чжун-хуэйя, популярного среди китайской буржуазной интеллигенции. Доктор Ван-Чжун-хуэй приобрел известность в Китае, как автор нового уголовного кодекса и как знаток современного права капиталистических государств. Доктор Ван участвовал от имени Китая в Гаагской конференции в 1907 году. В революционные годы доктор Ван-Чжун-хуэй отдал дань партии Го-минь-дан, участвуя в Нанкинской конференции и даже состоя министром иностранных дел Нанкинского революционного правительства.

С 1912 года, когда Нанкинская власть капитулировала перед Пекином, имевшим уже тогда Юань-Ши-кай в качестве диктатора-президента, доктор Ван-Чжун-хуэй был назначен министром юстиции. Будучи представителем той разновидности китайской интеллигенции, которая усматривает идеал политического устройства в модели американского республиканизма или английского парламентаризма, доктор Ван-Чжун-хуэй боролся против монархических замыслов Юань-Ши-кай. В своей практической деятельности доктор Ван не отходил от молодых традиций либерализма китайской буржуазной интеллигенции, сосредоточиваясь иной раз исключительно на литературной работе.

У-Пей-фу остановил свой выбор на нем, как на наиболее подходящем кандидате в премьеры. Это отвечало той политической линии, которую проводил генерал У-Пей-фу в послепобедной исторической обстановке. Ему было необходимо продемонстрировать перед общественным мнением страны—перед китайской буржуазией—свою политическую изолированность от тех групп, победу над которыми он только что одержал. Ликвидация влияния Чжан-Цзо-лина означала ликвидацию влияния «Цзяо-тунпу» — партии «путей сообщений», реакционной группы во главе с «богом долларов» Лян-Ши-и.

У-Пей-фу должен был также противопоставить авторитету Сун-Ят-сена популярную среди китайской общественности фигуру. Наиболее подходящим для этой цели кандидатом был доктор Ван-Чжун-хуэй, сам по себе не претендовавший

на активное вмешательство в те споры, которые вели между собой разные военные группировки по вопросу о власти в Пекине.

У-Пей-фу после победы осуществил три задачи: 1) восстановил «старый парламент»; 2) вернул к президентству «конституционного» президента Ли-Юань-хуна, и 3) возглавил кабинет министров в Пекине доктором Ван-Чжун-хуэем, импонировавшим либеральным кругам китайской интеллигенции.

Завершив этот цикл действий, вытекавших непосредственно из обстановки после победы над Чжан-Цзо-лином, У-Пей-фу расстался с Цао-Кунем и с его ставкой и Бао-дин-фу и направился в свою ставку, в Ло-ян, место расположения преданной ему «образцовой» 3-ей дивизии.

6) ИЗОЛЯЦИЯ ГЕНЕРАЛА У-ПЕЙ-ФУ.

Решение вопроса об организации власти в Пекине не освобождало генерала У-Пей-фу от тревог и политических пертурбаций. Период апогея могущества и влияния генерала У-Пей-фу знаменовал собою начало кризиса его блестящей карьеры и открывал особую страницу «печалей», приведших к поражению генерала У-Пей-фу в 1924 году.

Сложная обстановка создалась у генерала У-Пей-фу в провинции Хэ-нань, в той самой провинции, в которой находилась его главная квартира. Войска дучюна этой провинции генерала Чжао-ди, разбитые в сражениях, рассыпались по всей провинции, организовавшись в бандитские отряды. Нападения и грабежи имели своей целью создание политических затруднений для генерала У-Пей-фу. Захват этими отрядами иностранцев в качестве пленников должен был вести к обострению взаимоотношений генерала У-Пей-фу с англо-американским капиталом.

Орган английского капитала в городе Хань-коу—в центре долины Ян-цзы—«Central China Post» писал: «подобно тому, как Чжан-Цзо-лин приобрел титул некоронованного короля Манчжурии, так и генерал У-Пей-фу мог бы быть назван некоронованным королем Пекина и центрального Китая. Он создает и опрокидывает кабинеты, принимая все меры к тому, чтобы его ставленники контролировали кошелек государства. Он возводит на трон и сбрасывает дучюнов. Он назначает и смещает во многих провинциях должностных лиц, устанавливает налоги и вводит по своему усмотрению тарифы. Что еще мог бы сделать король? В реальной жизни таких королей осталось очень немного. Один из китайских журналистов характеризовал У-Пей-фу, как игрока, использующего Китай на шахматной доске, а должностных лиц Китая,—как шахматные фигуры, которые он передвигает в соответствии с задачами своей игры, сбрасывая с доски то одного, то другого в моменты, когда ему это всего более необходимо».

Вслед за этой характеристикой, та же газета ставит вопрос о мерах, которые У-Пей-фу должен был бы предпринять для ликвидации бандитизма. В этот же период бандитизм в провинциях вызвал поездку в ставку генерала У-Пей-фу полномочного представителя Соединенных Штатов Америки доктора Шермана.

Отчет об его поездке был помещен в «Норд Чайна Дейли Ньюс» в номере от 4 ноября 1922 года. Генерал У-Пей-фу приложил максимум усилий к оказанию блестящего приема представителю Америки. Он не только предоставил в распоряжение доктора Шермана специальный поезд, не только командировал высший командный состав 3-ей дивизии для встречи поезда в Ло-яне, но и произвел в честь полпреда Шермана парад войскам и сопровождал «гостей» к гробницам в Лун-мынь, неподалеку от Ло-яна. Генерал У-Пей-фу демонстрировал доктору Шерману также шоссе, им сооруженную, которая предназначалась, как средство связи с провинцией Ху-бэй.

После торжеств по приему, доктор Шерман имел беседу с генералом У-Пей-фу по вопросу о принятии мер к освобождению миссионеров, захваченных отрядом, действовавшим в провинции Хэ-нань. Генерал У-Пей-фу объяснил, что эти отряды не просто «ду-фей» — бандиты, — а являются отрядами генерала Чжао-ди, сохранившими свою военную организацию и даже командный состав. Видимость бандитского движения должна была прикрыть политический характер деятельности этих отрядов. Они ставили своей задачей дискредитировать генерала У-Пей-фу. Он же высказывал предположение и о том, что эти отряды домогались включения их в состав армии генерала У-Пей-фу.

К этим событиям присоединялось событие большего значения. Оно открывало собою новую главу в положении генерала У-Пей-фу и, вообще, было чревато рядом больших последствий.

Речь идет о переводе «христианского генерала» Фын-Ю-сяна из провинции Хэ-нань в провинцию Чжи-ли. Весною 1922 года генерал Фын-Ю-сян был в числе наиболее близких друзей генерала У-Пей-фу. Фын-Ю-сян оказал огромную помощь генералу У-Пей-фу в период его боев против Чжан-Цзо-лина. В то время Фын-Ю-сян был дучжоном провинции Шэнь-си. Он не только сам откликнулся на зов генерала У-Пей-фу, но и отдал свою 11 дивизию в распоряжение генерала У-Пей-фу. Одна бригада генерала Фын-Ю-сяна была отправлена на северный фронт и сыграла решающую роль в боях у Чжан-Син-тянь — неподалеку от Пекина. Нельзя не вспомнить, что кроме «братания» генерала Фын-Ю-сяна с Чжан-Цзо-лином в 1924 году, войска Фын-Ю-сяна нанесли сокрушительный удар генералу Чжан-Цзо-лину в 1922 году.

Вторая бригада 11 дивизии имела своей задачей — ликвидацию восстания дучжоана Чжао-ди, причем генерал Фын-Ю-сян сам находился на боевом фронте, держа в своих руках всю коммуникационную линию. Стратегически положение

того момента было таково, что если бы Фын-Ю-сян не удержал позиций, войска Хэ-нань-ского дунцзюна овладели бы узловой станцией на Ханькоу'ской линии — Чжен-чжоу и самую дорогую, ведущую на Пекин и на Ло-ян.

Победа, одержанная генералом Фын-Ю-сяном на этом участке фронта, решила победу генерала У-Пей-фу и на других фронтах. За свои услуги генерал Фын-Ю-сян был назначен дунцзюном провинции Хэ-нань. Он пробыл в этой роли весьма непродолжительный срок. По свидетельству англо-американских газет, Фын-Ю-сян не успел превратить этой провинции в «образцовую», равно как также не успел ликвидировать деятельности воинских отрядов, разместившихся в разных частях этой провинции. По свидетельству этих же источников, генералу Фын-Ю-сяну удалось снискать к себе доверие торговых кругов этой провинции. Необходимые для этого условия были не сложны. Они заключались в том, чтобы предупредить грабительские действия солдат дунцзюнов. Войска Фын-Ю-сяна отличались наибольшей дисциплинированностью и не участвовали в мелких разбоях, какие были характерны для армий других дунцзюнов.

В октябре 1922 года — неожиданно даже для друзей генерала У-Пей-фу — был объявлен приказ о перемещении Фын-Ю-сяна в Пекин на новую должность «генерал-инспектора национальной армии». То обстоятельство, что буржуазия провинции Хэ-нань настаивала на сохранении Фын-Ю-сяна в роли дунцзюна, не привело к практическим результатам. Он ушел из этой провинции, оставив в ней воспоминание о «добродетельном» поведении солдат в отношении буржуазии.

«Рекорд» его деятельности был зафиксирован в «Peking Daily News» (от 30 октября 1922 г.), отметившей: 1) дисциплинированность войск Фын-Ю-сяна, не имевших ни одного инцидента или столкновения с китайскими буржуа в противоречие с войсковыми традициями, укрепившимися в каждой провинции; 2) образовательную схему среди молодежи провинции Хэ-нань, разработанную генералом Фын-Ю-сяном, предусматривавшим также реформу иероглифического языка путем введения фонетического правописания.

Причины перемещения Фын-Ю-сяна коренились в целом ряде обстоятельств. Первенствующее значение имело то обстоятельство, что генералы У-Пей-фу и Фын-Ю-сян находились в одной и той же провинции. Популярность Фын-Ю-сяна затмевала собою популярность генерала У-Пей-фу. Фын-Ю-сян должен был питаться из тех самых источников провинции Хэ-нань, которые «кормили» генерала У-Пей-фу и его войска. Кроме того, отдельные группировки в рядах Чжи-ли вели игру на Фын-Ю-сяна. По этим соображениям генерал У-Пей-фу считал целесообразным освободиться от близкого соседства с «христианским генералом».

У-Пей-фу назначил Фын-Ю-сяна на пост «генерал-инспектора трех особых провинций» — Ча-хар, Чэ-хол и Сюй-юань — лежащие к северу и северо-западу от

Пекина. Это назначение имело своей целью ликвидацию политического влияния Фын-Ю-сяна. Последний, однако, отказался от этого назначения.

В вопрос о назначении генерала Фын-Ю-сяна вмешался Цао-Кунь, рассчитывавший приобрести в лице Фын-Ю-сяна могущественного союзника в борьбе за президентское кресло. В результате вмешательства Цао-Куня, Фын-Ю-сян получил назначение в самый Пекин, с правом перевода в столицу Китая своей 11 дивизии.

Последствия этого шага были двойного характера. Первая группа последствий имела военное значение и заключалась в том, что генерал У-Пей-фу ставил между собою и Пекином барьер в виде войск генерала Фын-Ю-сяна. По предсказаниям английской газеты, в случае возникновения враждебных действий между группами Чжи-ли и Фын-Тянь, генерал Фын-Ю-сян со своими войсками в Нань-юань и в Бей-юань будет, по всей вероятности, в состоянии решить судьбу той группировки, которую он станет поддерживать. Пекин будет находиться целиком в его распоряжении, и, если бы он больше не был связан с У-Пей-фу, он мог бы нанести решительный удар Бао-дин-фу, распространив его и на Цзин-ханьскую (Пекин-Хань-коускую) железную дорогу, прежде чем генерал У-Пей-фу сумел бы мобилизовать свои войска и привести их из Ло-яня *).

Политические последствия перемещения Фын-Ю-сяна в Пекин заключались в том, что генерал У-Пей-фу прибавлял к числу своих врагов еще одного сильного врага, опирающегося на дисциплинированную 11 дивизию.

Перемещение генерала Фын-Ю-сяна на должность генерал-инспектора и разрыв его с генералом У-Пей-фу надлежит квалифицировать, как поворотный пункт в политической карьере диктатора У-Пей-фу, ведущий к его изоляции. Это обстоятельство имело гораздо большее значение, чем возрастание политической активности Тань-Цзинской и Бао-динской группировок. В лице Фын-Ю-сяна эти группировки приобретали силу, опираясь на которую они могли осуществить свою задачу ликвидации влияния генерала У-Пей-фу.

Вслед за размещением войск генерала Фын-Ю-сяна в Пекине начинается открытая борьба против генерала У-Пей-фу. Эту борьбу ведет в Пекине председатель «старого парламента» — У-Цзин-лянь, один из наиболее активных членов Тянь-цзинской группы.

Борьба была направлена против кабинета доктора Ван-Чжун-хуэйя. Задача была дана совершенно точная. Было необходимо во что бы то ни стало и какою угодно ценою свалить кабинет доктора Вана. Смещение Ван-Чжун-хуэйя вело к началу кампании против президента Ли-Юань-хуна. Смещение Ли-Юань-хуна должно было привести Цао-Куня к президентству. В эту именно сторону и были направлены все усилия.

*) „Peking Tientsin Times“ от 8 ноября 1922 года.

Бао-динская и Тянь-цзинская группы выдвигали следующие аргументы в пользу президентства Цао-Куня. Его избрание на этот пост, по мнению этих групп, должно было ускорить процессы объединения всей страны. Цао-Кунь — глава военной партии. Его избрание на пост президента объединит всех дучжюнов севера Китая. Этот факт сам по себе будет иметь настолько показательное значение, что даже южные провинции будут вынуждены признать его авторитет.

Для достижения этой цели объединились все группировки в рядах Чжи-ли, ведшие даже переговоры с генералом Чжан-Цзо-лином. Основой соглашения должно было служить восстановление Чжан-Цзо-лина в правах и в ранге и даже предоставление ему известной доли политического влияния в будущем правительстве при условии, если он, Чжан-Цзо-лин, «поддержит» идею избрания в президенты маршала Цао-Куня *).

Тактически задача свелась к борьбе против кабинета. Еще в более прямой форме эта задача вела к борьбе против министра финансов — доктора Ло-Вын-гань, ареста которого потребовал председатель «старого парламента» — У-Цзин-лян.

Арест министра финансов был первым шагом к свержению кабинета. Сам министр финансов был избран лишь жертвой политической интриги. Обвинение против него было сформулировано как обвинение в получении комиссионного вознаграждения в размере одного миллиона мексиканских долларов при заключении займа с итальянскими банкирами.

Арест министра финансов, произведенный без ведома кабинета, должен был привести к отставке кабинета и расценивался, как удар против президента — Ли-Юань-хуа.

Это был первый выход Тянь-цзинской группы на арену политического действия. Вместе с ней были генерал Фын-Ю-сян и дучжюн провинции Цзян-су, — генерал Ци-Сие-юань, с своей стороны выступивший с телеграммой, гласившей, что «Ло-Вын-гань превысил свои полномочия и нарушил права народа. Такие преступления, говорил Ци-Сие-юань, не могут быть прощены» **).

В одиночестве был лишь генерал У-Пей-фу. Собственно говоря, весь удар замыслился против него. Задача его изоляции и составляла политическое содержание той кампании, которую вели генералы и военные группировки в те дни в Пекине. Изоляция генерала У-Пей-фу от Пекина была стратегической и тактической потребностью этих групп. Под дружным натиском «старого парламента», сейчас же по возобновлении своей деятельности ставшего играть роль орудия политических интриг, при активной поддержке Фын-Ю-сяна и генерала Ци-Сие-юаня был учинен «переворот» в Пекине, который подготовил собою «переворот» 1924 года, обескровивший генерала У-Пей-фу.

*) „Peking Daily News“ от 13 ноября 1922 г.

**) „Peking Daily News“ от 26 ноября 1922 г.

Доктор Ван-Чжун-хуэй и несколько министров подали в отставку. Отставка была принята. В качестве временного премьера был назначен Гао-Лин-вей — с тем, чтобы вскоре же уступить место премьера генералу Чжан-Шао-цзю, назначению которого в премьеры столь энергично противился У-Пей-фу при формировании первого кабинета после победы над Чжан-Цзо-лином.

Сформирование нового кабинета аннулировало плоды победы генерала У-Пей-фу. Новый кабинет был победой над генералом У-Пей-фу. Он был оттерт от Пекина и отброшен далеко назад к долине реки Ян-цзы. Против него был настроен не только весь кабинет, имевший в качестве премьера Чжан-Шао-цзю, не только «старый парламент», во главе с хитроумным У-Цзин-лянь, не только «христианский генерал» Фын-Ю-сян, но и президент Ли-Юань-хун. Президент считал, что генерал У-Пей-фу является главнейшим препятствием к осуществлению тех обещаний, какие Ли-Юань-хун дал в момент возвращения в качестве президента в Пекин. Самым значительным из этих обещаний было обещание демобилизации излишних групп наемных армий. Схема генерала У-Пей-фу, рассчитанная на объединение Китая вооруженной рукой, не давала возможности произвести эту демобилизацию.

Политический сезон конца 1922 и начала 1923 года знаменуется политической забастовкой, которая может быть характеризована по следующим линиям: 1) ослабление влияния генерала У-Пей-фу, 2) ослабление позиций пекинского президента Ли-Юань-хуна, 3) выход на политическую арену тян-цзинской и бао-динской групп, направляющих свои усилия в сторону кампании за избрание Цао-Куна в президенты, 4) использование «старого парламента», как орудия политических интриг, 5) образование кабинета в Пекине, состоявшего в своем большинстве из сторонников Цао-Куна, 6) полная изолированность этих событий от общественной жизни Китая и от процессов развития народного хозяйства страны.

7) У-ПЕЙ-ФУ И ДОЛИНА РЕКИ ЯН-ЦЗЫ.

Следующим шагом на политической арене Пекина должно было явиться развертывание кампании за избрание Цао-Куна. Эта кампания предполагала поход против пекинского президента Ли-Юань-хуна, не имевшего ни политических друзей, ни военной силы, на которую он мог бы опереться в случае борьбы против враждебных группировок.

Задачу ликвидации президента Ли-Юань-хуна принимают на себя: председатель «старого парламента» — У-Цзин-лянь, бывший секретарь Цао-Куна — Ван-Юй-чжи и председатель провинциального собрания Чжи-ли — наиболее активный из политических интригантов — Бянь-Шоу-цзин. В качестве специалистов и «сих дел мастеров» были приглашены также бывший министр внутренних дел Чжан-Чжи-дань — личный враг генерала У-Пей-фу, и экс-премьер Цин-Юн-пын.

У-Пей-фу был вдали от политических дел Пекина, время от времени высказывая свою точку зрения по вопросу об избрании Цао-Куня. Впечатления, созданные беседами генерала У-Шей-фу, не оставляли сомнений в том, что он решительно осуждает всякую попытку посадить на президентское кресло Цао-Куня.

Свою активную задачу генерал У-Шей-фу видел в укреплении своего положения в долине реки Ян-цзы. Консолидация всех провинций этой долины, утверждение своего преобладающего в них влияния, устранение своих врагов, рассеянных в разных провинциях, угрожавших его положению, как политическому фактору в Среднем Китае, борьба против авторитета Сун-Ят-сена и его политического центра — Кантона, — вот те задачи, которые У-Шей-фу ставил перед собой в этот период своей деятельности. То были огромные задачи, требовавшие исключительного напряжения сил и материальных средств. Борьба осложнялась тем, что ее было необходимо вести одновременно в целом ряде провинций в учете тех особенностей, какие характеризовали собою политическую обстановку в каждом отдельном районе.

То была не только военная борьба, характеризовавшаяся соперничеством на поле брани. Это была борьба политическая, с применением маневренных методов, умеющих рассчитывать, предвидеть, отступать, организовывать коалицию с попутчиками, вводить в заблуждение противника, стремясь к осуществлению своих целей.

Первые удары генерал У-Шей-фу готовит против провинции Гуан-дун. Эти удары были направлены против доктора Сун-Ят-сена. Этот шаг был продиктован сознанием необходимости ликвидации Кантона, как центра революционной деятельности. Идеиное влияние Кантона было чрезвычайно велико на всем юге Китая. Сторонники доктора Сун-Ят-сена находились в разных провинциях. Среди сторонников были также и командиры военных частей, контролировавшие либо провинции в целом, либо части провинций.

Положение в самом Кантоне обнаруживало все признаки политической и военной неустойчивости. Еще летом 1922 года Кантоном овладел генерал Чэн-Цзюнь-мин, изгнавший доктора Сун-Ят-сена и южное революционное правительство из Кантона. Чэн-Цзюнь-мин, сыгравший предательскую роль в отношении революционных задач, какие себе ставил Юг, выбросил лозунг муниципального строительства в провинции Гуан-дун и полной изоляции ее от политических дел Китая в целом. Под прикрытием этого лозунга генерал Чэн-Цзюнь-мин накапливал силы для укрепления своего положения в важнейшем стратегическом пункте юга Китая — в Кантоне.

Первым движением генерала У-Шей-фу в условиях военной обстановки, создавшейся в середине 1922 года, было стремление найти общий язык с генералом Чэн-Цзюнь-мином, вчерашним влиятельным членом партии Го-минь-дан, быв. военным министром южного революционного правительства и бывшим личным дру-

гом доктора Сун-Ят-сена. С внешней стороны, «переворот», учиненный летом 1922 года в Кантоне, приведший к отъезду Сун-Ят-сена из Кантона, чрезвычайно напоминает «переворот», учиненный генералом Фын-Ю-сяном — бывшим личным другом генерала У-Пей-фу — в октябре 1924 года.

У-Пей-фу, оставаясь верным своей тактике — установления контакта с местными силами, враждебными доктору Сун-Ят-сену, стремился к созданию прочного блока с генералом Чэн-Цзюн-мином. Коалиция этих генералов не имела места. Генерал Чэн-Цзюн-мин не пожелал признать приоритета генерала У-Пей-фу, отказываясь от подчинения его командной воле. «Независимость» генерала Чэн-Цзюн-мина открывала ему больше возможностей в отношении политических и военных маневров и позволяла генералу Чэну непосредственно договариваться с англичанами, зорко следившими из Гонконга за каждым шагом деятельности, направленной против доктора Сун-Ят-сена. Англичане весьма поощрительно относились к борьбе генерала Чэн-Цзюн-мина, поддерживая это контр-революционное движение денежными средствами, материальным снаряжением и всеми видами дружественного «нейтралитета».

Генерал У-Пей-фу должен был искать себе других союзников. Он нашел союзника в лице Шэн-Хун-инь, имевшего в своем распоряжении отряд, численностью в 20.000 человек.

На этот отряд У-Пей-фу возложил задачу овладения Кантоном. Для достижения этой цели Шэн-Хун-инь объединился с отрядом Юнь-нань-цев, изгнанных из своей провинции. Комбинированные действия этих отрядов привели к тому, что Чэн-Цзюн-мин должен был очистить Кантон и отступить к городу Хой-Чжоу.

Казалось, генерал У-Пей-фу одержал блестящую победу, воплотив в реальную жизнь свою мечту... «Победа» не принесла, однако, тех результатов, каких так страстно домогался У-Пей-фу.

Разногласия в военном лагере между войсками Шэн-Хун-инь и Юнь-нань-скими войсками, благодаря активному политическому вмешательству доктора Сун-Ят-сена, привели к тому, что Шэн-Хун-инь — ставленник генерала У-Пей-фу — был изгнан вместе со своими войсками из Кантона.

В Кантон вернулся доктор Сун-Ят-сен. Уже в феврале 1923 года он принял на себя командование над войсками для продолжения борьбы на разных фронтах. Первая задача, которую пришлось решать доктору Сун-Ят-сену, заключалась в необходимости очистить территорию провинции Гуан-дун от остатков войск Шэн-Хун-инь. С этой задачей правительство доктора Сун-Ят-сена справилось. Отряд Шэн-Хун-инь был изгнан в соседнюю провинцию — Гуан-си, всегда игравшую роль плацдарма для контр-революционных войск, концентрировавшихся для борьбы против южного правительства.

Вторая задача, лежавшая на докторе Сун-Ят-сене, заключалась в необходимости вести войну против генерала Чэн-Цзюн-мина, являющегося значительно более

сильным и опасным противником. Атаки Сун-Ят-сена были направлены на главный укрепленный пункт генерала Чэн-Цзюнь-мина — на город Хой-чжоу. Попытки овладеть этим местом оставались безуспешными. Чэн-Цзюнь-мин не сдавал своих позиций.

Затяжной характер военных действий создавал тяжелое положение для правительства Сун-Ят-сена. Война требовала напряжения финансовых средств. Денег в распоряжении Сун-Ят-сена было мало. Чэн-Цзюнь-мин пользовался материальной помощью не только врагов доктора Сун-Ят-сена, но и помощью Гонконга.

По вопросу о способах изыскания денежных средств наметились некоторые разногласия в рядах партии Го-минь-дан, подвергавшей «переоценке ценностей» свой идейный багаж — программу и тактику. Партия Го-минь-дан в этот период своего развития приходила к выводу о необходимости перестроить свои ряды, сделавшись массовой партией, опирающейся на крестьянство и рабочих Китая. Такое положение дел внутри партии должно было побудить купеческую прослойку партии отойти от Го-минь-дана.

Разногласия внутри партии Го-минь-дан воодушевляли генерала У-Пей-фу к новой попытке нападения на Сун-Ят-сена с целью ликвидации политического влияния партии «Национального освобождения». Методом борьбы против Сун-Ят-сена на этот раз был избран подкуп командиров Юнь-наньских войск. Они должны были прекратить борьбу против генерала Чэн-Цзюнь-мина и отступить по направлению к Кантону с тем, чтобы покинуть и Кантон. За ними по пятам должен был идти генерал Чэн-Цзюнь-мин. На этот раз генерал Чэн согласился выполнить поручение генерала У-Пей-фу — изгнать из Кантона Сун-Ят-сена вместе с основным ядром партии Го-минь-дан, членом которой до недавнего времени он сам состоял.

Подкуп командиров войск был одним из методов того предательства, которое в условиях «военных революций» играет решающую роль в борьбе генералов между собой. Осуществление этого плана лишило бы Сун-Ят-сена военной силы, способной противостоять напisku Чэн-Цзюнь-мина и северных милитаристов вообще.

Этот план не осуществился. Войска Чэн-Цзюнь-мина уже подходили к самому Кантону, как на них со всею силою обрушились Юнь-наньские войска и вновь прибывшие войска из провинции Ху-нань, под непосредственным руководством доктора Сун-Ят-сена. Чэн-Цзюнь-мин был разбит. Войска Сун-Ят-сена вновь овладели важнейшими стратегическими пунктами, захватив железную дорогу Кантон—Гоу-лунь.

Главная масса войск доктора Сун-Ят-сена была расположена вдоль железной дороги. К концу 1923 года положение вещей в Гуан-дуне можно было характеризовать, как вполне удовлетворительное для правительства доктора Сун-Ят-сена, несмотря на финансовые затруднения, испытывавшиеся южным правительством. Все попытки северных милитаристов ликвидировать Сун-Ят-сена потерпели неудачу.

Сторонники генерала Чэн-Цзюнь-мина были вынуждены искать убежища в Гонконге. Сам Чэн-Цзюнь-мин был ослаблен. Ряды его войск расстроены.

Для содержания своих армий доктор Сун-Ят-сен был вынужден прибегнуть к некоторым новым налогам на кантонскую буржуазию. Эти налоги сводились к надбавкам в размере 20% на фрахт по грузам, отправлявшимся по Гоу-лунь-Кантонской железной дороге, и в 30% на стоимость пассажирских билетов. При введении этих налогов доктор Сун-Ят-сен объявил, что налоги будут сняты, как только жизнь провинции Гуан-дун войдет в нормальное русло.

Этот решительный шаг южного правительства, ущемлявший китайскую буржуазию, вызвал бурю негодования в лагере купцов и фабрикантов. Налоговые мероприятия доктора Сун-Ят-сена были квалифицированы, как конфискация собственности, измерявшаяся в несколько миллионов долларов.

«Shanghai Times» в статье от 19-го декабря 1923 года писал: «трудно отличить политику конфискаций, осуществляемую в Кантоне, от чистейшего грабежа и разбоя. В лучшем случае это — легализованный бандитизм... Тирания в Китае, повидимому, никогда не будет уничтожена. Меняются лишь тираны в соответствии с изменениями в ходе военных действий. В дополнение к железнодорожным налогам значительная сумма ожидается доктором Суном от специального военного налога в 3% на стоимость недвижимого имущества в Кантоне... С момента возвращения в феврале месяце в Кантон доктора Суна многие частные собственники земли были лишены своих прав собственности на том основании, что их здания или земли когда-то были собственностью государства и общественных храмов».

Буржуазная печать стремилась дискредитировать доктора Сун-Ят-сена также и по линии его реформаторской деятельности. Крупная буржуазия Китая и буржуазия иностранного происхождения утверждала, что Сун-Ят-сен был занят организацией «карательных экспедиций» вместо того, чтобы осуществить план больших реформ, о которых он возвестил при своем вступлении в Кантон. Буржуазия капиталистических государств была в чрезвычайном раздражении против доктора Сун-Ят-сена за его решимость овладеть доходами от китайских таможен в Кантоне. Эта решимость вызвала энергичное вмешательство иностранных государств и посылку соединенной международной эскадры с угрозой бомбардировки города Кантона. Только настойчивость, проявленная доктором Сун-Ят-сеном, убедила правительства капиталистических государств в беспечности обстрела Кантона и применения мер военного воздействия на южное правительство.

Решительная политика Сун-Ят-сена в отношении к китайской буржуазии вызвала отъезд из Кантона нескольких членов правого крыла партии Го-минь-дан. Отход правых групп от партии Го-минь-дан лишь содействовал идейной кристаллизации партии, организационному объединению основного ядра партии и обеспечил

возможность размещения на ответственных постах стойких сторонников новой партийной линии Го-минь-дан.

Победы доктора Сун-Ят-сена в провинции Гуан-дун и консолидация партийных сил вели к упрочению положения Го-минь-дан за пределами одной только этой провинции. Вообще упрочение положения доктора Сун в Кантоне послужило толчком для ряда больших событий, имевших своей целью активную борьбу против генерала У-Пей-фу, как против главного препятствия, стоявшего на пути осуществления идеи национального освобождения Китая.

Весьма значительным событием, совпадавшим непосредственно с моментом побед, одержанных Сун-Ят-сеном, укреплявших его политико-стратегические позиции на юге, было обострение отношений между провинциями Чжэ-цзян и Цзя-су. Обе эти провинции — приморские. Провинция Цзя-су играет наиболее значительную роль в экономике всего Китая. Ее столицей является город Шанхай, на который мировые империалисты заявляют больше всего претензий и прав. В этом же городе китайская буржуазия успела создать огромные отрасли китайской промышленности, выдерживающие конкуренцию с продукцией мирового капитализма.

Столицей провинции Чжэ-цзян является город Хан-чжоу, также играющий крупную роль в экономике среднего Китая, хотя город значительно меньшего влияния, чем Шанхай.

Ближайшей причиной конфликта между этими двумя провинциями был вопрос о том, кому должен принадлежать Шанхай. Конкретно этот вопрос выражал собою борьбу за распоряжение огромными богатствами Шанхая, источниками его доходов и командование над пунктом огромного стратегического, политического и общественного значения. Шанхай входит в состав территории провинции Цзя-су. Руководящие военные группы провинции Цзя-су настаивали на том, чтобы Шанхай был фактически объединен со всей провинцией Цзя-су, реально входя в ее состав, как часть. В то же время на город Шанхай заявлял претензии генерал Лу-Юн-сян — один из наиболее активных сторонников маршала Дуань-Ци-чжуя и «партии» Ань-фу. Начальник гарнизона города Шанхая генерал Хо-Фын-лин был также активным сторонником аньфуистов. В самом городе он проводил влияние генерала Лу-Юн-сяна.

По существу вопрос состоял в том, сохранит ли «партия» Чжи-ли, представленная генералом Ци-Спе-юанем, господствующее положение в Шанхае или руководящая роль перейдет к «партии» Ань-фу в лице Лу-Юн-сяна. Старый спор между обеими военными группировками был перенесен лишь на новую территорию, в район наибольшего влияния мирового капитала и в центр промышленной деятельности китайской буржуазии. Победа «партии» Ань-фу знаменовала бы торжество этой «партии» в среднем Китае, долженствующем играть роль опорного пункта во всей системе власти генерала У-Пей-фу. «Партия» Аньфу переходила в наступление. События, имевшие место на севере Китая, приведшие к изоляции

генерала У-Пей-фу, были учтены «партией» Ань-фу, как наиболее энергичный импульс к открытию враждебных действий против генерала У-Пей-фу в долине реки Ян-цзы — в конечном пункте этой долины. Борьба за Шанхай и победа над Ци-Сие-юанем была бы огромным выигрышем в руках «партий», враждебных генералу У-Пей-фу.

Самый вопрос о борьбе за Шанхай был первой реальной спайкой между партией Гоминьдан и Аньфу, между лидерами этих партий — доктором Сун-Ят-сенем и Дуань-Ци-чжунем. Уже в этот момент вырисовывались контуры коалиции между партиями, стоявшими на противоположных идейных позициях. Уже в этот момент картина борьбы приобретала конкретные очертания, вызывая необходимость тактических блоков ради преодоления главнейшего препятствия — генерала У-Пей-фу.

Декабрь 1923 года свидетельствовал о наибольшем заострении противоречий между враждующими группами. Декабрь месяц был первым напоминанием о событиях, которые стихийно надвигались на Китай. Эти события нашли свое наиболее яркое выражение в боях 1924 года.

Лу-Юн-сян, стоявший во главе ань-фуистской группы в этом районе, пытался приобрести популярность в кругах китайской общественности еще в 1922 году кампанией, которую он повел против системы дучюната. Лу-Юн-сян сам сложил с себя звание дучюна, наименовав себя «директором по военным делам». Эта должность устанавливалась сроком на 6 месяцев. Перемена титула не влекла за собою изменений во взаимоотношениях Лу-Юн-сяна с войсковыми частями и провинцией в целом. По прошествии 6 месяцев военная конференция командиров тех частей, которые расположены в провинции Чжэ-цзян, состоявшаяся в ноябре 1922 года, вынесла постановление просить Лу-Юн-сяна продолжать нести обязанности командира всех военных сил провинции.

Сохранение военной власти в своих руках позволяло Лу-Юн-сяну контролировать жизнь всей провинции. Перемещение войск, произведенное согласно его распоряжений, к границам провинции, создало боевое настроение в жизни приморских районов.

Были мобилизованы войска и в соседних провинциях, вообще насторожившихся в виду угрозы быть вовлеченными в военные операции. Наибольшую активность проявил генерал Ци-Сие-юань. Им были приведены в боевую готовность войска его провинций. Были также мобилизованы военные суда. Все эти подготовительные мероприятия создали обстановку неизбежности военных действий.

Решительной противницей войны была китайская буржуазия. Торговая палата города Хан-чжоу вынесла резолюцию о необходимости объединения своих усилий с усилиями Торговой палаты Шанхая для созыва мирной конференции с участием представителей пяти провинций — Ань-хуэй, Цзян-си, Цзян-су, Чжэ-цзян и Фу-цзянь. В провинции Чже-цзянь была даже образована «Мирная Ассоциация», кото-

рая ставила себе целью предотвращение военных операций, настаивая на соблюдении того договора о мире, который был подписан в 1922 году генералами обеих провинций. Этот договор о мире был заключен по настоянию буржуазии обеих провинций. Буржуазия провинции Цзян-су настаивала на компромиссном решении вопроса, добиваясь увода войск с пограничной линии на прежние позиции.

Мировой капитал, вообще заинтересованный в расширении базы гражданской войны, был решительным противником ведения войны между провинциями Чжэ-цзян и Цзян-су. «Население Чжэ-цзяна и Цзян-су знает, что всякий спор, могущий возникнуть между Ци-Сие-юанем и Лу-Юн-сяном, не будет спором по вопросу о принципах той или иной схемы государственного управления, а сведется к спору о борьбе личностей между собой, практически к спору о том, кому быть хозяином положения. Население не заинтересовано в последствиях личных споров между Лу- и Ци или споров аналогичного характера между Цао-Кунем и Дуань-Ци-чжуйем. Ни одна из этих провинций не нуждается и не желает развития военщины... Цена военных предприятий этих провинций чрезвычайно значительна. Она лишает образование необходимых средств и не оставляет средств на усовершенствование условий общественного характера» *).

Война в декабре 1923 года была предотвращена вмешательством генерала У-Пей-фу. Он считал, что прежде чем начинать борьбу в этом пункте, необходимо создать прочную обстановку в провинциях Гуан-дун, Сы-чуань и в других местах южного и юго-западного Китая. Генерал У-Пей-фу послал телеграмму Ци-Сие-юаню с предложением не начинать военных действий. Эта телеграмма была усвоена в том смысле, что У-Пей-фу считает момент для войны неподходящим. Предложение генерала У-Пей-фу не должно было расцениваться, как проявление миролюбивых его настроений. Генерал У-Пей-фу не мог примирить своих интересов с интересами «партии» Аньфу и со ставленниками Дуань-Ци-чжуйя. Миролюбие генерала У-Пей-фу находилось бы в резком противоречии с агрессивной политикой, которую вообще вел У-Пей-фу, декларировавший свою программу военного насильственного объединения Китая.

Телеграмма генерала У-Пей-фу предупредила столкновения на этом фронте, командование на котором со стороны аньфуистов должен был взять на себя непосредственно маршал Дуань-Ци-чжуй.

Генерал У-Пей-фу отсрочил конфликт, перенеся центр тяжести своей военной стратегии на другие участки фронта. Победы на этих участках должны были быть одержаны с меньшей затратой сил и реальных средств.

Обстановка в целом свидетельствовала о таком антагонизме интересов разных военных группировок, утвердивших свое влияние в отдельных районах

*) „North China Daily News“ от 21 декабря 1923 г.

Китая, что отпадала всякая мысль о мирном уживании этих конфликтов. Борьба была неизбежна, как средство для решения политической задачи — овладения Пекином и президентским креслом.

Весьма энергичны были действия генерала У-Пей-фу в провинции Фу-цзянь, ближайше расположенной к Кантону. Захват этой провинции и установление в ней своего влияния представлялся необходимым по двум мотивам. Во-первых, потому, что эта провинция в руках У-Пей-фу служила бы преградой для дальнейшего движения Сун-Ят-сена на север. Во-вторых, потому, что овладение этой провинцией было равносильно обеспечению тыла генерала У-Пей-фу в случае войны между провинциями Цзян-су и Чжэ-цзян. Самый конфликт этих двух провинций был отсрочен генералом У-Пей-фу, главным образом, ввиду необходимости обеспечения своего положения в провинции Фу-цзянь, играющей крупную стратегическую роль.

К моменту, когда У-Пей-фу развертывал план военной кампании против Фу-цзянь, она находилась во власти «партии» Аньфу. Задачу отвоевания провинции Фу-цзянь генерал У-Пей-фу возложил на командира одной из своих дивизий — Сун-Чуань-фан, — который в апреле 1923 года овладел столицей провинции — городом Фу-чжоу, подчинив себе на время аньфуистского генерала Ван-Юн-чуань. Борьба продолжалась несколько месяцев, в течение которых столица переходила несколько раз в руки аньфуистов. Положение в этой провинции продолжало оставаться неопределенным до начала 1924 года, когда генерал Сун-Чуань-фан вновь появился в этой провинции с большими подкреплениями, полученными им от генерала У-Пей-фу. Провинция Фу-цзянь была захвачена ставленником У-Пей-фу.

Захват этой провинции был одной из наиболее значительных побед, одержанных генералом У-Пей-фу на юге Китая. Ставленники генерала У-Пей-фу могли в любой момент, объединившись с врагами Сун-Ят-сена, начать против него войну или приклинуть свои войска к границе провинции Чжэ-Цзян, тем самым облегчая борьбу против генерала Лу-Юн-сяна — представителя интересов «партии» Ань-фу.

Следующим районом стратегического характера была провинция Ху-нань. Судьбами этой провинции распоряжался генерал Чжао-Хын-ди, игравший двусмысленную роль, водворившийся в провинции в свое время благодаря помощи, оказанной ему доктором Сун-Ят-сеном. В последующей цепи событий Чжао-Хын-ди, дуцзюн провинции, стал во враждебные отношения с партией Го-минь-дан. Партия «национального освобождения» было необходимо овладеть районом этой провинции, как плацдармом, позволявшим концентрировать силы для дальнейшего движения в долине реки Ян-цзы.

С этой целью Го-минь-дан организует экспедицию против генерала Чжао-Хын-ди. Руководство этой экспедицией принимает на себя Тан-Янь-гай — один из

старых членов партии Го-минь-дан. Экспедиция была удачной для партии. Генерал Чжао-Хын-ди был принужден бежать из провинции Ху-нань. Доктор Сун-Ян-сен и партия в целом торжествовали победу при получении известий об успехах войск Тан-Янь-гай'я, взявшего в плен несколько орудий и большое число бойцов.

Положение У-Шей-фу на одно мгновение пошатнулось. Однако, У-Шей-фу сейчас же бросил на этот фронт новые силы, выбив Тан-Янь-гайя и овладев всеми важными позициями в провинции Ху-нань. Генерал Чжао-Хын-ди был восстановлен в своих правах дучжона этой провинции.

Вопрос о борьбе за эту провинцию имел не только военное значение. Военные командиры провинции Ху-нань выдвинули в свое время идею «провинциальной автономии», как средство освободиться от контроля центра. Генерал У-Шей-фу, являясь последовательным сторонником идеи военного централизма, соглашался на оказание помощи разбитым войскам Чжао-Хын-ди при условии отказа его от принципов «провинциальной автономии». Вместе с победой над партией Го-минь-дан генерал У-Шей-фу одерживал победу и над программным требованием партии Го-минь-дан, выдвигавшей лозунг автономии провинций и объединения их на началах федерации. Требование провинциальной автономии, выдвинутое генералом Чжао-Хын-ди, ни в какой мере не соответствовало программным постулатам партии Го-минь-дан и служило лишь для его собственных целей. Генералу У-Шей-фу было, однако, важно дискредитировать самую идею автономии провинций в глазах широких народных масс, одновременно упрочивая свое военное положение.

К этому моменту оставался еще нерешенным вопрос о судьбе провинции Сы-чуань. Эта провинция является одной из наиболее значительных по своей территории. Уже одно это обстоятельство предопределяло возможность войны командиров, находившихся в разных частях обширной территории провинции. В целом провинция была под идейным влиянием партии Го-минь-дан. Военное командование было сосредоточено в руках генерала Сюн-Ку-у, признавшего авторитет южного правительства.

Против него в этой же провинции боролся генерал Ян-Сен. Этим именно войскам решил оказать помощь генерал У-Шей-фу. После первых же побед войск Ян-сена, У-Шей-фу требует от пекинского правительства выдачи наград этой армии в сумме 150.000 рублей. У-Шей-фу широко рекламирует доблести этого отряда, занявшего столицу провинции — Чун-цин.

Успех генерала У-Шей-фу был настолько значителен, что он вскружил голову мировым банширам. Американская газета сообщала, что иностранный банк после побед, одержанных генералом У-Шей-фу и в этой провинции, предложил ему деньги на началах займа в сумме 22 миллионов мексиканских долларов из 15% годовых *).

*) „North China Star“ от 27 декабря 1923 г.

Это предложение заслуживает внимания, главным образом, потому, что, вообще говоря, займы могут быть официально учтены только центральному правительству и не иначе, как с предварительного согласия парламента. Предложение огромных сумм отдельному «милитаристу» свидетельствовало о том, что акции генерала У-Пей-фу хорошо котируются на англо-американской бирже в Китае.

Вслед за городом Чун-цином пад и другой важный пункт этой провинции — город Чэн-ду. Вследствие этих успехов, генерал У-Пей-фу заявил, что все южные провинции Китая будут объединены, а южное правительство ликвидировано — в течение ближайших месяцев. По мысли генерала У-Пей-фу близок уже был момент торжества идеи центральной власти, сосредоточенной непосредственно в руках диктатора У-Пей-фу.

У-Пей-фу ставил перед собою новые задачи — завоевание провинции Гуй-чжоу, отдавая распоряжения провинции Ху-бэй снабдить его сторонников в Гуй-чжоу необходимым снаряжением и войсковыми подкреплениями.

Планы генерала У-Пей-фу в это время были также направлены на формирование особой армии из войск провинций Ху-бэй, Ху-нань, Цзян-си и Фу-цзянь для организации большой военной кампании против доктора Сун-Ят-сена и партии Го-минь-дан.

Генерал У-Пей-фу закрепил за собою большой район на юге Китая, охраняя тем самым свою главную зону — долину реки Ян-цзы. Это не знаменовало собою отказа генерала У-Пей-фу от претензий на власть на севере Китая. Концентрация сил и внимания на делах юга была лишь необходимым стратегическим маневром, укреплявшим положение генерала У-Пей-фу в целом и обеспечивавшим его тыл.

В тот момент, когда враждебные ему пекинские группировки оттесняли его от влияния на пекинские дела, он перешел в наступление по всей линии южного фронта. В период своих больших побед У-Пей-фу считал целесообразным принять также на себя титул «сверх дучюна» трех провинций северного Китая — Чжи-ли, Шань-дун и Хэ-нань. Вручение генералу У-Пей-фу государственной печати «сверх дучюна» сопровождалось большой торжественностью. Особо уполномоченный от президента вручил генералу У-Пей-фу все внешние атрибуты его военной власти.

Церемония вручения государственной печати свидетельствовала, с одной стороны, о признании Пекином тех услуг, которые У-Пей-фу оказывает делу военного объединения Китая, и, с другой стороны, говорила о стремлении Пекина не озлоблять против себя генерала У-Пей-фу, отброшенного от пекинских дел событиями последних месяцев.

Генерал У-Пей-фу немедленно вслед за вручением печати проявил политическую активность в отношении Пекина, требуя назначения на ряд ответственных должностей тех лиц, кто одержал победы над его противниками на военных

фронтах. Этой активности пытался воспротивиться Ли-Юань-хун — президент Китая, не желавший укреплять персонального влияния генерала У-Шей-фу. Президент был, однако, вынужден принять предложения генерала У-Шей-фу.

У-Шей-фу не упускал из виду также перспективы неизбежности войны с Чжан-Цзо-лином. В виду этих мотивов он пытался концентрировать в своих руках контроль над железными дорогами и их подвижным составом, чтобы в любой момент воспользоваться им для переброски войск на новые фронты.

8. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕКИНЕ.

Каждый успех генерала У-Шей-фу сопровождался в Пекине ростом влияния Фын-Ю-сяна, как контр-силы, которая должна была уравновешивать влияние генерала У-Шей-фу. Задача тьянь-цзиньской и бао-динской групп, стремившихся к изгнанию президента Ли-Юань-хуна и к «избранию» в президенты Цао-Куня сводилась к тому, чтобы привлечь Фын-Ю-сяна на свою сторону.

Эта задача была стратегически необходима потому, что Фын-Ю-сян являлся противником генерала У-Шей-фу, которому он не мог простить своего «разжалования» из дукциона богатой провинции в «генерал-инспекторы национальной армии». Привлечение Фын-Ю-сяна на свою сторону представлялось целесообразным еще и потому, что он располагался солидными войсковыми силами, расположенными в самом Пекине.

Войска Фын-Ю-сяна уже в период подготовки к будущим боям были наиболее дисциплинированными войсками. Фын-Ю-сян среди своих войск, по сообщению китайских источников, был популярен. Основная идея «воспитания» войск, которую пропагандировал Фын-Ю-сян, заключалась в обслуживании войсками интересов народа.

Вот образец его обращения к своим войскам:

«Откуда приходит ваша пища и одежда? Разве не от народа? Когда кто-либо приглашает сторожа, он ждет от него услуг по охране от воров и грабителей или предупреждения об их приближении. В современных условиях солдаты, охранители нации, оскорбили права своего хозяина-народа вместо того, чтобы охранить интересы страны в целом... Мои дорогие солдаты! Человеколюбие и справедливость являются единственными мотивами моей деятельности. Все мы являемся слугами народа, а не слугами правительства, и потому нашей задачей является оказание содействия благополучию народа» *).

Фын-Ю-сян шел быстрыми шагами к власти. Для достижения этой цели ему была необходима прочная финансовая база. Эту базу Фын-Ю-сян мог полу-

*) „Шэнь-бао“

чить лишь при непосредственном овладении источниками доходов. Ли-Юань-хун в свою очередь был заинтересован в том, чтобы сохранить источники доходов, («octroi»), так как из этого источника покрывалась оплата дворцовой стражи. В требовании генерала Фын-Ю-сяна на контроль этих доходов было отказано.

Этот эпизод послужил началом большой политической кампании в течение 1923 года в Пекине. Эта кампания была прологом к событиям 1924 года, развернувшимся на нескольких фронтах.

Политические задачи момента сводились к борьбе против кабинета, созданного тянь-цзинской группой. Генерал Чжан-Шао-цзен, из-за которого тянь-цзинская группа выдержала в свое время отчаянную борьбу с генералом У-Пей-фу, должен был уйти. Необходимо было всеми средствами создать в стране хаос, который дискредитировал бы президента в глазах народа и перед иностранными государствами. Изгнание президента в условиях общественного недоверия не представлялось бы трудной политической задачей.

Политические интриги в Китае должны подготовить «перевороты» в обстановке, при которой внешняя сторона сама по себе была бы достаточным основанием и оправданием «переворота». Политический хаос в Пекине и развитие бандитизма в стране были лучшими средствами к достижению этих целей.

Кампания против кабинета Чжан-Шао-цзена велась председателем «старого парламента» — У-Цзин-лянь, специалистом по политическим интригам, мастером политических скандалов, сделавшимся несколько месяцев спустя жертвою своей собственной тактики. Диалектика истории со всею силою сказалась и на этих скрупулезных процессах китайской политической жизни.

Первая атака на кабинет генерала Чжан-Шао-цзена была проведена 18-го мая 1923 года. Результатом этой атаки явилось расстройство рядов кабинета. Некоторые из его членов должны были уйти. В кабинет были введены новые лица, с которыми генералу Чжан-Шао-цзену представлялось невозможным работать.

Борьба против премьера была закончена 6-го июня 1923 года. В этот день он бежал из Пекина в Тянь-цзин. Вообще путь на Тянь-цзин был излюбленным маршрутом для ликвидирующихся государственных деятелей. Они размещались на территории иностранных концессий, ставя себя в положение недосягаемости для китайской полиции и жандармерии.

Вслед за ликвидацией премьера встал вопрос об изгнании президента. Кампания против него была проведена со всею решительностью и длилась всего лишь несколько дней. Ее вел Фын-Ю-сян. Он вновь выступил с требованием о предоставлении ему права распоряжаться некоторыми видами пекинских доходов. Для подкрепления своих требований им была учинена первоначально демонстрация его войск перед дворцом. Вслед за демонстрацией была объявлена забастовка полиции

в Пекине. Далее, дворцовая охрана была заменена преданными солдатами Фын-Ю-сяня.

Ли-Юань-хун стремился прокричать на всю страну, что он считает эти действия незаконными, что он не может быть смещен со своего поста в «военном» порядке, что вопрос о президенте составляет прерогативу парламента, что сам парламент сможет поставить этот вопрос только после того, как закончит свои работы по составлению «постоянной конституции», что надлежит упразднить систему дучжуната и вообще распустить наемные армии. Все эти заявления генерала Ли-Юань-хуна не дошли даже до столбцов печати, так как контроль над прессой держал в своих руках Фын-Ю-сян, действовавший заодно со сторонниками Цао-Куня.

13-го июня Ли-Юань-хун бежал в Тянь-цзин. Он был арестован на тянь-цзинском вокзале гражданским губернатором провинции Чжи-ли — генералом Ван-Чен-бином — душой тянь-цзинской группы. Ли-Юань-хун должен был написать декрет об отречении от президентства и указать местонахождение государственной печати.

Так закончилась большая эпопея с «конституционным» президентом. Горднус Ниэльсен в статье «Президент Китая и его сторонники», помещенной в одной из шанхайских газет, дает справку о всех президентах, занимавших президентское кресло с момента революции и о сроке их пребывания в этой роли. Вот эта справка:

Сун-Ят-сен	3 месяца в 1912 г.
Юань-Ши-кай	1912—1916 г.г.
Ли-Юань-хун	1916—1917 г.г.
Фын-Го-чжан	1917—1918 г.г.
Сюй-Ши-чан	1918—1922 г.г.
Ли-Юань-хун	1922—1923 г.г.

Ниэльсен в недоумении восклицает: «трудно понять, почему люди так стремятся к президентскому креслу, с которого их предшественники были «сняты» с такою монотонной регулярностью?»

В настоящее время эту справку можно дополнить указанием на «отставку» Цао-Куня, также занимавшего президентское место в течение всего лишь одного года — с октября 1923 по ноябрь 1924 года.

С устранением Ли-Юань-хуна была поведена энергичная кампания за избрание в президенты Цао-Куня. Необходимо было сделать тот шаг, который исторически предугазывался Пекину после победы над Чжан-Цзо-линем.

Этот шаг должен был вести к утверждению власти одной лишь части «партии» Чжи-ли. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что процессы распада военных и феодальных группировок шли быстрым темпом, что трудящиеся массы страны должны были пережить эти процессы с особенной болезненностью.

постепенно накапливая силы для борьбы против китайской военщины и контр-революции.

Условия политической обстановки, создавшейся после изгнания Ли-Юань-хуна, требовали концентрации внимания на подготовке почвы для избрания Цао-Куня. Персональный авторитет Цао-Куня в стране был совершенно ничтожен. Как политическая фигура, Цао-Кунь был незаметной величиной. Он не принадлежал к числу тех «сильных персонажей», которые хотя бы на историческое мгновение фигурируют в роли «спасителей родины». Он не годился в диктаторы. Безвольный и малограмотный, Цао-Кунь был рьяным реакционером и контр-революционером. Он был в свое время сторонником восхождения Юань-Ши-кая к императорскому трону, принимая деятельное участие в монархическом перевороте. В его формуляре значился акт посылки карательной экспедиции против провинции Юнь-нань, первой составившей против Юань-Ши-кая.

Типичный реакционер-феодал, Цао-Кунь даже в роли дучжона провинции Чжи-ли мог проявить себя лишь как расхищатель народного достояния. В течение 1922 года он собрал в своей провинции 8.099.207 мексик. долларов, из коих на его военные надобности ушло — 7.444.620 руб. *).

Цао-Кунь не мог похвастаться и военными успехами. Эти успехи принадлежали его «лейтенантам», по преимуществу генералу У-Пей-фу.

Цао-Кунь проводился в президенты тьянь-цзинской и бао-динской группами, знавшими, что его избрание откроет его сторонникам те «жирные» должности, которые в кратчайший срок ведут в Китае к обогащению господствующих групп.

Среди его сторонников были его брат Цао-линь — генерал неудачной карьеры, и Цао-чжун — гражданский губернатор провинции Чжи-ли, «снятый» с этого поста по настоянию генерала У-Пей-фу. Провинция Чжи-ли была в прямом значении этого слова вотчиной семьи Цао. За ними шли представители «общественности», утратившие все свои «добродетели», затем его секретари, бывшие писцы, камердинер, Ли-Ань-цзин, занявший — по избрании Цао-Куня в президенты — пост дворцового казначея. Далее шли бывшие премьеры, бывшие министры, бывшие советники, сброшенные со своих мест предшествовавшими сатрапами и искавшими возможности вновь стать ближе к казенному сундуку. Вот та «гвардия», опираясь на которую Цао-Кунь шел к президентскому трону.

Орудием для осуществления целей кампании должен был служить парламент. Он совершенно разложился. Это была кучка жалких политических интриганов, утративших всякую связь со своими избирателями. В течение 12 лет «депутаты» продолжали считать себя избранниками народа, разыгрывая комедию представительства.

*) „Peking and Tientsin Times“ — от 29 ноября 1922 г.

На парламент мог рассчитывать всякий, кто бы больше заплатил. Взятка была упрочившимся методом воздействия на парламент. Все это знали. Сторонники Цао-Куня прибегли к взятке открыто. Утерян был тот стыд, который считается необходимым фиговым листком в буржуазных странах, прикрывающим собою паготу парламентаризма.

Через несколько дней после бегства Ли-Юань-хуна парламент принял его «отставку». Некоторая группа депутатов прибыла в Шанхай в поисках помощи аньфуистов. В награду за эту помощь депутаты предлагали начать кампанию против избрания Цао-Куня в президенты. Эта же группа предлагала, чтобы бежавший президент прибыл в Шанхай и вместе с ними осуществлял государственные функции.

Отказ Ли-Юань-хуна от этого предложения, решившего совершить «турне» по Японии, отказ аньфуистов от дачи денег депутатам, равно как предложение из Пекина вернуться назад для несения «высоких» обязанностей, побудили депутатов вернуться на север. Китайская торговая буржуазия, с своей стороны, заняла враждебные позиции в отношении к членам парламента, заявляя, что Шанхай—место торговли, и что он должен сохраниться только в этой роли.

Некоторыми депутатами было проявлено стремление ориентироваться на доктора Сун-Ят-сена. Эта группа была совершенно незначительна. В самом Пекине позиции так называемой «нейтральной» группы, требовавшей отсрочки выборов президента, были непрочны. Аргументация этой группы сводилась к тому, что парламент прежде всего должен закончить рассмотрение «постоянной конституции». Избрание президента на основе конституции, по мнению этой группы, вело бы к стабилизации политических отношений в стране.

Партия Го-минь-дан относилась резко отрицательно к вопросу об избрании президента «старым парламентом». Партия настаивала на борьбе против политического интригантства, на консолидации своего военного положения на юге.

Генерал У-Шей-фу молчал по всем вопросам, связанным с кампанией по избранию Цао-Куня, занятый своими военными операциями на юге.

5 октября 1923 года Цао-Кунь был «избран» президентом Китайской республики.

Мировой империализм «признал» это «избрание», так как Цао-Кунь выразил готовность принять варварские условия, которые мировой капитал требовал в компенсацию за Линь-чженский инцидент. Этот инцидент заключался в нападении китайцев на экспресс, шедший в Шанхай, при чем несколько иностранцев было захвачено в плен вместе с другими пассажирами. Санкция мирового капитала была дана. Президент и его сподручные могли торжествовать победу.

Акт «избрания» президента послужил толчком к дальнейшей дезинтеграции Китая и к обострению гражданской войны. Так называемые «независимые» про-

винции—Юань-нань, Гуан-си, Гуан-дун, Чжэ-цзян и вся Манчжурия—не признали Цао-Куня в качестве президента. Распался на части «старый парламент». Он пережил самого себя. Парламент не обнаруживал склонности к роспуску, несмотря на то, что в октябре 1923 года он закончил рассмотрение «постоянной конституции» — этого типического продукта мандаринско-канцелярско-цензового творчества.

Члены парламента настаивали лишь на том, чтобы У-Цзин-лян сложил свои полномочия председателя палаты депутатов. Его политическая активность утомляла депутатов, выделивших из своей среды так называемую «конституционную» партию, предложившую даже перенести заседания нижней палаты в помещение сената с целью «освободиться» от председателя У-Цзин-ляня.

Борьбу против председателя палаты депутатов вел временный премьер Гао-Лин-вей, стремившийся занять положение премьера.

Борьба между Гао-Лин-веем и У-Цзин-лянем свидетельствовала о разрыве между тянь-цзинской и бао-динской группами. Некогда единая военная группировка Чжи-ли ныне распалась на три враждебных части, на ло-янскую, тянь-цзинскую и бао-динскую. Каждая из двух последних группировок пыталась выдвинуть программу либеральных реформ, сделавшихся общим местом всех реакционных кабинетов, премьеров и президентов. Эта программа говорила о необходимости разоружения войск, финансовой реорганизации, необходимости считаться с общественным мнением страны, о прекращении гражданской войны, о введении принудительного образования и содействии развитию промышленности, о расширении сети железных дорог, о развитии дипломатических и экономических отношений Китая с иностранными государствами.

Все это были мертвые слова, не способные привлечь общественные классы на сторону разлагающейся феодальной системы, построенной на взаимной борьбе военных группировок и генералов между собой.

У-Цзин-лян, с своей стороны, также старался найти сочувствие среди китайской общественности, выдвигая обвинения против кабинета и министра финансов в вопросе о золотом франке, отказываясь признать требование Франции о производстве платежей по боксерской контрибуции в золотой валюте.

Обстановка политического хаоса и интриг нередко приводила к рукопашным боям в парламенте. В одной из таких сваток член парламента Хуан-и избил председателя палаты депутатов У-Цзин-ляня. Положение вещей обострялось с каждым днем.

В декабре 1923 года, когда Гао-Лин-вей сменил парламентарскую стражу — полицейской, председатель парламента У-Цзин-лян бежал в Тянь-цзинь на территорию японской концессии, в японский госпиталь, якобы для лечения от «ран», полученных в парламенте. После его бегства был отдан приказ об его аресте.

Этот приказ был санкционирован тем самым президентом Цао-Кунем, которого проводил в президенты бежавший У-Цзин-лянь. Экс-председатель парламента в интервью с журналистами указал, что с его отъездом юридически прекращает свое существование и китайский «парламент».

9. СОБЫТИЯ 1924 ГОДА.

Этим эпизодом заканчивается политическая жизнь Китая в 1923 году. Это был год острой борьбы группировок. Генералы, цепляющиеся за власть, разделили Китай на ряд территорий, эксплуатируя трудящиеся массы этих провинций.

1923 год был годом консолидации влияния У-Пей-фу в долине Ян-цзы с утратой им влияния в Пекине.

Этот же год расколол «партию» Чжи-ли на разнородные части, подставляя ее под удары ее врагов. 1923 год был годом распада контр-революционных сил на севере. Чжи-лийская группировка к концу года уже не представляла собою ни военной, ни политической величины.

Единственной силой был генерал Фын-Ю-сян, который овладел доходами Пекина, и держал столицу Китая под вечным страхом «переворота». Генерал Фын-Ю-сян органически не сроднился ни с одной из группировок, предпочитая сохранять свою независимость.

Президент Цао-Кунь был без всякого влияния в Китае вообще и в Пекине — в особенности. Судьбами Пекина распоряжалась кучка политических шарлатанов.

Парламент был полностью дискредитирован, выродившись в орудие политической спекуляции. Сун-Ят-сен и партия Го-минь-дан отвоевали свою территорию у многочисленных противников к концу 1923 года. Го-минь-дан переходил на новые рельсы — на пути массовой партии.

1923 год подготовил объективные условия для дальнейшей борьбы в следующем году. Борьба была направлена против президента и его клики и против У-Пей-фу «северного милитариста», — стоявшего на путях, ведущих к Пекину.

1924 год начался с назначения премьером Сун-Бао-цзи. Этот выбор был одобрен «старым парламентом». Сун-Бао-цзи — старый мандарин, большой чиновничьей карьеры. Его первые шаги относятся ко временам существования династии Дайцинов. В тот период Сун-Бао-цзи поделался на дипломатическом поприще.

В послереволюционные годы Сун-Бао-цзи перешел на командные роли в правительстве, занимая посты министра иностранных дел в кабинете «Цин-пу-тан» — партии «прогрессистов», в период премьерства Сюн-Си-лина. Репутация этой партии «политических маклеров» не влетала лавров в послужной список

Сун-Бао-цзи. В то же время новый премьер является владельцем Хань-и-бинь-ских угольных и железных копей и главным акционером китайской пароходной компании. С первых дней своего премьерства Сун-Бао-цзи был во враждебных отношениях с министерством финансов его же кабинета—Ван-Ге-мином.

1924 год не разрешил ни одной из органических проблем, которые стояли перед Китаем. Заострение борьбы между военными группировками привело к необходимости тактической коалиции всех противников и врагов генерала У-Пей-фу и Цао-Куна.

Самой значительной коалицией этого года была коалиция между Кантоном, Мукденом и Чжэ-цзяном. Эта коалиция означала временный блок партии Гоминь-дан, партии Аньфу и партии Фын-тянь. Партия Го-минь-дан на своей конференции в 1924 году постановила, что в случае войны между Цзян-су и Чжэ-цзяном Гуан-дун должен вместе с Мукденом поддержать Лу-Юн-сяна. Главная задача партии Го-минь-дан для 1924 года была сформулирована как необходимость продолжения работы «начатой в 1911 году, чтобы Китай мог сбросить с себя иго империализма и милитаризма и начать конструктивную работу».

Столкновение между враждебными силами становилось неизбежным. Попытки генерала У-Пей-фу добиться перемирия с Чжан-Цзо-лином, с тем, чтобы развязать себе руки для борьбы на юге, не могли привести к реальным результатам. Каждая из группировок была занята мобилизацией своих сил, готовясь к решительной схватке с противником. Военные столкновения в 1924 году, судя по подготовительным мероприятиям, должны были развернуться на фронте значительно более широком, чем военные действия в прошлых годах и с участием всех родов оружия. Так, в марте 1924 года У-Пей-фу просит пекинское правительство опротестовать факт покушки маршалом Чжан-Цзо-лином у Японии шести военных судов, и у Франции—нескольких аэропланов.

К моменту столкновения обстановка в рядах «партии» Чжи-ли могла быть характеризована по следующим линиям: У-Пей-фу старался противопоставить морским силам своих противников часть китайского флота, перешедшего за деньги на его сторону. У-Пей-фу также укрепил за собой приморскую часть провинции Шань-дун и город Цин-дао, чтобы предупредить возможность использования провинции Шань-дун как базы военных действий Чжан-Цзо-лина против него.

Генерал У-Пей-фу пытался «снять» генерала Ван-Чен-бина, губернатора провинции Чжи-ли и командира 25 дивизии в Тянь-цзине, в виду ненадежности этого генерала. Цао-Кунь, чувствуя приближение надвигающейся опасности, искал путей сближения с У-Пей-фу.

Чжан-Цзо-лин с своей стороны продолжал в течение всей зимы работу по реорганизации армии, по ее обучению и снабжению, пытаясь вести политику, которая должна была маскировать его военные стремления. На целом ряде кон-

ференций, созданных им в Манчжурии, Чжан-Цзо-лин выдвигал проекты промышленного развития Манчжурии и колонизации обширных территорий. В день празднования своего рождения, которое по условиям китайской политической жизни обычно используется в политических целях, генерал Чжан-Цзо-лин произнес речь, в которой сказал, что его задачей является политика мира: «Я должен оставаться индифферентным, потому что многие утверждают, что я стремлюсь к осуществлению своих политических претензий. Сообщение, что я купил оружие, аэропланы и т. д., лишено всякого основания. Однако, по моему глубокому убеждению, мир и порядок не могут быть сохранены без сильной армии» *).

Эти речи должны были прикрывать собою те подготовительные мероприятия, которые Чжан-Цзо-лин осуществлял в предвидении войны с генералом У-Пей-фу. Политическая ориентация Чжан-Цзо-лина шла на партию Аньфу и на маршала Дуань-Ци-чжуня, как на будущего главу правительства, после изгнания Цао-Куня из Пекина.

В предвидении двух фронтов, одного северного — против Чжан-Цзо-лина и другого южного против Лу-Юн-сяна, генерал У-Пей-фу, не только опирается на Цинцаосскую эскадру, но и пытается прийти к соглашению с генералом Ци-Сие-юанем, дучжоном провинции Цзян-су и генералом-губернатором трех провинций Среднего Китая.

Первый выстрел грянул в Среднем Китае. Первые бои завязались между войсками генерала Лу-Юн-сяна и Ци-Сие-юаня. Внешние причины войны были те же, что и в 1923 году. Эти причины заключались в стремлении У-Пей-фу и Ци-сие-юаня распространить свое влияние на провинцию Чжэ-цзян, как на район исключительного промышленного значения и как на центр активной деятельности аньфуистов. В войну были введены значительные силы. На этом фронте, несмотря на затяжной характер военных операций, борьба велась с успехом для генерала У-Пей-фу, особенно после того, как 3 дивизии генерала Лу-Юн-сяна перешли на сторону противника. Лу-Юн-сян с ближайшими друзьями бежал в Японию.

На северном фронте военные операции приняли затяжной характер.

Командование над войсками северного фронта принял генерал У-Пей-фу. Он обратился к войскам, ко всей стране и к иностранным консулам со следующим заявлением: «На мою страну выпало несчастье, что Чжан-Цзо-лин взял в свои руки власть над провинциями, где он поднял восстание против центрального правительства. В целях объединения страны и поддержания мира и порядка, центральное правительство принуждено прибегнуть к оружию. Этот шаг со стороны правительства, имеющий целью подавить восстание, предпринят в согласии с законами страны. Как было неоднократно заявлено, все иностранные интересы и иностранные подданные будут надлежащим образом защищены согласно со

*) „North China Star“ от 22 марта 1924 г.

статьями договоров и не будут потревожены. На мне, как на главнокомандующем карательной экспедиции, лежат долг, ответственность и право охранять всех китайцев и иностранцев в тех местностях, где я нахожусь, и настоящим я искренно заявляю, что везде, где существуют интересы дружественных наций, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы они не пострадали» *).

В самый разгар развития военных операций генерал Фын-Ю-Сян, занимавший позиции на левом фланге расположения армий генерала У-Пей-фу в районе Шань-Хай-гуани, заговорил о необходимости прекращения военных операций. Это знаменовало собой распад самих армий и создание условий, ведущих к поражению генерала У-Пей-фу и к ликвидации его политического влияния на севере Китая.

В ночь на 23 октября 1924 г. в Пекине был учинен «переворот». Группа генералов, решившая закончить военные операции на фронте, договорились с генералом Фын-Ю-сян, вернувшимся в Пекин и поручившим своим подчиненным принять все меры к недопущению генерала У-Пей-фу в столицу Китая. Генерал Фын-Ю-сян вместе со своими войсками занял окрестности Пекина. Гарнизон Пекина, состоявший из 15 бригады генерала Сун-Юе, открыл ворота Пекина генералу Фын-Ю-сяну, который немедленно захватил все коммунальные важные пункты и правительственные учреждения. Вся 11 дивизия генерала Фын-Ю-сяна была введена в город. Дворец президента был окружен. Министр финансов Ван-Ге-мин и генерал Ли-Е-цзин—директор Военного Совета при президенте—были арестованы. Генерал Фын-Ю-сян отдал распоряжение об аресте министров торговли, путей сообщений и генерала Цао-чжун, брата президента.

В «перевороте» принимали непосредственное участие Хуан-Фу, бывший министр народного образования, и доктор Ван, бывший председатель китайской делегации по ведению переговоров с советским послом в Китае тов. Л. М. Караханом. После учинения «переворота» доктор Ван объявил, что предполагается созыв конференции с участием маршала Чжан-Цзо-лина, доктора Сун-Ят-сена и других лидеров, с целью создания прочного правительства и объединения Китая.

Генерал Фын-Ю-сян вместе с командирами преданных ему воинских частей опубликовал нижеследующее роззвание: «Позор! Разве армия призвана к поддержанию и развитию гражданской войны? Разве ее задача не заключается в охране нации? Начиная с 1911 г. в Китае идет гражданская война, ничем не оправдываемая. Если бы правительственные власти имели достаточно воли и сознания, они давно призвали бы всех к порядку и к миру. В противоположность этому с момента начала войны в Цзян-Су национальная армия была мобилизована.

*) „Бюллетень информационного бюро чрезвычайного полномочного предства СССР в Китае“ № 10 за 1-ю половину октября 1924 г.

Тысячи жизней было уничтожено. Какие цели этой войны? Кто ответственный руководитель войны? Никто не может ответить на эти вопросы. В 1924 году засуха и наводнение вновь посетили страну. Мы должны облегчить страдания народа, вместо ведения военных операций... Мы намерены организовать национальную армию, которая посвятит все свои силы охране благополучия народа. Интеллигентные классы во всех частях страны должны, с своей стороны, приложить все усилия к осуществлению этой реорганизации» *). После разоружения дворцовой охраны и после подписания президентом Цао-Кунем ряда декретов о разжаловании генерала У-Пей-фу и лишении его высоких должностей, президент был изгнан из дворца.

События в Китае, развернувшиеся со стремительной быстротой, осенью 1924 года, вовлекли в свою орбиту большое количество действующих лиц. Ход этих событий предопределяет на ближайшие несколько лет судьбы и взаимоотношения огромной страны Дальнего Востока с другими государствами. Эти же события дают новые очертания соотношениям общественных сил внутри Китая.

События 1924 года, как и вся предшествующая цепь явлений, приведших к военной развязке, свидетельствуют о том, что китайские трудящиеся массы могут добиться освобождения от внутреннего ига своей контр-революции, поддерживаемой мировым империализмом, только опираясь на собственные силы.

Классовая борьба в Китае непрерывно развивается. Отсутствие заостренных классовых граней и неликвидированные еще остатки военно-феодального строя затуманивают классовую борьбу групповыми, случайными и эпизодическими элементами. Борьба народных масс — крестьянства и рабочего класса — в Китае должна сделаться борьбой против военных групп, занимающих собой всю авансцену политической жизни Китая.

Индифферентизм масс должен отойти в область исторического прошлого. Разнодушие народных масс к войне генералов между собой в условиях настоящего времени является обстоятельством, содействующим закреплению феодальных отношений еще на некоторый срок. Народные массы не могут далее ограничиваться ролью созерцателей гражданской войны, вовлекающей многотысячные армии, в качестве действующей силы.

Участие трудящихся масс в борьбе против этих генералов на стороне революционных партий является единственным выходом, обеспечивающим ликвидацию китайской военщины и тенденций генеральской диктатуры.

Активность масс — единственное средство к очищению путей развития Китая от тяжелого наследия эпохи изолированного китайского феодального

*) „China Press“ от 25 октября 1924 г.

хозяйства и к созданию условий для действительного развития производительных сил Китая.

Активность масс является необходимым условием борьбы Китая за его независимость. Борьба с внутренней реакцией должна вести китайские трудящиеся массы к решительной схватке с мировым империализмом.

Решение этой задачи возможно лишь при непосредственном участии в национально-освободительном движении пролетариата Китая, ведущего за собой многомиллионное крестьянство Китая.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I.

М. П. ПАВЛОВИЧ. ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В КИТАЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. Революционное движение и политические партии в Китае в эпоху 1898—1910 гг.	7
2. Китайская революция 1911 г. и свержение династии манчжуров	20
3. Провозглашение Китайской республики в 1911—1912 гг. и Европа	47
4. Мировой империализм и гражданская война в Китае 1922 г.	56

II.

А. Е. ХОДОРОВ. КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

ЧАСТЬ I.

КИТАЙ И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ.

1. Боксерское восстание	63
2. Контр-революция в Китае и империалисты	71
3. Гонконг и Кантон	79

ЧАСТЬ II.

КИТАЙ И С.С.С.Р.

1. Дальневосточная проблема	85
2. Китайско-Восточная железная дорога	95
3. Экономические связи СССР с Манчжурией	113
4. Договор дружбы СССР с Китаем	113

ЧАСТЬ III.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КИТАЕ.

1. Гражданская война в Китае	122
2. Чжан-Цзо-лин и Пекин	133
3. Манчжурская проблема	143
4. События лета 1922 г.	152
5. События в Китае в 1924 г.	190

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ О МАНЧЖУРИИ И СОБСТВЕННОМ—КИТАЕ.

1. Описание Манчжурии под редакцией Дмит. Позднеева, 1897 год, 2 тома.
2. Записки о Манчжурии—Барабаша и Матюнина. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, выпуск 1-й.
3. Поездка в Манчжурию.—Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, выпуск 26-й.
4. Экскурсия по Синцзинскому, Фынхуанченскому и Ляоянскому округам Шенцзинской пров. в Южной Манчжурии.—Я. С. Эдельштейн.—Записки Русского Географического общества, т. 38-й, № 2.
5. Экономический Вестник Манчжурии, 1924 год.
6. Известия Общества изучения Манчжурского края—1923—24 гг.
7. Северная Манчжурия и Китайско-Восточная железная дорога, издан. КВЖД, 1922 год.
8. Китайско-Восточная железная дорога—П. С. Тищенко, Харбин, 1914 г.
9. Сборник узаконений и постановлений, изданных в порядке деклараций 14-го марта 1919 года о междусоюзническом заведывании сибирскими и Китайско-Восточной железными дорогами. Владивосток, типография Восточного Института, 1920 год.
10. Сборник документов, относящихся к КВЖД — издан. канцелярии правления КВЖД, 1922 год.
11. Н. В. Кюнер.—Историч. очерк развития основ. китайск. материальн. и духовной культуры, часть 1-я, Владивосток, типогр. Вост. Инстит., 1909 г.
12. А. В. Тужилин.—Современный Китай, 2 тома. С. Петербург—типогр. учил. глухонемых (М. Аленивой), 1910 г.
13. И. Коростовцев.—Китайцы и их цивилизация. С. Петербург. Издание книжного склада Н. Аскарханова, 1898 г.
14. Сергей Георгиевский.—Первый период китайской истории. С. Петербург, печатня А. Григорьева, 1885 г.
15. Э. Парнер.—Китай—его история, политика и торговля. С. Петербург, 1903 г.
16. Д. М. Позднеев.—Тайпинское восстание в Китае. С. Петербург, типография В. С. Балашов и К-о, 1898 г.
17. Лян-Ци-чао. Ли-Хун-чжан или политическая история Китая за последние 40 лет. Изд. В. Березовского, С. Петербург, 1905 г.
18. Арнадий Петров.—Китай за последнее десятилетие. Изд. А. Д. Попова, С. Петербург, 1910 г.
19. Дмитрий Позднеев.—56 дней пекинского сидения, С. Петербург, типогр. В. Ф. Киришаума, 1901 г.
20. Д. Д. Понотилов.—Дневник осадных европейцев в Пекине с 22-го мая по 1-е августа 1900 г. и с 2—31 августа 1900 г., изд. мин. финансов, 1900 г.
21. Бутанов и Тизенгаузен.—Обзор войн, веденных европейцами против Китая с 1840—42 г., 1856—58, 1859—1860.—Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 8.
22. А. Е. Ходоров.—Мировой империализм и Китай, изд. „Шанх. Жизнь“, 1922 г.
23. Вл. Виленский-Сибиряков.—Китай (политико-экономический очерк), Ассоциация Востоков., 1923 г.
24. И. Мамаев и В. Колоколов.—Китай—Гос. Военн. изд., 1924 г.
25. А. Иорданский.—Китай в прошлом и настоящем, Госуд. военн. изд. 1924 г.
26. А. Жабин.—Борьба в Китае.—Гос. Воен. изд., 1924 г.
27. Влад. Виленский-Сибиряков.—Сун-Ят-сен. отец кит. революции, Красная, Новь, 1924 год.
28. Г. Войтинский.—Что происходит в Китае, с предисл. К. Радена. Госиздат 1924 г.
29. Г. Войтинский.—Империалисты в Китае,—изд. „Пролетарий“, 1924 г.
30. „Руки прочь от Китая“—Госиздат, 1924 г.
31. А. Ивин.—Китай и Советский Союз—Госиздат 1924 г.
32. Г. Сафаров.—Смысл событий в Китае,—„Прибой“, 1924 г.
33. Информационный Бюллетень Полпредства СССР в Китае — Пекин, 1923—24 г.
35. „Новый Восток“—1—6 книги.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ ШЕСТОЙ НОМЕР

„НОВОГО ВОСТОКА“

Органа Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР,
издаваемого под общей редакцией М. П. ПАВЛОВИЧА.

В ЖУРНАЛЕ НАПЕЧАТАНЫ СТАТЬИ: М. Павлович—„СССР и Восток“; А. Ивин—„Современный Китай“ („Русско-китайское соглашение“, „Кантонская проблема“); Б. Семенов.—„Первый этап гражданской войны в Китае“. Виленский-Сибиряков—„Интервенция в Китае“; Войтинский—„Гоминдан и компартия Китая в борьбе с империализмом“; проф. Grimm—„Китайский вопрос 1895—1914 г.г.“ Стефан Радич—„Словения, Хорватия и Сербия“; проф. Соколов—„Аграрный вопрос в Турции“; Базыкин—„Основы китайского земледелия“; Шойжелов—„Национальное движение в Монголии“; Рыскулов—„Восстание киргиз в 1916 г.“; Г. Бройдо.—„Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г.“; проф. Богаевский—„Негры и новые проблемы африканистики“; И. Н. Бороздин—„Об изучении восточных культур СССР“; Добролюбовский—„Возникновение ислама в новом освещении“; Бирюков—„Толстой и Восток“; С. Вельтман—„Рабиндранат Тагор, его жизнь и творчество“ и др. Корреспонденции и библиография.

В журнале введен новый отдел естественных производительных сил Востока, в котором помещены статьи: проф. Н. И. Вавилова—„О восточных центрах происхождения культурных растений“; проф. Обручева—„Об очередных задачах обследования Монголии“; Н. И. Гана—„О минеральных богатствах Британской Бирмы“ и др.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1925 г. (Шесть номеров—13 руб.).

Адрес редакции: Никольская, 10
Тел. 73-84.

Р А Н Е Е В Ы Ш Л И:

„Новый Восток“ № 1-й, 494 стр. М. 1922 г. (распродан)

Содержание.

Политико-экономический отдел.

М. Павлович. Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. М. П. Тихоокеанская проблема. Проф. С. Котляревский. Правовые достижения России в Азии. В. А. Гурко-Кряжин. Сирия и Палестина. К. М. Т—ий. Новый передел Африки после Версальского мира. К. М. Трояновский. „Независимое“ королевство Египта. Тивель. Пути и перспективы индийской революции. И. Рейснер. Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии. А. Султан-Заде. Аграрный вопрос в современной Персии. Б. Осетров. Персидские партии (письмо из Тегерана). И. Майский. Монголия. А. Ивин. Современный Китай (письмо из Пекина). М. Абрамсон. Политические общества и партии в Китае. А. Садовский. Железные дороги Китая.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Д. Анучин. Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее. Проф. А. Захаров. Хеттский вопрос. Проф. В. А. Гордлевский. Религиозное движение среди кызылбашей Малой Азии. В. Викентьев. Революция в Древнем Египте. Т. Козьмина-Бороздина. Проф. В. К. Мальмберг и искусство Древнего Востока. Проф. Б. Денике. Искусство Восточной Азии на выставке в Ганновере. Проф. Л. Мсерианц. К истории санскритологии в России.

Отдел материалов и документов.

Абиссиния. Макинское ханство.

Обзор прессы.

Библиография.

Рецензии о новых книгах: Г. Сафарова, Б. Абукова, М. Казанина, В. Кряжина, С. Срединского, Т. Козьминой-Бороздиной, проф. И. Н. Бороздина, проф. И. Франк-Каменецкого, проф. В. Смолина, проф. А. Захарова, В. Викентьева, проф. Чубинова, В. Гурко, С. Вельтмана, Росси, А. Т., А. С—ч.

Х р о н и к а.

Содержание.

Политико-экономический отдел.

Мих. Павлович. Японский империализм на Дальнем Востоке. Г. Сафаров. Национально-колониальный вопрос на IV конгрессе Коминтерна. Г. И. Бройдо. Наша туркестанская политика и английская журналистика. В. Кряжин. Борьба за проливы. А. Ф. Сперанский. Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны. Н. Арсеньев. Очерки современной Турции. Д. Козьмин. Рабочее движение в Турции. Е. А. Адамов. Великодержавная политика Греции и великие державы. Константин Трояновский. Проблемы Египта и Судана. В. А. Кряжин. Национально-освободительное движение на арабском Востоке (Месопотамия). А. Вишнеградова. Революционное движение в персидском Азербайджане. А. Тимофеев. Империалистическое „мирное“ завоевание Персии. Л. Соловейчик. Революционная Бухара. Никулин. Афганистан и Ангора. И. Ванин. Факты и впечатления из послевоенной Индии. В. Виленский (Сибиряков). Перспективы революционного развития Китая. Проф. Дмитрий Позднеев. Из истории революционного движения в Китае. Г. Войтинский. Борьба китайского пролетариата. Проф. Иванов. Колонизация и эмиграция на Дальнем Востоке. Л. Берлин. Англия и Тибет. Сен Катаяма. Аграрный вопрос в Японии. Ф. Ф. Аристов. Значение Сахалина в стратегическом отношении. В. Каспарова и Е. Ралли. Пробуждение трудящейся женщины Востока. Бэнтинг. Белые и черные рабочие в Южной Африке.

Водные и железнодорожные пути сообщения.

Проф. Котляревский. К вопросу о железнодорожном строительстве в Монголии. К. Старков. Водный путь от Индии до Каспийского моря.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Д. Анучин. Ископаемый человек в Азии и Африке. Проф. И. Франк-Каменецкий. Гениальное открытие Шампольона. В. Викентьев. Пустыня и Нил. Проф. Б. Фармаковский. Ханаан и Израиль. Академик. В. Бартольд. Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям. И. Ванин. Абиссиния. Проф. И. Бороздин. Первый всероссийский съезд египтологов.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин. Современный Китай (письмо из Пекина). А. Е. Ходоров. Маньчжурская проблема (письмо из Китая). Вл. Осетров. Рабочее и проф. движение в Персии (письмо из Тегерана). С. Д. В порабощенной Корее (письмо из Кореи).

Материалы и документы.

А. Ф. С—кий. Материалы к истории интервенции (роль Японии в панмонгольском движении). Декларация Китайской Коммунистической партии (с предисловием Виленского-Сибирякова). Инал Бутаев. Экономическое положение современной Турции. Зинатулла Навширванов. Социалистическое движение в Турции.

Обзор прессы.

Библиография.

Рецензии о новых книгах: В. Кряжина, А. Ф. Сатина, Ф. Ф. Аристова, В. Худадова, А. Тимофеева, С. Духовского, Евразцева, Трояновского, В. Викентьева, проф. Л. Мсерьянца, проф. А. Захарова, Т. Козьминой-Бороздиной, проф. И. Бороздина, проф. Б. Денике и др.

Хроника.

Содержание.

Отдел политико-экономический.

М. Павлович.— Лозаннская конференция. В. А. Гурко-Кряжин.— Политические группировки в Турции. Думбис — Айсоры. Мусалли.— Экономическая конференция в Смирне. Иранский.— Русско-персидские отношения за 5 лет. А. Афанасьев-Казанский.— Экономическое положение Западного Китая. А. Ф. Сперанский.— Национальное движение в Корее. Л. Б.-н.— Хамбо-Агван-Доржиев (к борьбе Тибета за независимость). М. Н.— Затерянный край (Памиры). В. Н. Худатов.— Современный Азербайджан. Каспарова-Ралли.— Положение трудящейся женщины в Индии. К. Зубрек.— Земледелие и ирригация в Хорезме.

Отдел истории революционного движения.

М. Павлович.— Красный Дагестан. Н. Самурский.— Гражданская война в Дагестане. Г. Скалов.— Хивинская революция. А. Е. Ходоров.— Из истории революционного движения в Китае.

Отдел торговли и промышленности.

Дикий.— Экономические интересы и борьба за транспорт в Манчжурии. Э. Озорнин-Кистер.— Рыбный промысел в устье Амура. С. Минц.— Торговля Персии во время войны.

Отдел водных и железнодорожных путей.

Озорнин-Кистер.— Северная Манчжурия и КВЖД. В. Попов.— Ледовитый океан.

Отдел историко-этнологический.

Проф. С. А. Котляревский.— Социально-экономические и правовые отношения в Вавилонии по законам Хаммураби. Т. Н. Козьмина-Бороздина.— Развитие египтологии в России. В. М. Викентьев.— Фараон Тутанхамон и его гробница. Проф. Ф. В. Баллод.— Две столицы Золотой Орды. Проф. А. А. Васильев.— Проблема средневекового Крыма. Проф. Б. П. Денике.— Арабо-месопотамская школа миниатюры. Проф. Д. Н. Анучин.— Экспедиция П. К. Козлова в Центральную Азию. Проф. Н. И. Леонов.— Исторический очерк Урянхайского края.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин.— Письмо из Китая. А. Перлин.— Письмо из Персии.

Материалы и документы.

Персия в конце XIX века. С. Мирный.— К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции. Французские интересы в Турции.

Обзор прессы.

Турецкая пресса. С. Д.— Японская пресса.

Библиография.

Рецензии академика С. Ольденбурга, проф. И. Н. Бороздина, В. А. Гурко-Кряжина, проф. А. Захарова, проф. А. Самойловича, проф. Н. Леонова, В. Н. Худатова, А. Г. Астахова, Ф. Ф. Аристова, А. Зонненштраль-Пискорского, В. Добрянского, А. Е. Хо-ва, Х. Мышковского и др., С. Вельтман. Рабиндранат Тагор — поэт и политик.

Хроника.

Обложка, заставки, концовки работы худ. В. С. Орлова.

Содержание.

М. Павлович. — Тихоокеанская проблема и землетрясение в Японии.

Отдел политико-экономический.

А. Иоффе. — Россия и Япония. Ф. Раскольников. — Россия и Афганистан. В. Кряжин. — Раздел Турции во время мировой войны. Лахути. — Курдистан и курды. М. Н. — Под знаком ислама. Б. Сейгель. — Англия и Индия. Г. Войтинский. — Буржуазия и остатки феодализма в Японии. Мушин. — Китайское рабочее движение и февральская железнодорожная забастовка. С. Шойжелов. — Западная Монголия. В. Худатов. — Современный Азербайджан. П. Китайгородский. — Северная Африка. Иранский. — 5 лет взаимоотношений Советской власти с Персией.

Вопросы торговли и промышленности.

Л. Колядко. — Экономическая жизнь Анатолии. А. Левин. — Финансы Хорезма. А. Саккети. — Борьба за нефть в Передней Азии.

Революционное движение на Востоке.

З. и Д. Навширвановы. — Коммунистические течения в истории мусульманской культуры. Г. Войтинский. — Пролетариат и национальное движение в Китае.

Отдел историко-этнологический.

Проф. И. Н. Бороздин. — Хеттские законы. Проф. В. А. Городцов. — Нижнедунайская культура в Болгарии. Акад. Ф. И. Шмит. — Китай — Персия — Византия. Проф. К. П. Добролюбовский. — Возникновение ислама в новом освещении. Проф. Н. И. Коврад. — Вопросы японского феодализма. Проф. Б. Денике. — Раннее китайское искусство.

Материалы и документы.

Н. Горский. — Япония на море. Из дневника ген. Косаговекого. — Очерк развития персидской казачьей бригады.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин. — Линчженский инцидент. Письмо из Китая. Р. Ким — Японский фашизм. Письмо из Японии. В. О. — События в Месопотамии и шиитское духовенство. Письмо из Тегерана.

Библиография.

Рецензии о книгах: проф. И. Бороздина, В. Кряжина, С. Духовского, проф. А. Захарова, В. Викентьева, А. Ходорова, Т. Козьминой-Бороздиной, А. Зоненштраль-Пискорского, А. Сперанского, Е. Адамова, Н. Гудзия и др.

С. Вельтман. — Колониальные романы.

А. Скачко. — Восточные республики на Всероссийской Сельско-Хозяйственной Выставке.

Хроника.

Обложка, заставки, концовки работы худ. В. С. Орлова.

„Новый Восток“ № 5, 478 стр., цена 4 р.

Содержание.

М. Павлович.—Ленин и народы Востока. Н. Нариманов.—Ленин и Восток.
А. Е. Ходоров.—Ленин и национальный и колониальный вопрос.

Отдел политико-экономический.

В. А. Гурко-Кряжин.—Ближневосточная проблема, Черное море и СССР.
Г. Астахов.—Проблема новой Турции (ашар). Проф. Э. Гримм.—К истории русско-болгарских отношений Л. Кауфман.—Японский империализм и Корея. Иранский.—Через военную диктатуру к национальному государству. П. Китайгородский.—Вопрос о капитуляциях на Лозаннской конференции. И. Занин.—Судьбы Голландской Ост-Индии.

Вопросы торговли и промышленности.

Проф. П. Воробьев.—Финансовые вопросы современного Китая. А. Бонч-Осмоловский.—Внешняя торговля Дальнего Востока за время революции.

Водные и железнодорожные пути.

В. Худатов.—Железные дороги Африки. К. Старков.—Туркестано-Китайский водный путь.

Революционное движение на Востоке.

В. Елагин.—Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. З. Миндлин.—Киргизы и революция. В. Кряжин.—Рабочее и профессиональное движение в Индии.

Историко-этнологический отдел.

Проф. Н. Яковлев.—Новое в изучении Северного Кавказа. Проф. Н. Бакланов.—Художественная культура Дагестана. В. Вигентьев.—Фараон Тутанхамон и его гробница. Проф. Н. Никольский.—Иудейские монархоты VII в. Проф. И. Бороздин.—Д. Н. Анучин и его работы по Востоку. Проф. С. Котляревский.—Памяти Д. Н. Анучина. Акад. Н. Марр.—Об яфетической теории.

Материалы и документы.

Биг-Бен.—Вооруженные силы Индии.

Письма и корреспонденции.

А. Ивин.—Современный Китай (письмо из Пекина). Решти.—„Дипломатическая работа“ (письмо из Решты). Мирный.—Школьный вопрос в Константинополе (письмо из Константинополя). Проф. А. Самойлович.—Новый турецкий алфавит (письмо из Азербайджана).

Библиография.

Рецензии о книгах: Г. Астахова, Ф. Аристов, В. Аболтина, проф. И. Н. Бороздина, проф. П. Воробьева, проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. П. Грацианского, проф. Н. К. Гудзия, Г. Демидова, проф. Л. И. Жиркова, проф. А. А. Захарова, Р. Н. Кима, проф. Л. З. Мсерьянца, акад. С. Ф. Ольденбурга, проф. О. В. Плетнера, проф. Е. Поливанова, И. Рейснера, проф. А. Самойловича, В. Худатова и др.

С. Вельтман.—„Белые и черные“ (колониальные романы).

Хроника.

Обложка, заставки, концовки худ. В. Орлова.

ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. „Как научились читать египетские письмена“. С иллюстрациями, 62 стр. М. 1922. Ц. 15 коп. золот.

А. Султан-Заде. „Современная Персия.“ 66 стр. М. 1922. Ц. 35 коп. золотом.

Содержание: 1. Предисловие. 2. Политический строй. 3. Аграрный строй. 4. Экономический строй. 5. Общественное движение. 6. Литература.

Вл. Виленский (Сибиряков). «Китай». С иллюстр. и карт., 97 стр. М. 1923 г. Ц. 75 коп. золотом.

Содержание: От автора. Глава 1. Введение. Глава 2. Из истории Китая. Глава 3. Государственное устройство современного Китая. Глава 4. Экономическое развитие Китая. Глава 5. Политические группировки и партии в Китае. Глава 6. Рабочее движение и коммунистическая партия Китая. Глава 7. Задачи национально-освободительного движения в Китае. Карты, иллюстрации и снимки лидеров китайских политических группировок и партий.

В. А. Кряжин. „Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке“. С картами. 150 стр. М. 1923. Ц. 85 коп. золотом.

Содержание: Предисловие.

Гл. I. Сирия и Палестина. — 1. Борьба за Сирию. 2. Хозяйственное значение Сирии. 3. Торговое значение Сирии. 4. Капитализация Сирии. 5. Геополитическое значение Сирии и ж.-д. строительство. 6. Социальный строй Сирии. 7. Тактика Франции и Англии. 8—9. Ближневосточная проблема и организация Сирии. 10—11. Англия, сионисты и арабы.

Гл. II. Киликия.

Гл. III. Месопотамия. 1. Общее значение Месопотамии. 2. Месопотамское сырье. 3. Хозяйственное состояние Месопотамии. 4. Западные державы и Месопотамия. 5. Социальный строй Месопотамии. 6. Раздел Месопотамии и война. 7—9. Англичане в Месопотамии. 10—11. Автономия Месопотамии. Политическое положение королевства Ирана.

Гл. IV. Египет. 1. Геополитическое значение Египта. 2. Очерк завоевания Египта. 3. Государственное управление. 4. Экономический переворот в Египте. 5. Социальная структура Египта. 6—8. Национальное освободительное движение.

Вл. Виленский (Сибиряков). „Япония“. С иллюстр. и карт. 240 стр. М. 1923. Ц. 1 р. золотом.

Содержание: Введение. Географическое положение Японии. Население Японии. Гл. 1. Капиталистическое развитие Японии. Гл. 2. Японский империализм. Гл. 3. Япония и тихоокеанская проблема. Глава 4. На путях к социализму.

М. Павлович. „Борьба за Азию и Африку“. С карт. 229 стр. М. 1923. Ц. 1 р. 50 к. золотом.

Содержание:

Часть I. Борьба за раздел Азии. Глава I. Борьба за Дальний Восток. — Глава II. Борьба за Малую Азию и раздел Турции. — Глава III. Борьба за Оттоманское наследство после мировой войны. Лозаннская конференция.

Часть II. Борьба за Африку. Глава I. Трагедия Черного континента. — Глава II. Бельгия и вопрос о Конго в мировой войне. — Глава III. Мароккская авантюра и колониальная эпопея 3-ей республики. — Глава IV. Мароккский вопрос и мировая война. — Глава V. Борьба за Африку после мировой войны.

Приложение.

„Афганистан“. Сборник статей Д. Анучина, И. Н. Бороздина, М. Вечеслова, В. Городцова, В. Гурко Кряжина, Б. Денике, Л. Мсерианца, и А. Самойловича.

М. Павлович. „Русский вопрос в английской внешней политике“. Ц. 60 коп.

С. Яргашев. „Парида“ — „Дагестанская поэма“, с предисловием В. Брюсова. Ц. 60 коп.

„Приключения Самба Диуфа“. Колониальный роман Жерома и Жана Таро. Перевод Федора Ге. Предисловие С. Вельтмана. Ц. 80 коп.

Ленин и Восток. Сборник статей М. Павловича, Н. Нариманова, Я. Ходорова. (Вышло второе дополненное издание статьи М. Рафаила, М. Павловича, Н. Нариманова, А. Ходорова.

В. Д. Соколов, и Н. Н. Тихонович. Сахалин.

В. А. Гурко-Кряжин. Ближний Восток и державы. С картами. 243 стр.

Содержание:

I. Раздел Азиатской Турции во время мировой войны. II. Борьба за проливы и Черное море. III. Национально-освободительное движение в Турции. IV. Новая Турция. V. Арабский Восток.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСИЗДАТА.

Ленинград, Проспект 25 Октября, № 28 „Дом Книги“
Москва, Тверская, 51. Телефон 3-92-07.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М. П. ПАВЛОВИЧА (ВЕЛЬТМАНА).

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА КОНЦА XIX И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ.

- Том I. Империализм.
II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего.
III. Борьба за Азию и Африку.
IV. Англо-бурская война 1899—1901 г. Русско-японская война. Война за Триполи. Борьба держав на Балканах. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне.
V. Мировая война 1914—1918 г.г. и будущие войны.
VI. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономическ. возрождения России.
VII. Франция накануне мировой войны. Смерть Жореса. Французский империализм.
VIII. СССР и великие державы (СССР и Франция, Англия, Америка, Япония).
IX. Восток. (Революционная Турция, Персия, Китай, Индия).
X. Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Сталин, Троцкий об империал. и мировой политике.
XI. Различные статьи.
XII.

Томы I, III и V — в наборе и выйдут в ближайшее время.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.uraic.ru/>

